

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 1 (27)

2002

Александр Квасневский о вчерашнем и завтрашнем дне

Станислав Лем о России и Польше

Итоги опроса: поляки и русские благоволят друг другу

Левиафан не был хищником

Профессор Вольщан – ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

Богомаз нашего времени

СУД НАД СОВРЕМЕННЫМ ПОЛЯКОМ

ВАРШАВА

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 1(27)
2002
ЯНВАРЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	АЛЕКСАНДР КВАСНЕВСКИЙ о вчерашнем и завтрашнем дне	3
	О ПОЛЬШЕ, РОССИИ И О «НОВОЙ ПОЛЬШЕ» <i>Беседа со Станиславом Лемом</i>	6
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	10
	Итоги опроса: ПОЛЯКИ И РУССКИЕ БЛАГОВОЛЯТ ДРУГ ДРУГУ	17
	Лешек Бальцерович КОМУ ВЫГОДНО ОЧЕРНЯТЬ РЕФОРМЫ?	18
	Анджей Садовский КАК ОБРЕТАЮТ СВОБОДУ И КАК ЕЕ ТЕРЯЮТ	20
	Анджей Корашевский ПРЕЛЮДИЯ К ЕВРОПЕЙСКОМУ СОЮЗУ	23
	ЕСТЬ У НАС ДРУЗЬЯ Марек Островский LADY RYDER OF WARSAW	28
	«ЛЕВИАФАН» НЕ БЫЛ ХИЩНИКОМ <i>Беседа с Петром Вежбицким</i>	31
	НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ Ежи Домагала ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ	41

Лешек Шаруга 47
НА НИЧЬЕЙ СТОРОНЕ

ТРИ МОЛОДЫЕ ПОЭТЕССЫ 48
СТИХОТВОРЕНИЯ

Збигнев Флорчак 52
БОГОМАЗ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Гжегож Пшебинда 56
НАД РЕКОЙ ВИШЕРОЙ

Петр Мицнер 59
ДЕСЯТЬ МГНОВЕНИЙ «КУЛЬТУРЫ»

ГАЗЕТНЫЙ КИОСК
Кшиштоф Бурнетко 60
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕТРАДИ»

Лешек Шаруга 62
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 65
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

СУД НАД СОВРЕМЕННЫМ ПОЛЯКОМ 69

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглосци, 213
02-086 Варшава
телефоны: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ: Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская, д.5, кв.49
Тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

WIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

Переводчики: Н.Астафьева, А.Бондарев, Н.Горбаневская, И.Обухова, Г.Погожева, А.Пустынцева, С.Филипчак, Е.Шиманская.

Фото ©: А.Н. (стр. 28), Archiwum (стр. 3, 52), С.Сzapski (стр. 41), W.Olkuśnik/Agencja Gazeta (стр. 60),.

Рисунки: Д.Шевионков-Кисмелов (стр. 6, 7, 9).

АЛЕКСАНДР КВАСНЕВСКИЙ О ВЧЕРАШНЕМ И ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ

В конце 2001 – начале 2002 года президент Александр Квасневский неоднократно давал интервью прессе, выступал по радио и телевидению. Мы приводим те фрагменты его высказываний, которые показали нам наиболее важными для определения нового места Польши в Европе и основных векторов ее внешней политики. Нам кажется, что они могут заинтересовать и русского читателя – особенно в перспективе планируемого визита в Польшу президента Российской Федерации Владимира Путина.

Есть в истории нашего народа какая-то трагическая повторяющаяся нота. Я имею в виду войны, разделы, восстания, оккупации, внутренние конфликты. С необъяснимой силой возвращались обстоятельства, кризисы, ведущие к упадку Речи Посполитой. Военное положение 1981 г., к сожалению, вписывается в эту же печальную цепочку событий.

Но тянется в истории нашего народа и другая постоянно возвращающаяся нить — способность к возрождению, восстановлению, расцвету. Это дало нам силу — тогда и сегодня. У нас есть государство с более чем тысячелетней историей. У нас есть общий дом, родина, гордый своим прошлым народ. Мы сумели, как писал Норвид, на дне пепла разрушений найти звездный алмаз, зарю вековой победы. (...)

Сегодня ни у одного разумного человека нет сомнений: военное положение было злом (...)

После ночи военного положения этим алмазом, несомненно, стали переговоры за «круглым столом». В этих обстоятельствах, полных травм и противоречий, предубеждений и ненависти, мы сумели найти путь к согласию. Мы доказали себе и миру, что наш народ способен победить собственные слабости. Благодаря этому в следующие годы нам удалось пройти путь от вражды к сотрудничеству, от реального социализма к демократии, от Организации Варшавского договора к Северо-Атлантическому союзу, от СЭВа к — думаю, уже скоро — Европейскому союзу. И, черпая из этих источников, мы сумели построить наши отношения со всеми соседями, преодолеть исторические предубеждения и стереотипы, установить искреннее партнерство. Из «больного человека Европы» или «европейской головной боли» мы стали символом ее здоровья и жизнеспособности, государством, которое часто называют лидером перемен в нашем регионе. (...)

Молодые люди, обсуждая на уроках истории военное положение, задают простой вопрос: так кто же в конце концов выиграл эту «войну»? Думаю, мы можем ответить им совершенно убежденно: ее выиграли те, кто хотел свободной, суверенной, демократической Польши. Ее выиграли сторонники соглашения, компромисса и сотрудничества. (...)

В то же время все мы сознаем, что эта новая Польша, наша Польша, многих разочаровала: тех, у кого нет работы, кому не хватает на хлеб, а зачастую попросту недостает веры в завтрашний день. Это вызов, который мы должны принять и за который мы все вместе несем ответственность. Не забудем, что достоинство трудящегося, общественный диалог и солидарность с теми, кто оказался в беде, — это завещание тех, чью память мы чествуем 13 декабря каждого года. (...)

Я — президент, избранный на демократических выборах. Дважды мне выразили доверие почти 10 миллионов поляков — тех, кто выступал за военное положение, тех, кто боролся против него, и тех, кого не затронул вихрь перемен. Я хочу служить им всем. (...)

Из речи в 20-ю годовщину введения военного положения (13 декабря 1981)

(...) Задача, которую стремится реализовать правительство левых и которую я поддерживаю с самого начала и поддерживал, даже когда еще не был президентом, состоит в том, чтобы наша политика опиралась на три-четыре мощных столпа. Первый — это, конечно, НАТО. Этой цели нам удалось достичь, что я расцениваю как историческое событие — не только потому, что теперь у нас такие гарантии безопасности, каких не было никогда, и не только потому, что мы в одном союзе с американцами, но и потому, что мы в одном союзе с немцами — ничего подобного не случалось на протяжении тысячи лет. Этот момент редко подчеркивается в публичных выступлениях. (...)

Вторым столпом является Европейский союз. Евросоюз — это не столько безопасность, сколько гарантия присутствия в хорошо организованной, экономически развивающейся Европе, т.е. обеспечение процветания Польши на сотни лет.

Третий столп — это Восток, а особенно Россия. Надеюсь, что визит президента Путина в середине января станет сигналом того, что наши отношения с Россией не только нормализуются, но и улучшаются, что мы вновь открываем друг в друге соседей и партнеров — и в политическом диалоге, и в экономическом сотрудничестве, и в культурном обмене и межчеловеческих контактах.

Четвертый столп — наша роль в регионе. Здесь мы должны стать экспортером стабильности, поддерживать недавно обретенную независимость наших соседей — украинцев, словаков. Мы должны также помочь им включиться в европейскую систему кровообращения. Поэтому так важны наши контакты с Украиной, странами Балтии, а также со Словакией, Вышеградской группой и расположенными несколько дальше балканскими странами. Думаю, что в какой-то перспективе появится возможность установить хорошие, близкие контакты и с Белоруссией. На сегодняшний день, при президенте Лукашенко это нелегко, но ведь никто не вечен. (...)

Мне кажется, что в России наступила значительная стабилизация. Большая заслуга в этом принадлежит президенту Путину, который являет собой полную противоположность Борису Ельцину. Быть может, о величии Ельцина свидетельствует то, что он решился избрать своим наследником такого политика. (...)

В имидже президента Путина важным мне кажется тот факт, что он имеет проевропейскую ориентацию. (...)

Я хочу подчеркнуть, что независимо от визита президента Путина, в будущем году мы будем продолжать весьма оживленные контакты с Украиной. (...) Мы должны поддерживать независимость Украины, которая, по-моему, справляется со своими задачами лучше, чем это можно было предположить десять лет назад. (...)

Фрагменты из интервью Польскому радио, вышедшего в эфир 1 января 2002 г.

По истечении шести лет президентских полномочий и за четыре года до их окончания я считаю, что без понимания и оценки истории, без примирения с самим собой и с историческими фактами невозможно строить планы на будущее. (...)

СССР долго казался мне незыблемой силой. И монолитом – я был уверен, что все элементы национальной разнородности подавлены. Только став студентом, благодаря «Культуре» незабвенного редактора Гедройца я узнал, что дело обстоит иначе. А когда я отправился в путешествие по Литве, Латвии и Эстонии, образ, представленный «Культурой», подтвердился. У человека, видевшего Вильнюс, Ригу и Таллин, не могло оставаться никаких сомнений, что он побывал в трех разных странах с несхожими культурами, традициями.

Постепенно становилось все яснее, что СССР должен развалиться. (...)

Недавно я беседовал с президентом Гавелом. Мы сошлись во мнении, что, собственно говоря, 1968 год стал началом конца реального социализма, моментом, начиная с которого этот строй был всего лишь жалким подобием самого себя, ибо у него оставалась единственная жалкая мысль – сохранить власть и привилегии. Не было идеи, общественной силы, экономической концепции. (...)

Помните поцелуй Брежнева и Дубчека за несколько дней до интервенции в Чехословакию? Он должен был означать, что Пражская весна получила одобрение. Оказалось, что после этого поцелуя можно спокойно раздавить страну танками, уничтожить энтузиазм, унижить людей. (...)

Польско-украинское примирение должно быть основано на правде. Это нелегко, ибо раны обоих народов глубоки, а поскольку о них не говорилось десятилетиями, они болят по сей день. Но, как и в случае Едвабне, у Польши нет другого выхода: она должна попросить прощения за свои грехи и ждать честного ответа украинской стороны. (...)

Я доверяю новой российской команде; со старой бывало по-разному. Это люди, мыслящие рационально, по-хозяйски. Они не создадут системы точь-в-точь как из учебника политэкономии – скорее у них получится некая смесь рыночной экономики с элементами, управляемыми не столько централизованно, сколько регионально. (...)

Самая трудная проблема – на ее решение России понадобится много лет – это построение гражданского общества. (...)

После 11 сентября роль России невероятно возросла. Однако главный вопрос заключается в том, следует ли включать ее в европейские структуры, или же она должна оставаться своего рода связующим звеном между европейским и азиатским миром. (...)

Одно несомненно: Путин – это партнер, с которым можно, нужно и стоит разговаривать. А заодно хоть немного показать ему Польшу – ведь он ее совсем не знает. (...)

У нас есть шанс преодолеть негативные тенденции в экономике, ускорить рост производства, ограничить безработицу, оздоровить бюджет. Государство может стать более дешевым и эффективным, если правительство будет последовательно проводить обещанные реформы. (...)

Из интервью «Газете wyborчей», 1 января 2002 г.

О ПОЛЬШЕ, РОССИИ И О «НОВОЙ ПОЛЬШЕ»

Беседа Яна Стшалки со Станиславом Лемом

— *Совсем недавно, в сентябре этого года, вы отпраздновали свое восьмидесятилетие. Краковский «Тыждник повшехный» посвятил вашему юбилею специальный выпуск, где среди знатоков вашего творчества высказывались также переводчики и критики из России. А поскольку именно я обращался к ним с просьбой написать что-то вроде воспоминаний и размышлений на тему восприятия вашего творчества в России, то потом мне показалось, что было бы совсем неплохо, если бы благодаря «Новой Польше» российский читатель смог услышать обращенный к нему голос Станислава Лема. Кстати, чем вы объясняете свою невероятную популярность в этой стране?*

— Она была в основном следствием того факта, что в свое время я заменял русским читателям действительно крупных и недоступных им писателей, таких, как Джойс, Сартр или Кафка. Многие из

них специально учили польский язык, чтобы читать в подлиннике мои романы и рассказы. Я не питал никаких иллюзий, зная, что был для тамошних читателей в каком-то смысле заменителем, «эрзацем» тогдашних запрещенных классиков литературы XX века. Сегодня эти писатели уже известны в России, но — что меня чрезвычайно радует — мои книги по-прежнему встречаются с живым интересом. Не так давно русский компьютерный журнал опубликовал в нескольких номерах мою новую книгу «Мегабайтовая бомба», а газета «Известия» перепечатала отрывки из эссе «Сфероматия», в котором я критиковал американские проекты создания противоракетного «щита».

Я начал бывать в России во времена Хрущева, в составе делегации Союза польских писателей. Помню, как раз во время одного из моих первых приездов в Москву был опубликован «Один день Ивана Денисовича». Мои знакомые принесли мне в гостиницу этот рассказ так триумфально, словно это было знамя победы. Жаль, что после возвращения на родину Солженицын не сумел сохранить свою «литературную форму». Однако в ходе своих поездок я так и не познакомился с русскими писателями, за исключением братьев Стругацких, так как общался в основном с представителями научных кругов.

Я прекрасно помню свое выступление в большой аудитории Московского университета. Там собралось около полутора тысяч молодых людей. Кто-то спросил у меня, коммунист ли я, и когда я ответил, что нет, зал разразился аплодисментами. Комсомольская организация, которая организовала эту встречу, была отнюдь не в восторге ни от моего ответа, ни тем более от реакции студентов. Но я был иностранцем, и поэтому моя откровенность не

имела для меня никаких последствий.

Я познакомился тогда со многими учеными: с физиком Петром Капицей, нобелевским лауреатом, с астрофизиком и астрономом Иосифом Шкловским, со многими выдающимися математиками из школы Колмогорова. Капица пригласил меня к себе, и мы провели наедине несколько часов в его кабинете — он хотел поговорить «по душам». Когда я выходил из кабинета, то увидел множество людей, разочарованных тем, что им не удалось со мной поговорить, так что я пригласил их к себе, в гостиницу «Пекин». Пришло столько народу, что все не смогли уместиться в моих огромных «апартаментах».

Я очень высоко ценил свои связи с русскими учеными. Мне удалось познакомиться и с несколькими космонавтами. Герман Титов даже написал вступление к одному из моих сборников. Так что чувствовал я себя среди русских вполне замечательно.

Вообще в российских научных кругах я пользовался большим авторитетом, чем, например, в Польше. Точно так же и тиражи моих книг в России были гораздо выше, чем в Польше. Когда в России начали печатать полное собрание моих сочинений — а было это уже после падения Горбачева и развала СССР, — их общий тираж составлял 200 тыс. экземпляров, потом очередные произведения выходили уже в меньших тиражах, пока последние не установились где-то на уровне 20 тыс. экземпляров. Впрочем, кризис коснулся и других писателей, а также большинства русских «толстых журналов»: например, умеренно либеральный «Новый мир» под конец перестройки выходил тиражом более миллиона экземпляров, а сегодня — всего лишь 15-тысячным.

В России накладываются друг на друга два процесса. С одной стороны, несомненно, существует свобода слова, особенно если в текстах нет прямых нападок на политическую линию, определяемую правящими кругами, но, с другой стороны (как, впрочем, и в Польше), падает интерес к культуре. И это, несомненно, одна из причин того, что сегодня русские и поляки ничего друг о друге не знают. Поэтому такой журнал, как «Новая Польша», призван сыграть чрезвычайно важную роль. Действительно, речь ведь идет о сближении наших народов и ликвидации всех «белых пятен», еще существующих во взаимных отношениях, представлениях, стереотипах. Поэтому меня радует, что русские читатели могут получать еже-

месячник, редактируемый Ежи Помяновским и бесплатно поступающий в библиотеки. Кроме того, я горжусь, что в небогатой стране, сталкивающейся с бюджетными проблемами, нашлись средства на «Новую Польшу».

Это просто чудо. Так что я полон признательности для Ежи Помяновского и желал бы другим журналам, чтобы у них были такие рачительные главные редакторы. А русским читателям стоит напомнить, что хотя в Польше и издается множество различных литературных и художественных периодических изданий, но тиражи у них довольно низкие, и среди них нет ни одного, в котором, «как в капле воды», нашли бы свое отражение все основные литературные течения. Это наше большое упущение, но что же делать, когда мы пытаемся заткнуть дыру в бюджете.

— В течение многих десятилетий существовали официальные и неофициальные культурные связи между Польшей и Россией. Что же такое произо-

шло? Почему сегодня мы почти ничего друг о друге не знаем?...

— Я просто-таки изумлен тем, что поляки внешне утратили все контакты с Россией — как будто мы переселились куда-то в район Антарктиды. А ведь русская культура была и по-прежнему остается чрезвычайно оригинальной. Литература наших восточных соседей — это не только «Как закалялась сталь», это прежде всего шедевры поэзии. На моем письменном столе лежит небольшой томик Пушкина, и я люблю время от времени в него заглядывать. Я питаю некоторую слабость к русской поэзии, которая не рассталась, как это произошло в польской, с рифмованным и ритмизованным стихом.

Я до сих пор регулярно читаю русские журналы, особенно научные, например, «Природу», а также «Новый мир» и «Знамя». Я интересуюсь новейшей русской литературой, причем интереснее всего мне кажется мемуарная литература и репортажи. Поэтому я с интересом читаю воспоминания о советском периоде, слежу также за публикациями, посвященными судьбам выдающихся русских ученых, которые после революции были вынуждены эмигрировать. Это невосполнимая потеря для русской науки. Я читаю также множество статей, посвященных постсоветской ностальгии, проявляющейся в теплом отношении к советской массовой культуре. Здесь нет ничего удивительного: русские кормились этой «духовной пищей» в течение семидесяти лет, так что массовая культура коммунистической эпохи, со всем ее украшательством и пропагандистской лакировкой, запала им в душу. Не удивляюсь я и тому, что русские значительно острее, чем поляки, переживали и пережевывают военные воспоминания. Но я с удовольствием отмечаю и положительные перемены в культуре, все чаще раздающиеся призывы к тому, чтобы русское искусство — литература, кино — обратилось к современности.

— Что мы, поляки, можем сегодня предложить русским?

— Что ж, у нас не так много сильных сторон, которыми мы могли бы перед ними похвалиться. Все самое ценное, что существует в нашей культуре, оказывается, уже давным-давно прекрасно известно в России. Вот уже 12 лет мы живем в независимом государстве, но, к сожалению, не обладаем даже одной четвертью всех этих потаенных, приглушенных, придавленных гнетом духов-

ных богатств, которыми могут гордиться русские. Особенно в науке. Я всегда, даже во времена советской власти, утверждал, что Россия может гордиться тем, что принадлежит к ведущим мировым странам — особенно в области точных наук. И в прошлом году Нобелевская премия была присуждена русскому ученому [Жоресу Алферову]. Это значит, что русская наука постепенно возвращается на мировой уровень.

— Откуда берется сегодняшнее незнание русской культуры?

— В Польше наблюдается общее падение интереса к исследованиям в области русистики. Все меньше людей знают русский язык. Мой взрослый сын учил русский в начальной школе, а теперь, годы спустя, едва-едва в состоянии разобрать буквы русского алфавита. Дело в том, что в эпоху коммунизма люди относились к русскому языку скорее с неприязнью. Но когда в 90-е годы мой сын изучал теоретическую физику в Принстонском университете в США, он довольно часто слышал там русскую речь, особенно среди преподавателей.

Я лично никогда не испытывал никакой неприязни к русскому языку, восхищался им и, как уже сказал, высоко ценю русскую поэзию. Иногда я даже позволяю себе сравнивать переводы классических произведений русской литературы на польский язык. Юлиан Тувим или Адам Важи́к совсем неплохо перевели Пушкина и Гоголя, но Тувим и Важи́к принадлежат к исключениям среди переводчиков — быть может, потому что сами были первоклассными поэтами. Многие шедевры русской литературы переведены на польский язык небрежно, кое-как. В свое время я был вынужден прочитать «Преступление и наказание» в оригинале.

К русской литературе читатели у нас всегда проявляли интерес: я помню, как перед II Мировой войной один из лучших тогдашних журналов, «Вядомосьци литератке», выпустил номер, целиком посвященный русской литературе, что меня чрезвычайно заинтересовало. А ведь это было время, когда, рассматривая карту и видя на ней страну под названием СССР, я чувствовал себя почти так, как если бы рассматривал карту Луны и нашел на ней кратер Птолемея. Но в конце 1939 г. СССР сам, собственной персоной, появился в моем родном Львове...

Когда я захожу сегодня в польский книжный магазин и вижу целые завалы бесполезной, третьесортной литературы, главным образом американской, то, хотя я никогда не принадлежал к сторонникам так называемой культурной политики, все-таки думаю, что было бы неплохо, так сказать, «перевести стрелки» в области культуры, кое-что изменить на рынке и в нашем сознании. Но ведь мы не можем себе позволить выделять государственные дотации на переводы и публиковать хотя бы лишь избранные произведения русской литературы. Сегодняшние тиражи этих изданий слишком низки. Цензуры уже нет, но вместо нее появилась новая преграда — отсутствие средств.

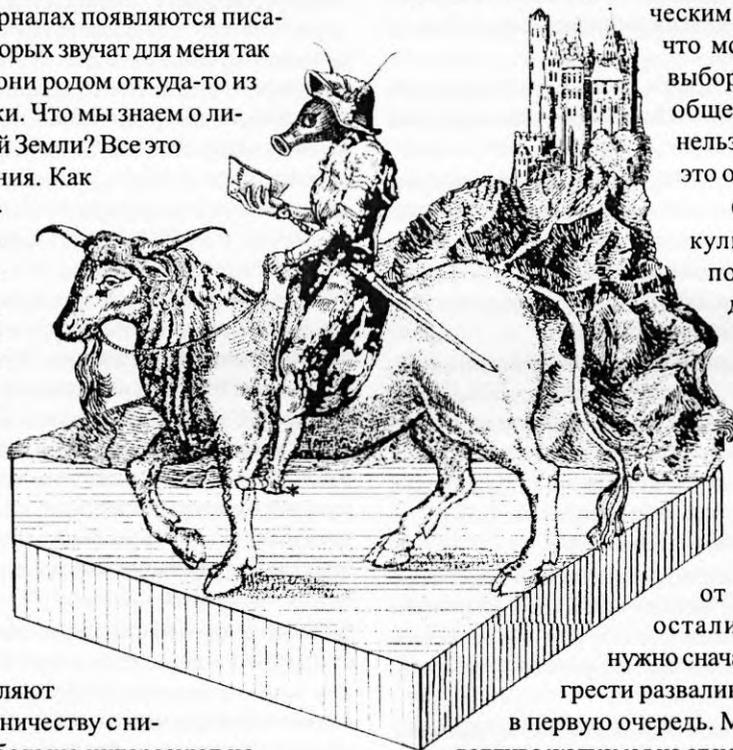
В русских журналах появляются писатели, фамилии которых звучат для меня так чуждо, как будто они родом откуда-то из бассейна Амазонки. Что мы знаем о литературе Огненной Земли? Все это достойно сожаления. Как изменить эту абсурдную ситуацию? Прежде всего, откуда взять добросовестных переводчиков? Разумеется, несколько еще осталось, но и они испытывают трудности с доступом к новым книгам, изданным в России, либо же издательства не проявляют интереса к сотрудничеству с ними. Сегодня нас больше интересуют новинки с книжной ярмарки во Франкфурте, чем то, что происходит в литературной жизни Москвы или Петербурга. Но раз уж мы издаем «Новую Польшу», которая популяризирует польскую культуру среди русских, то, быть может, и русские могли бы подумать о популяризации своей культуры у нас?

Я весьма сожалению об этом взаимном неведении, но боюсь, что в ближайшие годы в этом отношении мало что сможет измениться к лучшему.

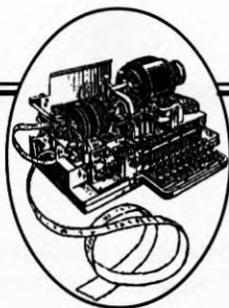
После последних выборов Польша вошла в период политических завихрений. А что будет дальше — лучше вообще не думать, чтобы не впасть в черную меланхолию. В Польше так и не возникла ответственная и сильная политическая верхушка, а наши партийные споры нередко превращаются в политический мордобой. Подобная неустойчивая политическая ситуация не способствует культуре вообще, и уж тем более — диалогу с другими культурами. После выборов Анджей Вайда в интервью газете «Жечпосполита» высказал свое разочарование обществом, которое выбрало в Сейм таких популистов, как Анджей Леппер. Леппер мне тоже не нравится, я называю его политическим

Кинг-Конгом, так что можно критиковать выбор, который делает общество, но никогда нельзя быть в обиде на это общество.

Однако вернемся к культуре. Когда уже построен прочный дом, закончена его отделка и внутреннее устройство — тогда можно подумать, где повесить картину и как расставить мебель. Но когда в наследство от коммунизма нам остались одни руины, нужно сначала думать, как разгребсти развалины и что отстроить в первую очередь. Мы в Польше справедливо жалуемся на отсутствие четкой «восточной политики», но забываем, что не существует и никакой культурной политики, адресованной нашим восточным соседям. Во времена коммунизма русские говорили: «Курица не птица, Польша не заграница». С 1989 г. Польша все-таки превратилась в «заграницу». Но разве лучше, если на смену прежнему русскому протекционизму или неприязни Польше к России придут полное взаимное безразличие и ощущение чуждости?

Ян Стшалка специально для «Новой Польши»

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

❶ Польский министр иностранных дел Влодзимеж Чимошевич, выступая на сессии Генеральной ассамблеи ООН, заявил, что польский народ многократно пережил измены «нелояльных соседей и союзников» и «заплатил за это самую высокую цену. Поэтому мы лучше, чем кто бы то ни было, понимаем, как ценна и важна подлинная лояльность и союзы. Поэтому мы продолжаем оказывать всемерную поддержку нашим друзьям и союзникам». («Жечпосполита», 13 ноября)

❷ По опросу ЦИОМа, 69% поляков поддерживают военные действия США и Великобритании в Афганистане. («Газета выборча», 14 ноября)

❸ 300 польских военнослужащих отправляются в Афганистан. В состав контингента входят 80 десантников из антитеррористической части ГРОМ, а также саперы, подразделения химической обороны, биологической разведки, стратегического обеспечения и судно-база. («Впрост», 2 декабря)

❹ Согласно опросу института изучения общественного мнения и рынка «Тентор», 54% поляков поддерживают отправку польских солдат в Афганистан, 35% — против. В то же время 54% поляков считают, что в связи с польским участием в операции в Афганистане нам может грозить месть террористов, — 41% не согласны с этим. («Впрост», 2 декабря)

❺ На корреспонденции, рассылаемой депутатам Сейма, прибавился новый штампель: «Прошло контроль». Он означает, что в почте нет белого порошка со спорами сибирской язвы. («Газета выборча», 12 ноября)

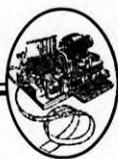
❻ Писатель Влодзимеж Одоевский: «Сегодняшний мир все больше меня ужасает, и я рад, что уже не испытаю многих его жестокостей, которые наверняка ждут младшие и будущие поколения в XXI веке. Жестокостей, повторения которых не предчувствовал и я до момента войны в Югославии — а я дважды побывал там во время войны — и которые побледнели по сравнению с тем, что творится в мире после 11 сентября». («Жечпосполита», 1-2 декабря)

❼ В быдгощской фирме «Сопель» готовили к Рождеству елочные украшения — шарики в форме сердца с голубем мира с одной стороны и уже не существующими башнями-близнецами Всемирного торгового центра — с другой. «У меня были смешан-

ные чувства, — говорит владелец фирмы Раймунд Собеский, — но заокеанские импортеры настаивали на том, чтобы среди украшений этого года одно напоминало об 11 сентября». («Газета выборча», 24-25 ноября)

❽ «С перспективы истекшего времени можно сказать, что Александр Квасневский, автор идеи Варшавской встречи [лидеров 17 стран Центральной и Восточной Европы на тему «Остановить терроризм», состоявшейся 6 ноября], опередил в этом других политиков. Всего лишь через неделю после террористических актов в Америке, когда весь мир был в шоке, польский президент на встрече глав прибалтийских государств в Таллине предложил провести более крупномасштабную встречу и дать свой ответ на террористическую угрозу, с которой мы вступаем в XXI век. (...) Содержащиеся в «Плане действий», заключительном документе Варшавской встречи, предложения создать центр обучения антитеррористических частей из стран, участвовавших в конференции, а также Фонд помощи жертвам терроризма во всем мире и Институт изучения терроризма под эгидой ООН — это только примеры начинаний, заслуживающих осуществления. Еще важнее соглашения о более широком обмене разведывательными сведениями и сотрудничестве в контроле над передвижением беженцев, которое часто становится удобной ширмой для переброски террористов и оружия». (Мирслав Глоговский, «Пшегленд», 12 ноября)

❾ Из интервью с Марек Сивцем, государственным секретарем в канцелярии президента и начальником Бюро национальной безопасности: «У нас есть особые причины питать немалые претензии к президенту Лукашенко. Он много раз делал выпады против нас — польского президента, Польши. Мы многократно выражали сожаление о том, что с ним трудно разговаривать. Существуют, однако, вопросы важные и самые важные. Президент Польши признал самым важным вопросом борьбу с терроризмом. Поэтому президент Лукашенко был приглашен на конференцию [ту, о которой говорится в предыдущем сообщении]. И могу сказать, что его выступление было весьма серьезным и было хорошо принято участниками. Если бы такова была линия белорусских властей, то, может быть, здесь началась бы тропинка возвращения к диалогу. (...)

Наблюдателем на высшем уровне был представитель президента России Владимир Рушайло. Россия никогда раньше не включалась в региональные встречи на таком высоком уровне. (...) А теперь была представлена на очень высоком уровне. Это доказывает, что и здесь кое-что удалось сделать». («Пшеглэнд», 12 ноября)

❶ Публицист и писатель Ежи Сурдыковский: «У нас, поляков, есть все, чего мы хотели: независимость, НАТО, скоро Европейский союз. В Катынском лесу праху убиенных совместно поклонились представители властей Польской Республики и Российской Федерации. (...) Сегодня, становясь интегральной частью военных и экономических структур Запада, мы обретаем не только чувство защищенности от возможных в будущем российских поползновений. Мы одновременно становимся наиболее выдвинутой на восток страной этого блока, притом страной сильной — хотя бы по численности населения, территории и потенциалу. (...) Только вступление в НАТО обнажило все слабости и комплексы нашей восточной политики. На востоке Польша должна придумать что-то заново. Не против России и не на поводке у России, а как дружественный член группировки, в которую Россия не входит. (...) Мы многое претерпели от России, но тот, кому улыбнулась судьба, уже хотя бы поэтому обязан быть великодушным и смотреть в будущее, а не предаваться воспоминаниям о позапрошлых страданиях». («Жечпосполита», 24-25 ноября)

❷ Во время визита в штаб-квартиру НАТО премьер-министр Лешек Миллер поддержал привлечение России к участию в принятии некоторых решений НАТО. Одновременно он отметил, что сотрудничество с Россией не может дойти до того, чтобы поднять три вопроса: о наделении ее правом вето в принятии решений НАТО; о торможении процесса принятия в НАТО новых членов, особенно трех прибалтийских стран; об уменьшении роли Украины. («Жечпосполита», 6 декабря)

❸ По опросу ЦИОМа, 69% поляков считают, что поставки газа из Норвегии улучшат энергетическую безопасность страны; 10% не разделяют этого мнения. 65% поляков считают выгодным для Польши обрести независимость от поставок газа из России; 47% даже считают, что если бы цена норвежского газа была выше, чем российского, то все равно стоило подписать договор со вторым поставщиком. («Жечпосполита», 1-2 декабря)

❹ Президент Александр Квасневский во время визита в Тбилиси: «После 11 сентября мир нуждается в испытанных историей институтах — именно таково НАТО, которого в ближайшие 10-20 лет ничто не сможет заменить. (...) Если бы его не было, мы по-прежнему имели бы дело с политикой передела влия-

ний, с соперничеством между великими державами. (...) Граница с Россией, Украиной и Белоруссией, т.е. с государствами, которые в НАТО не стремятся, Польша считает развитие наилучших отношений с этими восточными соседями своим союзническим долгом. (...) мы не хотим быть прифронтовым государством. Мы понимаем чаяния, надежды и опасения наших восточных соседей». («Жечпосполита», 14 ноября)

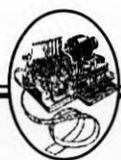
❺ Президент Польши Александр Квасневский и президент Армении Роберт Кочарян в Ереване: «У Польши и Армении общая цель — стабилизация в Закавказье. Урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе должно происходить мирным путем!» («Жечпосполита», 15 ноября)

❻ В Варшаве закончился последний из десяти семинаров польских и украинских историков на тему конфликтов между двумя народами в XX веке, особенно в 1941-1947 гг. Итоги работы семинаров содержатся в семи уже вышедших томах «Польша — Украина: существенные вопросы» и двух томах, готовящихся к печати. («Жечпосполита», 12 ноября)

❼ У половины украинцев Польша вызывает положительные ассоциации, нейтральные — у 39%, отрицательные — у 11%. В то же время 83% поляков поддерживают развитие экономического сотрудничества с Украиной, 85% — политическое сотрудничество, 59% стоят за поддержку Польшей Украины на международной арене, и почти 50% хотят, чтобы Польша оказала Украине экономическую помощь. 60% поляков считают польско-украинское примирение возможным, а 9% его отвергают. У украинцев 70% считают примирение возможным, а 6% не верят в него. За последние годы в Польше несколько выросли добрые чувства к соседям, в т.ч. и к украинцам. («Газета wyborча», 21 ноября)

❽ «Мы не можем выбрать потепление отношений с Москвой за счет охлаждения их с Киевом — даже если сезон оптимизма относительно будущего Украины как будто проходит, не успев как следует начаться». (Войцех Гелжинский, «Впрст», 2 декабря)

❾ Из письма в редакцию: «На кладбище в Старобельске [под Харьковом] установлена плита с надписью по-польски и по-русски: «Здесь покоятся 48 поляков, военнопленных и интернированных, заключенных лагеря НКВД в Старобельске. Честь их памяти» (не располагая русским текстом надписи, приводим в обратном переводе. — Пер.). (...) Благодарю дирекцию Старобельской гимназии за опеку над польским кладбищем. Ян Хылинский». («Жечпосполита», 16 ноября)

❶ Президент Александр Квасневский получил мемуар от Европейского раввинского центра. Исполнительный директор центра раввин Моше Гарелик сказал: «Вручение меноры, символизирующей свет, — это изъявление признательности за поведение президента в деле Едвабне [местечка, где 10 июля 1941 г. еврейская община была зверски уничтожена при участии местных поляков] и желания, чтобы такое поведение стало свойственно всему польскому народу». (*«Газета выборча», 23 ноября*)

❷ Проф. Михал Гловинский из Института литературных исследований: «О мрачном деле Едвабне после выхода книги Яна Томаша Гросса [«Соседи. История массового уничтожения еврейского местечка»] написано много. Я хотел бы обратить внимание на одну светлую точку, рисуемую на черном фоне. Этот луч света связан с личностью Антонины Выжиковской, скромной простой женщины из тех мест, отношение которой, поступки и поведение радикально отличались от того, что творило немалое число жителей Едвабне. Она не только не принимала участия в загоне несчастных в овины [где их сожгли живьем], отличаясь этим от многих других граждан местечка, но с высочайшим трудом и самоотречением, рискуя своей жизнью и жизнью членов своей семьи, спасла семерых евреев. Пани Выжиковская жила в том же самом мире, что и ее соседи (...), вероятно, так же горе мыкала, молилась в том же костеле и слушала проповеди того же священника. Она подвергалась действию тех же токсинов, сеявших крайне националистической пропагандой, и все-таки ее отношение к миру было совершенно иным, чем у большинства жителей Едвабне. (...) Нравственное чувство и свободный выбор у Антонины Выжиковской оказались сильнее, чем давление окружения». (*«Ньюсуик-Польша», 25 ноября*)

❸ По своей просьбе генерал Ярузельский был принят Папой Иоанном Павлом II. Ярузельский приехал в Рим по приглашению Центра исследований по вопросам международного примирения, чтобы прочесть лекцию, озаглавленную «В двадцатую годовщину новой Польши» («новую Польшу» генерал, видимо, отсчитывает не как все люди, от крушения коммунистического режима в 1989 г., а от... введения военного положения.. — *Пер.*) (*«Жечпосполита», 27 ноября*)

❹ Папа Иоанн Павел II «неустанно — как публично, так и при личных встречах с Ярузельским (происходивших во время паломничеств Папы в Польшу, когда он, как и во всякой другой стране, встречался с главой государства. — *Пер.*) — требовал восстановить гражданские свободы и самостоятельность общества, насильственно отнятые как раз военным положением. Если те-

перь он проявляет уважение к генералу, то в силу того, что тот выполнил обязательства, взятые в их беседах». (*Яцек Москва из Рима, «Жечпосполита», 28 ноября*)

❺ Анджей Кауч, назначенный заместителем генерального прокурора и начальником Общепольской прокуратуры, в прошлом выступал обвинителем по делам активистов антикоммунистического подполья. В частности, в 80-е гг. он потребовал приговорить Владислава Фрасынюка, председателя ниже-силезской «Солидарности», ныне председателя «Унии свободы», к 10 годам тюрьмы. Он был также обвинителем по делу Барбары Лабуды, приговоренной в 1983 г. к полутора годам тюрьмы. Ныне Лабуда — министр в канцелярии президента. (*«Газета выборча», 12 ноября*)

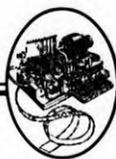
❻ Барбара Лабуда вспоминает Кауча: «Исключительный подлец. (...) Кауч вел себя по отношению ко мне исключительно подло, не разрешал свиданий, переписки, выдачи книг из тюремной библиотеки, а уж этого мне не могли запретить». (*«Газета выборча», 13 ноября*)

❼ Первыми активистами «Солидарности», против которых после 13 декабря 1981 г. выступал с обвинением Кауч, были Хуберт Ханусяк, Владислав Ожаровский и Чеслав Ставицкий. За организацию забастовки на вагоностроительном заводе в Познани Кауч потребовал для них по шесть лет тюрьмы и конфискацию имущества. «За профсоюзную деятельность Кауч желал разрушить жизнь целых семей, в том числе и с малыми детьми», — говорит Мария Ханусяк. (*«Газета выборча», 13 ноября*)

❽ Премьер-министр Лешек Миллер отозвал Анджея Кауча с поста заместителя генерального прокурора и начальника Общепольской прокуратуры. Совет прокуроров при генеральном прокуроре принял резолюцию, в которой, в частности, критикует СМИ за то, что они «вынуждают принимать кадровые решения на правительственном уровне». (*«Газета выборча», 15 ноября*)

❾ Мацей Рыбинский: «Вдруг что-то переменялось. Вдруг оказалось, что к прошлому можно возвращаться, а совершённые когда-то ошибки могут стать препятствием в занятии важных постов сегодня. (...) Хорошо, что прокурору Каучу в конце концов пришлось уйти. Хорошо, что хоть в этом случае кто-то ответит за свою вину». (*«Жечпосполита», 15 ноября*)

❿ В Управлении охраны государства сняты с должностей полтора десятка директоров отделов, бюро и начальников местных управлений. На освобожденные места назначили в основном бывших сотрудников госбезопасности ПНР. (*«Тыгодник повшехний», 24-25 ноября*)

❶ Главные редакторы «Газеты выборчей» Адам Михник, Хелена Лучиво, Юлиуш Равич, Петр Пачевич и Петр Стасинский: «Недавно оглашенный факт многолетнего сотрудничества нашего коллеги, редактора и публициста Лешека Малешки с госбезопасностью ПНР был ударом для всего коллектива и окружения «Газеты выборчей». (...) Лешек Малешка потерял в наших глазах доверие и уважение. Его имя на многие годы исчезнет со страниц газеты, ибо оно вводит нас и читателей в заблуждение». («Газета выборча», 13 ноября)

❷ Строительные бригады приступили к сносу здания на Мышьей ул. в Варшаве, где прежде размещалась коммунистическая цензура — Главное управление контроля печати, публикаций и зрелищ. («Жечпосполита», 14 ноября)

❸ Бронзовая надпись «Солидарность», украденная с мемориальной доски памяти рабочих шахты «Вук» в Катовице, погибших в декабре 1981 г. после введения военного положения, вероятно, продана в металлолом. («Жечпосполита», 28 ноября)

❹ Из 240 депутатов, которые впервые избраны в Сейм в сентябре 2001 г., чуть ли не каждый десятый — миллионер. Больше всего, девять человек, — члены «Самозащиты»; восемь — «Союза демократических левых сил» (СДЛС), а пять — «Гражданской платформы». («Жечпосполита», 27 ноября)

❺ Под давлением общественного мнения два депутата от «Самозащиты», Мечислав Ашкелович и Адам Олдаковский, согласились на временную отмену их парламентского иммунитета, чтобы предстать перед судом. («Жечпосполита», 19 ноября)

❻ Конституционный суд вынес постановление о том, что продолжение начатых до выборов дел по обвинению в деяниях, совершённых до избрания депутатом или сенатором, не требует согласия парламента. Приговоры будут действительны. Осужденный парламентарий утрачивает свой мандат лишь в том случае, если приговор лишает его права занимать государственные и выборные должности. Если суд вынесет приговор к лишению свободы, а палата парламента не даст согласия на исполнение наказания, осужденный должен отбыть наказание по завершении своего мандата. Таким образом, теперь известно, что иммунитет не защитит по крайней мере полтора десятка нынешних депутатов, которые вступили в конфликт с законом до последних выборов. Это прежде всего депутаты от «Самозащиты», в том числе лидер партии Анджей Леппер. («Жечпосполита», 29 ноября)

❼ Уведомление о преступлении, совершенном Анджем Леппером, направили в прокуратуру городские власти Влоцлавека. Леппер помешал испол-

нить судебное постановление о ликвидации нелегального базара в центре города. («Газета выборча», 17-18 ноября)

❶ Вице-маршал Сейма Анджей Леппер, выступая по университетскому радио в Ольштыне, оскорбил Влодзимежа Чимошевича, сказав: «Удивляюсь, кто был за то, чтобы такая каналья стала министром иностранных дел?» Из всей парламентской фракции СДЛС против избрания Леппера вице-маршалом Сейма голосовали только два депутата, в т.ч. Чимошевич. После этого инцидента Чимошевич сказал: «Когда-то, будучи генеральным прокурором, я рекомендовал начать следствие по его [Леппера] делу за беззакония, которые он допускал. Как поляку и депутату мне стыдно, что этот человек — вице-маршал Сейма». («Газета выборча», «Жечпосполита», 24-25 ноября)

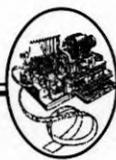
❷ Районная прокуратура в Ольштыне начала следствие по делу об оскорблении государственного чиновника Анджем Леппером. («Газета выборча», 29 ноября)

❸ В рейтинге доверия к польским политикам Анджей Леппер занял четвертое место: в октябре ему доверяли 53% поляков (в августе их было 36%). («Газета выборча», 30 ноября)

❹ 29 ноября Сейм проголосовал за отзыв Анджея Леппера с поста вице-маршала Сейма. По данным опроса лаборатории социальных исследований (ЛСИ), это решение признали справедливым 69% поляков, противоположного мнения — 28%. («Жечпосполита», 3 декабря)

❺ «Не пойму, почему Сейм в полном составе сорок минут слушал оскорбления человека [Анджея Леппера], которого после этого собирався снять с одного из важнейших постов в государстве за поведение, систематически подрывающее уважение к этому посту. Депутаты, которые внесли предложение снять Леппера, сидели на своих местах как страусы, молча глотая самые омерзительные инвективы против своих фракций и товарищей по партии, и никому не пришло в голову попросту подняться и выйти из зала». (Юзефа Хеннелёва, «Тыгодник повсехный», 9 декабря)

❻ По данным опросов ЛСИ, в июле, в начале предвыборной кампании, «Самозащита» Анджея Леппера могла рассчитывать на один процент поддержки. В начале сентября эта цифра повысилась до 4%, а перед выборами — до 8%. 23 сентября за «Самозащиту» голосовали 10% избирателей. Сегодня за нее отдали бы голоса 14%. «Самозащита» занимает сейчас второе место в опросах, вслед за коалицией СДЛС и «Унии труда». («Жечпосполита», 1-2 декабря)

❖ Петр Заремба, заместитель главного редактора еженедельника «Нове паньство» («Новое государство»): «Взяв на себя Сизифов труд задабривать Анджея Леппера и его «Самозащиту», лидеры СДЛС взяли на себя и риск побочных результатов. (...) Лепперу не ставили никаких предварительных условий. Его рассматривали как скрытого союзника, так как надо было ударить по правительству «Солидарности» и ослабить избирательные шансы ПСЛ [крестьянской партии]. Есть и еще одна проблема, куда более важная: Леппер действует в стране, где стандарты снижены уже давно, и не только его усилиями. Нарушения закона? Почти все группировки до упора защищали своих людей как жертв политических заговоров. Лепперу ничего не приходилось выдумывать — он делает то же самое, только более демонстративно, чтобы не сказать нагло». («Газета wyborча», 27 ноября)

❖ «Феномен Леппера — это, в частности, результат тяжелого кризиса политических верхов. (...) Понятие общего блага и национальных интересов не существует (...) важно одно: кто сколько может выдти из Польши. Эти умонастроения воцарились не благодаря Лепперу — он лишь приспосабливается к ним ловчее других (...) Леппера создал принципиальный слом польских преобразований, которого мы не хотим замечать. Его создал тот факт, что вместо того, чтобы идти в сторону общераспространенного капитализма в американском стиле, Третья Речь Посполитая пошла (...) в сторону латиноамериканского псевдокапитализма, где деньги рождаются от связей с властью. Деньги дают власть, власть дает деньги, а разросшаяся бюрократия и государственный контроль над экономикой затрудняют социальное продвижение людей, не участвующих в этой системе. (...) Леппер перешел грань того влияния, которое способна обрести партия протеста, получив поддержку массы мелких и даже средних предпринимателей и владельцев крупных сельских хозяйств, которых душат система связей, бюрократия и недоброжелательная политика правительства. (...) «Самозащита» — неверный ответ на настоящую и важную проблему «олигархизации» Польши. Силу «Самозащите» дает еще интуитивное, но прочное ощущение, что страной завладели системы связей, клики и партийные номенклатуры. (...) Пока не появятся политики милостью Божией, видящие проблему олигархизации страны и формулирующие понятный ответ на это, до тех пор популярность Леппера будет расти». (Рафал А. Земкевич, «Жечпосполита», 1-2 декабря)

❖ Апелляционная прокуратура в Варшаве обвинила Ромуальда Шереметьева, бывшего замминистра обороны, в выходе за рамки служебных обязанностей и раскрытии государственной тайны. За это грозит до пяти лет тюрьмы. («Впрост», 25 ноября)

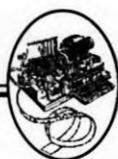
❖ Замминистра культуры Александр Брода был задержан полицейскими из отдела борьбы с коррупцией. Прокурор готов дать ордер на арест Броды, а премьер-министр снял его с занимаемого поста. Прокуратура предъявила Броде обвинение в принятии взятки, платном покровительстве и бесхозяйственности. Ему грозит до 10 лет тюремного заключения. («Жечпосполита», 24-25 ноября)

❖ Юлия Питера, председатель правления «Transparency international — Польша»: «Отношение к понятию «государственная служба» не изменится так долго, как долго карьеры в этой области будут совершенно случайными. В Польше места государственных чиновников на всех уровнях даются по партийным решениям. Поэтому мы до сих пор, несмотря на истекшие 12 лет, не создали здоровых механизмов воспитания кадров». («Ньюсуик-Польша», 11 ноября)

❖ Епископ кошалинско-кологбжегский Мариан Голембёвский в проповеди на Божественной литургии в День независимости 11 ноября: «Странный народ поляки. Утратив свободу, они по ней тоскуют и плачут, готовы сражаться за нее до конца. А когда обретают свободу, не способны ее уважать». («Тыгодник повсехний», 18 ноября)

❖ Поэт Антоний Павляк: «Сегодня мы пытаемся оценивать, насколько далеки от Корана мусульманские фундаменталисты. Насколько их поступки противоречат заповедям этой священной книги. Но мы как огня избегаем подобных вопросов относительно нас самих — например, почему мы неспособны перевести простые слова нашего Господа на практику повседневности. Я вновь и вновь читаю Нагорную проповедь и задумываюсь: откуда в Польше, католической стране, столько зла и ненависти? Почему речи, полные мести, жажды отплатить и свести счеты, раздаются прежде всего из уст тех политических группировок и тех людей, которые на каждом шагу подчеркивают свое католичество? Даже шантажируют своим католичеством, делая из него политическое и моральное оружие». («Ньюсуик-Польша», 2 декабря)

❖ За последнее десятилетие Польша увеличила свой национальный доход примерно на 60-70%. Социальное неравенство удвоилось: в 80-е гг. самые богатые 20% общества были в три раза богаче самых бедных 20%, сейчас — в шесть раз. Даже в западноевропейских странах, не говоря уже о Латинской Америке, этот разрыв гораздо больше. («Жечпосполита», 1-2 декабря)

☛ Сейм внес изменения в закон о подоходном налоге на физических лиц. В будущем году сохранятся прежние налоговые ставки, а налоговый порог, от которого эти ставки начинают действовать, останется неизменным ближайšie два года. Отменены почти все жилищно-строительные льготы. Введен налог на прибыль от сберегательных вкладов на процентных счетах. В связи с этим банки взяты в осаду: вкладчики спешат изменить форму помещения сбережений. («Тыгодник повшехний», 24-25 ноября)

☛ Идет психологическая война между правительством и банками, рекламирующими новые формы сбережений, которые позволяют избежать налогообложения. Только деньги, вложенные в банки до 1 декабря, будут освобождены от налога. С прибыли от вложений, сделанных позже, фиск будет с 20 марта снимать 20%. («Газета выборча», 24-25 ноября)

☛ Чтобы избежать налога с прибыли от сбережений, поляки сделали долгосрочные капиталовложения общей суммой около 17,5 млрд. злотых, т.е. около 7% всех сбережений. В проекте госбюджета будущего года планируется, что благодаря новому налогу государство получит 1,7-1,8 млрд. зл. — если бы налогоплательщики не произвели перемен в структуре сбережений, этот налог дал бы государству около 3,2 миллиарда. («Жеч-посполита», 4 декабря)

☛ В октябре инфляция снизилась до 4%. («Тыгодник повшехний», 24-25 ноября)

☛ Из интервью с заместителем премьер-министра, министром финансов Мареком Белькой: «Инфляция катится вниз, как, кстати, и вся экономика. (...) Главный источник польских проблем — дезинтеграция макроэкономической политики, наступившая в последние годы. Ошибки сделаны с разных сторон. Прежде всего они составляют цену экономических реформ — неважно, в какой степени верных и необходимых. Зато верной, но не необходимой была реформа местного самоуправления. Необходимой, но по форме не до конца верной была реформа здравоохранения. Верной и необходимой была реформа социального обеспечения, но она испорчена неумелым проведением. Все эти реформы, вводящиеся одновременно, расшатали бюджет, расшатали государственные финансы. (...) Учетные ставки слишком высоки, а злотый слишком силен. Долгое время невозможно было справиться с затормаживанием внутреннего спроса. (...) Если новый бюджет будет принят и одобрен парламентом, то самой большой опасностью, грозящей Польше, останется антиевропейская демагогия и наши неудачи в переговорах с Евросоюзом. ЕС, конечно, смотрит, каково экономическое положение нашей страны, но прежде всего он смотрит, спо-

собны ли мы решать собственные проблемы». («Жеч-посполита», 27 ноября)

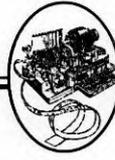
☛ Лайош Бокрош, венгерский советник Марека Бельки (в изложении Витольда Гадомского): «Финансы — это не самая большая наша проблема, серьезнее низкая конкурентоспособность польской экономики и ее результат — медленный экономический рост. Экономика требует значительно более основательного ремонта, чем это кажется польским политикам. Надо что-то сделать со сталелитейной промышленностью, которая много лет погружена в дефицит и задыхается в петле долгов, разбить монополию в энергетике и газовой промышленности, завершить реконструкцию угледобывающей промышленности и приватизировать большую химию. Успех или поражение Польши будут зависеть от умения конкурировать на мировых рынках. Настоящими локомотивами польской экономики могут стать малые и средние предприятия, которые будут созданы в ближайшие годы на основе отечественных или иностранных капиталов. Они будут производить такие продукты, которые можно с прибылью продавать на мировых рынках». («Газета выборча», 16 ноября)

☛ 756 пунктов содержит перечень исполнительных предписаний к Трудовому кодексу, утвержденному 27 лет назад. Поэтому ТК не соблюдается почти на каждом предприятии с молчаливого согласия предпринимателей и работников. («Впрост», 18 ноября)

☛ Как вытекает из исследований проф. Юлиуша Гардовского (Главное торговое училище), почти 90% частных предпринимателей считают, что соблюдение предписаний сделало бы работу предприятий невозможной. Предприятия функционируют и сохраняют рабочие места только потому, что действуют на грани или даже за гранью закона. Согласно предписаниям, зарплата работника составляет едва лишь 30% общих затрат на труд. («Впрост», 9 декабря)

☛ Польские свиньи — самые дорогие в Европе. В среднем за килограмм свинины в ЕС платят сумму, равную 4 злотым, а в Польше — 4,80. («Политика», 24 ноября)

☛ Управление сельскохозяйственной собственностью государственной казны на протяжении десяти лет своей деятельности передало в собственность физическим и юридическим лицам свыше 1,036 млн. гектаров земли. Участки площадью до 100 гектаров составляют почти 50% всех проданных земель, и считается, что все они пошли в крестьянские хозяйства. («Пшегленд», 19 ноября)

❖ Комитет европейской интеграции объявил, что Польша разрешит покупку земли гражданам Евросоюза спустя 12 лет после даты ее вступления в ЕС и согласится на ограничения в праве поляков на труд в странах ЕС длительностью от 2 до 7 лет. Новая стратегия переговоров включает решение всех вопросов, не связанных с деньгами, до лета 2002 г., организацию референдума осенью 2003 г. и вступление в Евросоюз 1 января 2004-го. (*«Тыгодник повсехний»*, 25 ноября)

❖ По данным ЦИОМа, за интеграцию Польши в Евросоюз выступают 56% поляков, против — 24%. Поддержка для вступления Польши в ЕС несколько месяцев сохраняется примерно на одном и том же уровне.

❖ Примаз Польши кардинал Глемп в Брюсселе: «Польша по экономическим причинам должна официально вступить в Европейский союз. Церковь хочет, чтобы этот процесс сближения людей и стран происходил на почве доброжелательности и взаимодействия». (*«Жечтосполита»*, 19 ноября)

❖ Польское правительство проиграло еще два дела о возмещении ущерба польским гражданам в Европейском суде по правам человека в Страсбурге. До сих пор суд рассмотрел 44 польских дела и в 30 случаях постановил, что польские власти нарушили Европейскую конвенцию прав человека. (*«Газета wyborча»*, 16 ноября)

❖ Европейский суд по делам правосудия в Люксембурге постановил, что польские проститутки имеют право легально заниматься своей профессией в тех странах Евросоюза, где она легализована, при условии, что они работают на себя, а не на сутенера. (*«Жечтосполита»*, 21 ноября)

❖ «Где переночевать в холодную ночь, где съесть бесплатный суп? (...) Круглые сутки бездомные и нуждающиеся могут звонить по номеру 987, чтобы получить справки о тех местах, где им оказывают помощь». (*«Газета wyborча»*, 13 ноября)

❖ В 12 варшавских гипермаркетах идет сбор продовольствия для самых нуждающихся. Сбор проводит Банк продовольствия-СОС в Варшаве. Перед входом в торговый зал выставлены корзины, в которые желающие могут класть купленные ими продовольственные продукты. Особенно нужны сахар, мука и другие продукты длительного хранения — макаронные изделия, консервы. Добровольцы, обслуживающие сбор продуктов, не принимают денег. (*«Газета wyborча»*, 24-25 ноября)

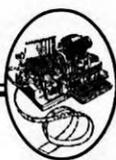
❖ Классические шерстяные свитера для собак стоят около 50 зл.; непромокаемые одежки из материи с примесью шелка — 69 зл., а из обычной — 56. Клиенты охотно покупают теплые непромокаемые

куртки, защищающие от дождя и ветра. Можно купить также шапочки и резиновые галоши примерно по 18 зл. Для маленьких собак можно купить непромокаемые сумки. Ветеринары рекомендуют теплую одежду и утепленные сумки для собак, так как зимой животные легко схватывают заболевания верхних дыхательных путей. (*«Газета wyborча»*, 16 ноября)

❖ Убежища для животных шлют тревожные призывы о зимней помощи, так как из-за ухудшившегося экономического положения многие фирмы перестали оказывать финансовую поддержку. В убежище в Целестинове не хватает денег на лекарства, лечение и корм. Хотя прием новых «пансионеров» давно приостановлен, их число увеличивается: каждое утро сотрудники убежища находят собак, привязанных к забору — оставленных хозяевами. С трудностями сталкиваются и убежища, созданные частными лицами. Под опекой пенсионерки Марии Буяк в Нане — 40 животных, она содержит их и себя на маленькую пенсию. Она задолжала за электричество, нуждается в корме для животных, угле и соломе. В таком же положении оказалась Ирена Ярош в Константине-Езёрной, где держит в убежище 200 животных. (*«Газета wyborча»*, 10 ноября)

❖ Первый добросовестный доклад об убежищах для животных (за 1999 г.) подготовила Главная ветеринарная инспекция. Из 122 убежищ почти 20 оказались очень плохими. Только 50% собак и 30% кошек из числа попадающих в убежища могут рассчитывать на то, что их возьмут новые хозяева. В некоторых убежищах широко прибегают к усыплению животных. В Ломже усыплению подвергли 94% находившихся там животных, в Августове — 78%, в Белостоке — 52%. Под влиянием доклада положение начало меняться. Убежище фонда «Animals» в Варшаве добилось того, что новых хозяев обрели 2,5 тыс. животных, а убежище во Вроцлаве — 1,8 тысяч. По данным доклада, в 1999 г. убежища попало на 13% животных больше, чем в предыдущем году. (*«Газета wyborча»*, 4 декабря)

❖ Со станции Горной добровольной скорой помощи были украдены три собаки-спасателя — немецкие овчарки, находящие людей, заблудившихся в горах, засыпанных лавиной или оставшихся под развалинами домов во время несчастных случаев. В СМИ были опубликованы фотографии собак. Много дней спустя была найдена первая — Нортон, которого держали на ферме как цепного пса. Вторую, Шанту, опознали, когда она бродила в окрестностях отдаленной автобусной остановки: собака была больна от истощения и холода. Хагана, которого особенно ценили за исключительные спасательные таланты, нашли последним — мертвым, с поломанными ребрами и разможенной головой. (*«Газета wyborча»*, 21 ноября)

Из письма в редакцию Богданы Пилиховской: «Зофья Суторовская, доктор философии, которая больше полвека заботилась в Рабке о животных, рассказала мне старую жемайтскую поговорку о Страшном суде. Жемайты считают, что Господь Бог судит, Мать Божия защищает, а обвиняют животные. Трудно, однако, предположить, что Мать Божия делает это с охотой». («Тыгодник повсехный», 18 ноября)

Из рубрики «Приглашения»: «Кабаре нравственной тревоги» выступает в рамках Дней Варшавского университета». («Газета wyborча», 20 ноября)

Станислав Лем: «В нашем антиэлитарно уплотненном социальном мире глобализация все отчетливее демонстрирует свою темную сторону — сторону человеческих масс, гонимых в неизвестное будущее инерцией перемен, с которой все труднее совладать. (...) Мы устремляемся, на мой взгляд, к миру, в котором все возможно, в котором можно вести необъявленные войны, соблюдать или не соблюдать договоры, в котором каждый может делать все, чего ему сию минуту захочется, с пользой или вредом для посторонних. Худшее выигрывает, а лучшее проигрывает. (...) До сих пор много писали и говорили о дурных сторонах глобализации, но только теперь она очертила клыки терроризма, тем более дерзко и прожорливо вцепляющиеся в добычу, чем большими свободами, данными демократическим устройством, могут похвалиться государства, становящиеся тем самым рассадниками собственных врагов. (...) К сожалению, многие мои футурологические предсказания сбылись, но приобрели ужасающе черную окраску, ибо человеческий разум создает новые инструменты, которые обращаются прямо против него и, следовательно, угрожают нашей цивилизации». («Тыгодник повсехный», 18 ноября)

ПОЛЯКИ И РУССКИЕ СИМПАТИЗИРУЮТ ДРУГ ДРУГУ

Сообщает «Прима» —
правозащитное
информационное агентство
при «Экспресс-хронике»

35% опрошенных жителей России относятся к полякам с симпатией, 24% — с уважением. Неприязнь испытывают только 2%. В Польше к русским с симпатией относятся 30,8% опрошенных, с уважением — 23%, неприязненно — 2,1%.

Об этом сообщили 17 декабря на пресс-конференции в Москве директор Центра международных социологических исследований Лилия Казакова и директор Польского информационно-культурного центра в Москве Марек Зелинский. Опрос проводился осенью текущего года.

Русским больше всего нравятся в поляках такие черты, как энергичность и деловитость, храбрость, чувство собственного достоинства, не нравятся сумасбродство и непостоянство, капризность и высокомерие. Больше половины опрошенных поляков не выделили в русских положительных и отрицательных признаков. Большинство как русских, так и поляков полагают, что их странам не в чем каяться друг перед другом за дела прошлого.

Поддавляющее большинство опрошенных россиян (42%) назвало Польшу партнером. Россию назвали партнером 56% поляков.

Отвечая на вопрос корреспондента «Примы», Марек Зелинский сказал, что он категорически не согласен с политологами и журналистами, утверждающими, что поляки настороженно относятся к сближению Запада и России после событий 11 сентября, в частности к возможной интеграции России в НАТО.

По мнению Лилии Казаковой, перед лицом терроризма две страны чувствуют себя партнерами.

Лешек Бальцерович

КОМУ ВЫГОДНО ОЧЕРНЯТЬ РЕФОРМЫ?

Если поверить едва ли не большинству участников наших публичных дискуссий (а уж во всяком случае самым громогласным из них), то придется признать, что причина практически всех польских трудностей — это преобразования, то есть реформы. У этой тенденции бывают различные источники: элементарные логические упущения, нехватка конкретных знаний о различных странах и идущих в них процессах перемен, неумение проводить осмысленные сравнения, без чего теряют смысл и вытекающие из них оценки, и, наконец, демагогические манипуляции общественным мнением с целью получения политических выгод.

Возьмем простейший случай логической ошибки, которую допускают даже вполне уважаемые люди, то есть не прибегающие к фальсификации или манипуляции. Они по определению принимают, что под «преобразованиями» понимается весь период, отсчитывающийся со времени падения коммунистического режима. Исходя из этой предпосылки, они приходят к выводу, что любая трудность, возникшая на протяжении этого периода, есть следствие преобразований. В чем здесь ошибка? Очень просто: преобразования — это не просто период после падения коммунизма, а вполне определенные системные изменения, которые в этот период в

различных масштабах произошли в отдельных странах. Теперь можно задать себе следующий вопрос: чем шире масштаб реформ, тем больше возникает социальных трудностей — или же наоборот?

Реформы — это залог цивилизационного прогресса общества. Однако из этого вовсе не следует, что посткоммунистические преобразования должны быть процессом, протекающим без трудностей и проблем.

Сошлемся на простейшие примеры: в Польше до настоящего времени было проведено гораздо больше реформ, чем в Белоруссии или на Украине. А теперь спросим себя: кто куда сегодня стремится эмигрировать — поляки в Белоруссию и на Украину или же украинцы и белорусы хотят жить и работать в Польше? Из этих наблюдений, а также из результатов целого ряда солидных научных исследований вытекает один фундаментальный вывод: чем шире масштаб реформ, тем лучше живет население в целом. Например, объем промышленной продукции в 1989-2000 гг. в Венгрии вырос в общей сложности на 36%, а в Польше — на

28%, тогда как в Румынии он снизился на 52%, в России — примерно на 50%, а на Украине — на 43%.

В странах, где благодаря реформам удалось преодолеть экономические трудности, не только возросли доходы населения, но и улучшилось его состояние здоровья. А в тех государствах, где правительства затягивали или откладывали на будущее проведение необходимых

реформ, улучшения не произошло. Например, младенческая смертность в Польше уменьшилась в 90-е годы примерно вдвое, тогда как в России и на Украине этот показатель практически не изменился.

Вывод, согласно которому чем шире масштаб реформ, тем лучше общее положение населения, остается справедливым, даже если учесть различия в исходных условиях. Например, хотя в 1989 г. Польша была в худшем положении, чем Чехия, в 2000 г. наш валовой внутренний продукт (ВВП) увеличился на 27%, тогда как в Чехии — снизился на 2%. Эстония и Латвия после падения коммунизма испытали гораздо более глубокий кризис, чем Россия. Однако затем они провели более глубокие реформы, и сегодня русские, живущие в странах Прибалтики, как правило, не только не думают уезжать в Россию, но даже учат местные языки!

Другие примеры того, как можно создавать дурную славу реформам, приписывая им вину за последствия, с которыми они не имеют ничего общего, уже выходят за рамки добросовестного заблуждения или недоразумения. Действительно, под реформой следует понимать введение в данной области некоторой *улучшенной* системы, то есть уменьшающей патологические явления и способствующей повышению эффективности труда, что в результате приводит к экономии средств. С этой точки зрения следует признать интеллектуально недобросовестным истолкование повышения «обязательного взноса» (а скорее налога) на здравоохранение как элемента реформирования этой сферы. Если уж кто-то уступает нажиму того или иного партикулярного лобби, то пусть тогда по крайней мере имеет гражданское мужество в этом признаться, а не сваливает вину на реформу. Демагогия и оппортунизм — это антиподы подлинно реформаторского подхода.

Парадокс с очернением реформ заключается в том, что основные накопившиеся в Поль-

ше проблемы возникли именно потому, что определенные реформы блокировались, а вместо них пропагандировались и продвигались решения демагогические, то есть антиреформаторские. (...)

Реформы — это залог цивилизационного прогресса общества. Однако из этого вовсе не следует, что посткоммунистические преобразования должны быть процессом, протекающим без трудностей и проблем. Посмотрим, что действительно несут с собой эти преобразования:

— становится меньше денег, которые государство забирает у одних людей и раздает другим (реформа системы государственных финансов);

— становится меньше должностей, раздаваемых по чисто политическим причинам (приватизация предприятий);

— труд становится более эффективным, а качество его подлежит оценке;

— расширяется сфера действия конкуренции, в связи с чем возрастает неуверенность в завтрашнем дне;

— выходят на поверхность проблемы, которые при социализме скрывались (например, безработица);

— опережающими темпами растет заработная плата в тех профессиональных группах, в которых больше всего нуждается рыночная экономика (бухгалтеры, информатики, банкиры), тогда как в менее востребованных группах наблюдается ее относительное снижение.

Таким образом, реформы не всем приходят по вкусу. А если профессионально заниматься их блокированием, то этим можно вполне неплохо кормиться.

(«Впрост», 2001, 9 декабря)

Wprost

Анджей Садовский

КАК ОБРЕТАЮТ СВОБОДУ И КАК ЕЕ ТЕРЯЮТ

Этот уже полузабытый, беспримерный в мировом масштабе успех, источником которого стало польское предпринимательство, начался с одного-единственного закона о хозяйственной деятельности, принятого в 1988 году. Тогда это был самый либеральный в мире закон, регулирующий ведение хозяйственной деятельности. Он вводил полную либерализацию и полностью ликвидировал наследие, состоявшее из тонн формуляров и разрешений. Закон легализовал предпринимательскую инициативу поляков и открыл путь к свободному предпринимательству еще в эпоху ПНР. Полностью он проявил свои возможности после переломного 1989-го, когда перестали функционировать институты и законы социалистической Польши.

НЕПОНЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ

Никогда прежде граждане Польши не получали столько свободы — как политической, так и экономической. Благодаря вышеупомянутому закону в ошеломляющем темпе возникло около 2 млн. частных предприятий. Это стало возможным благодаря введению упомянутого законодательства и (практически одновременно с ним) крушению прежней веры во всемогущество государства и возрождению веры в собственные неограниченные возможности людей. Закон и вера, воплотившиеся в руках и сердцах миллионов наших граждан, изменили облик Польши. Это явление никак не было ни осознано, ни понято политическим классом, который вскоре прекратил формирование самопроизвольно возникающего и незаметно поддерживающегося порядка, основанного на свободе.

Этому классу была чужда мысль нашего довоенного экономиста Фердинанда Цвейга, утверждавшего, что свобода — самый лучший, самый эффективный и самый дешевый из методов управления и хозяйствования. Свободу начали ликвидировать как в экономической, так и в политической сфере (введение принципа партийности на выборах, общенациональный список кан-

дидатов в Сейм, пропорциональная избирательная система, пределы парламентского иммунитета депутатов и т.п.).

ПЕРВЫЕ КОНЦЕССИИ

Символическим началом конца свободы было введение первых концессий на экспорт горюче-смазочных материалов, причем процедуры их выдачи были не более прозрачными, чем чернила в подписи министра, который эти концессии придумал. Проведенные нами исследования, касающиеся положения малых и средних предприятий в 1990-2000 гг., эмпирически выявили процесс, в ходе которого сковывались и затруднялись условия их деятельности — из года в год, из месяца в месяц. Эти предприятия были вынуждены подчиняться все более сложным, запутанным, непрозрачным и дорогостоящим правилам и инструкциям. Как неминуемое следствие этого процесса бюрократизации замедлилась динамика создания самих предприятий и прекратилось создание в них новых рабочих мест, так как одновременно шел процесс роста обязательных выплат и отчислений на каждого работника, которые составили в итоге до 90% от чистой заработной платы. Эта схема воспроизводилась во всех отраслях экономики.

Растущая безработица, падение темпов экономического роста, буйный расцвет коррупции — это лишь некоторые результаты той системы, которая беспрепятственно создается в нашей стране. Причиной сегодняшнего состояния экономики стали не российский или азиатский финансовый кризис и не конъюнктура на внутригерманском рынке, но характер и принципы существующей административно-правовой системы. Я могу лишь повторить вслед за Эрнандо де Сото*, что основу развития составляют вовсе не достижения

* Современный перуанский бизнесмен и экономист, который в своей книге «Иной путь» показал, что причина бедности в странах Третьего мира — вовсе не капитализм и свободный рынок, а, наоборот, его отсутствие. — Пер.

чисто экономического характера (например, технологический прогресс, накопление сбережений, производительность труда и т.п.). Все эти факторы вторичны: ни один из них не объясняет, почему в одних странах люди проявляют больше инициативы, имеют больше личных сбережений, больше вкладывают свои капиталы и более эффективно трудятся. Многие, не только де Сото, пришли к выводу, что причины успеха коренятся в принятой правовой, административной, институциональной системе, которая поощряет людей либо инвестировать свои средства, развивать производство, вести строительство — либо же думать только о том, как бы пораньше уйти на пенсию.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К 1988 ГОДУ

Польша вновь оказалась в том положении, в каком была в 1988 году. Теперь требуется еще более сильная вера людей и либерализация хозяйственной деятельности, которые только и смогут вернуть полякам свободу. Как писал Франц Кафка, кандалы человечества сделаны из канцелярских бумаг — тонны этих бумаг связывают наших граждан по рукам и ногам и заставляют их впустую тратить свою энергию. Нужно вернуться к истокам нашего «экономического чуда», а не усматривать причины превратностей судеб экономики и граждан — как это делается в последнее время — только в снижении учетных ставок или в уровне котировок на мировых биржах. Ложные идеи ведут к неверным диагнозам и, в конечном счете, к решениям, чреватых катастрофой. Мы платим за эти решения непомерно высокую цену, проявляющуюся, в частности, в гигантской внутренней задолженности государства, которую стыдливо принято именовать «дырой в бюджете». (...)

Бюджетный дефицит — это мера несuverенности государства, проявляющейся в отношении правительства к различным группам, лоббирующим партикулярные интересы. (...) В таких обстоятельствах наглядно проявляется процесс утраты гражданами эффективного контроля над политиками, а членов парламента — над деньгами налогоплательщиков, которые расходовались с нарушением элементарных принципов разумности и целесообразности. Государственные расходы стали ничем иным, как добычей надпартийных групп, объединенных общими интересами.

Государством и государственными расходами распоряжаются именно эти группы — единст-

венные реальные и оттого прочные и долговечные группировки. Их можно определить как реди-стрибутивные коалиции. Одна из самых активных подобных группировок действует в горнодобывающей и металлургической промышленности. Символическим примером ее уверенности в своей силе и возможности безнаказанно разбазаривать деньги налогоплательщиков может служить хотя бы выдача премий директорам угольных шахт. Абсолютно выходящий за рамки приличий размер этих премий может сравниться лишь с размером убытков, которые несут эти же шахты. Если составить сводный баланс даже уже не дотаций, а просто выплат из бюджета, которых эта коалиция добилась с помощью самого наглого вымогательства, то может показаться, что наша страна израсходовала уже эквивалент стоимости нескольких космических программ, включая полет на Марс. (...)

Последствия монополизации политической жизни были весьма суровыми для прежней верхушки ПНР и весьма ощутимыми для восходившего в то время наверх политического класса. (...)

Однако в экономике этот класс до сих пор не только не ликвидировал монополий, столь же дорогостоящих и тем самым неэффективных, как и в политике, но соглашается на их существование и даже защищает от нападков. Наиболее вредоносна, особенно в XXI веке, монополия на средства связи. Я задавал разным ответственным министрам один и тот же вопрос: понимают ли они, сколько новых предприятий, сколько рабочих мест не было создано из-за невозможности установить самый обычный телефонный аппарат? Внятного ответа я не получил ни разу. Не заметил я также, чтобы после этого они поразмыслили на простую тему: во имя каких (чьих?) интересов они осуществляют свою власть? После двенадцати лет сохранения этой монополии наша страна телефонизирована всего лишь на 30% (я имею в виду стационарные телефоны). Компания «Польская телекоммуникация» отказывает в установке телефонов по тем же самым причинам, что и 20-30 лет назад. В этой телекоммуникационной пустыне все больше будет процветать безработица, и политики должны наконец это осознать. (...)

Предвыборные заявления о необходимости организовать обучение с помощью Интернета или создавать рабочие места на дому звучат особенно бесстыдно и цинично, коль скоро их авторы

знают, что реализовать их при сохранении монополии, да еще в значительной степени принадлежащей правительству чужой страны**, будет невозможно. Каждая минута существования этого динозавра, приводящего на мысль ситуацию на Кубе или в Северной Корее, — это вполне ощутимые экономические убытки и цивилизационный ущерб, наносимый Польше. В Польше нет никаких объективных причин, препятствующих нашему развитию. Единственное препятствие — это затягивающая нас в трясины некомпетентность, безответственность большей части политического класса и его неуклюже скрываемые частные интересы. В Польше до сих пор нет не только информационных супермагистралей, но даже элементарной и эффективной системы обычных сетей связи. Это результат невежества, некомпетентности, отсутствия представления о том, что такое государство и какие стратегические цели стояли и стоят перед нашей страной. (...)

ВЕРХУШКА УПУСТИЛА СВОЙ ШАНС

Верхушка Третьей Речи Посполитой, в отличие от ПНР с ее идеологическими и союзническими ограничениями, не сумела использовать предоставленный ей историей шанс. Из различных воспоминаний, появившихся по случаю 10-й годовщины смены режима, вытекает, что у главных действующих лиц политической сцены тех лет горизонт экономических перспектив ограничивался рабочим самоуправлением на государственных предприятиях. (...)

Похоже, что политики в нашей стране не принимают в расчет возможности воспользоваться уже выработанными наукой и испытанными в мировой практике методами, вытекающими из элементарного опыта. Предвыборные программы кишели предложениями и проектами, которые не сдали экзамена на практике. Всевозможные льготы, которые должны были принести с собой решение жилищной проблемы, создать рабочие места и т.п., — все это идеи из разряда волшебных сказок. Описания последствий, к которым приводит использование подобных льгот, можно найти

в сотнях учебников на разных языках. В мире свободного доступа к информации игнорировать элементарные законы и истины — это хуже, чем преступление, это ошибка (по выражению классика политики Талейрана). У будущей власти, а значит, и у нашей страны уже нет времени на повторение отечественных и зарубежных ошибок.

ШАНС, СТОЯЩИЙ ПЕРЕД НОВОЙ ВЛАСТЬЮ

Политический блок, формирующий новое правительство, получил исторический шанс на суверенное осуществление власти. Впервые за много лет он может избавиться от разрушающих наше государство эгоистических интересов всевозможных групп. Он несет такую же ответственность за предыдущий двенадцатилетний период, как и другие политические формирования, и не может усматривать причины кризиса исключительно в деятельности правительства, стоявшего у власти в последние четыре года. (...)

Брошенный этому блоку вызов — это вызов в масштабах ближайшей четверти века. Среди многих путей выбрать уже не приходится, но есть еще время, чтобы сделать правильный выбор. (...) Эта задача станет невыполнимой, если к власти придет политическая группировка, проповедующая идеологию равного разделения бремени кризиса вместо создания изобилия. Или гражданам будет возвращена свобода (либерализующая систему хозяйствования до уровня, установленного в тот момент, когда у руля экономики Раковского сменил Бальцерович), а значит, и вера — или стратегией правительства станет стремление любой ценой доползти до Евросоюза и его денег, чтобы поддержать само существование власти и населения. Если новое правительство будет по-прежнему применять бывшие неэффективные решения, это не только приведет к серьезнейшему кризису экономики и всего государства (и поражению на будущих выборах), но и станет началом ухода с политической сцены всех предыдущих политических верхов, от левого до правого фланга, — каковой процесс, впрочем, уже начался.

** В результате скандальной приватизации, проведенной в 2000-2001 гг., 51% акций ТП фактически контролируются компанией «Франс-Телеком», 54 процентами акций которой, в свою очередь, владеет французское государство. — *Пер.*

Анджей Корашевский

ПРЕЛЮДИЯ К ЕВРОПЕЙСКОМУ СОЮЗУ

Американский советолог Ричард Пайпс только что опубликовал в США свою «Историю коммунизма». Автор предложил тезисы, которые он уже ранее выдвигал и которые трудно подвергать сомнению, а именно: что Сталин еще в 20-е гг. прекрасно отдавал себе отчет в том, что национализм звучит убедительней, чем марксистская идеология, и в своих выступлениях весьма часто играл на русских великодержавных чувствах. Конечно, лишь во время II Мировой войны началось решительное преобладание националистической фразеологии над марксистской, но на протяжении всей истории Советского Союза великодержавные традиции ощущались весьма сильно и ни один народ, ни одна страна, входившие в «социалистическое сообщество», не могли даже мечтать о настоящих партнерских отношениях с Россией.

Ричард Пайпс утверждает, что народы — и те, что еще до революции оказались под властью России, и те, что были завоеваны Советским Союзом, — фактически существовали на положении колоний.

Так стал ли распад Советского Союза последней главой в истории колониализма? Уже после распада СССР мы стали свидетелями ухода Великобритании из Гонконга. Однако западный империализм заканчивал свое существование в 60-е гг. XX века и незаметно переходил в столкновение постимпериалистических держав с коммунизмом. Особенно ярко этот переход разыгрывался во Вьетнаме, но самым обширным полем битвы стала Африка.

Однако российский колониализм времен коммунизма был все же явлением качественно новым. Поддержкой ему служила идеология, определенные элементы партнерства и более или менее искренние попытки создать наднациональную общность. Мощью советской империи гордились не только в России и далеко не только русские.

Я не помню фамилии моего школьного учителя истории — помню его лицо, лицо очень молодого человека, его энтузиазм, идеи, которые он стремился нам передать. Империи рушатся, говорил он, но их следы остаются в течение столетий и тысячелетий, и это не только материальные следы, но и прочный след в наших умах. Он необычайно ярко рассказывал нам об археологических раскопках и о том, что в тех местах, где в Европе археологи находили больше греческих монет, чем римских, там сегодня территория православия; а где преобладали римские монеты, там сегодня территория католичества; на северных же окраинах Римской империи сегодня царит протестантство.

Мы глядели на карты, слушали его речи, пожалуй, не столько увлеченные их содержанием, сколько его энтузиазмом. А он говорил, что мы, европейцы, преемственностью нашей истории обязаны арабам, которые сохранили от гибели многие книги древнегреческих и древнеримских писателей. Он говорил, что империи гибнут и после просвещенных цивилизаций тьма невежества наступает иногда на целые столетия, говорил, что история может помочь нам разобраться в нашей собственной жизни, в наших собственных ошибках в мышлении.

Коммунизм не был просвещенной цивилизацией, хотя во времена моей молодости мы ожесточенно спорили о том, способствовало ли введенное коммунистическим режимом поголовное образование скачку в развитии цивилизации или же, наоборот, если бы не коммунизм, этот скачок совершился бы быстрее и эффективнее? Сегодня, зная историю Индии, арабских государств, стран Латинской Америки, я понимаю, насколько мы упрощали для себя мир. Тогда мы сводили всё к одной переменной: мы делили мир на зону, в которой господствовали Россия и коммунизм, и зону без коммунизма. Заодно это вызывало недружелюбное отношение к русским и поиски хотя бы самых примитивных «доказательств» того, что мы лучше тех, на кого нам назойливо указывали как на образец.

Колониальная или же метаколониальная раздраженность убийственно действует на четкую работу интеллекта, предлагает упрощенные толкования, позволяет все в мире объяснить, чрезвычайно упро-

щает понятие независимости, сводя его к единственному лозунгу: мы должны избавиться от чужого господства, а все остальное установится само собой. История бывших британских и французских, а теперь и бывших российских колоний показывает, насколько коварно мышление, в основе которого лежит эта раздраженность.

По многим причинам история колониализма представляется мне более интересной, чем история коммунизма, и лично я предпочитаю рассматривать коммунизм как одну из глав истории колониализма. Закат колониализма растянулся на два столетия — от американской Войны за независимость и образования США до распада СССР. В минувшем столетии две мировых войны привели к изменению господствующих позиций в колониальном мире. Гегемоном эпохи колониализма была Британская империя, по размерам превосходившая Римскую, — империя, в которой никогда не заходило солнце. Сначала борьба за господство в колониальном мире шла между Великобританией и Испанией, потом перчатку британцам попытались бросить французы, и лишь в конце XIX века на арене появился новый претендент — Германия. Существуют абсолютно серьезные теории, утверждающие, что обе мировых войны были по существу войнами между Германией и Великобританией за гегемонию в колониальном мире, а приводили к ним политики, не осознающие, что этот мир идет к концу. В обеих этих войнах чашу весов окончательно перевесило вмешательство бывшей британской колонии — Соединенных Штатов Америки. В результате этих войн Великобритания не только потеряла все свои колонии, но и скатилась до уровня региональной державы, жители которой по сей день не в состоянии справиться с чудовищно мешающей им в жизни тоской по утраченному имперскому прошлому. Бедные британцы по сей день делят весь мир на страны, которые были их колониями, и все остальное, которое их мало интересует. Их Содружество оказалось экономической и политической неудачей, их имперское прошлое сделало их вечной обузой для Евросоюза, а в своей внешней политике они значительно охотнее изображают себя ближайшим союзником США, а не своих европейских партнеров. В рамках Евросоюза их по-прежнему парализует мания соперничества с Германией и вековая неприязнь к Франции. Лондон смотрит на расширение Евросоюза на восток и на рост товарооборота между Германией и Россией с параноидальным опасением, что это может привести к усилению доминирования германской экономики в рамках ЕС. В политике всегда живы призраки прошлого, тех конфликтов, которые давным-давно потеряли всякое значение, и тех деяний, от которых остались лишь выцветшие фотографии.

Размышляя над вопросом, где и в каких условиях сформировалась философия развития в постколониальном мире, мы должны вернуться к истории распада колониальной системы. На руинах после победы над гитлеровской Германией началось постколониальное соперничество между США и СССР. Соперничество, от которого, по мнению некоторых, выиграли Германия и Япония, два государства, начавшие и проигравшие эту войну и восстанавливавшие свою экономику под американской оккупацией. Непосредственно по окончании войны возникали опасения, что германский и японский милитаризм (их имперские амбиции) станут вечным кошмаром для бывших союзников. Спустя несколько десятилетий оказалось, что именно эти страны с трудом соглашались на увеличение своей доли в вооружениях. Что произошло, почему как раз эти два государства на руинах колониальной системы выработали модель экономического развития без военных завоеваний, основанную на сотрудничестве и партнерстве, на добровольных инвестициях в экономику более слабых соседей? И Германия, и Япония были и остаются инициаторами и основной движущей силой в создании сильных региональных рынков в Европе и на Дальнем Востоке. Вспомним, как это происходило. Пытались ли Соединенные Штаты объединить Западную Европу против коммунистического Советского Союза? У меня нет сомнений, что пытались, а основным инструментом, для этого предназначенным, был план Маршалла.

Кто придумал план Маршалла? По-моему (а мнения на этот счет разделены), это был Джордж Кеннан, историк и дипломат, работавший в момент окончания войны в посольстве США в Москве, а после возвращения входивший в группу тех американских политиков, которые самым серьезным образом относились к коммунистической угрозе. Кеннан возглавлял бюро планирования и в администрации президента Трумэна имел лишь совещательный голос. Однако предложение о массовой экономической помощи Европе впервые публично прозвучало в феврале 1947 г. из уст публициста

Уолтера Липпмана. В формулировках Липпмана прочитывалась теория, которую Кеннан преподносил как своему начальству, так и доверенным журналистам: от коммунизма можно защититься, помогая Европе встать на ноги. Превращение Западной Европы в «красную» выглядело тогда совершенно реальной угрозой. Победа коммунистов в Югославии, гражданская война в Греции, свыше 26% голосов, поданных за коммунистов во Франции, более чем 30-процентная поддержка компартии в Италии. Сообщения из Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии не оставляли никаких сомнений: Сталин не собирался соблюдать ялтинские соглашения и допустить свободные выборы. Но более всего Америка была поражена, видя возрастающее влияние коммунистов в Западной Европе. В меморандуме от 23 мая 1947 г. Кеннан писал: «Бюро планирования не считает, что источником трудностей в Западной Европе является коммунистическая деятельность. Мы считаем, что нынешний кризис в значительной мере вытекает из драматического воздействия войны на состояние экономики, на политическую и социальную структуру в Европе, на полное физическое и психическое истощение (...) американские усилия, имеющие целью помощь Европе, следует направлять не столько на борьбу с коммунизмом, сколько на восстановление экономического порядка и веры европейского общества в собственные силы». Такой образ мыслей был характерен для старой гвардии из администрации президента Рузвельта. Предложение распространить «New Deal» на Европу было некоторым новшеством, но не противоречило их философии. В эту группу входил Дин Ачесон, помощник государственного секретаря, близкий к президенту Трумэну, — через несколько дней он выступил с речью, в которой предложил план экономической помощи Европе. Это выступление прошло незамеченным, но месяц спустя его друг и начальник, государственный секретарь Джордж Маршалл должен был выступить с лекцией в Гарвардском университете, и Ачесон попросил его вновь предложить этот план. На сей раз предложение отозвалось громким эхом по обе стороны океана, причем до такой степени, что Джордж Кеннан был поражен. В памятной записке Ачесону он писал: «План Маршалла, какой еще план Маршалла, у нас же нет никакого плана». По мнению Кеннана, нельзя было предлагать материальную помощь безо всяких условий. «Наша главная цель, — писал он, — заставить главные европейские страны функционировать без обращения за помощью. Необходимо, чтобы они: а) покупали у нас; б) набрались веры в самих себя; в) умели противостоять внешнему давлению».

В поистине американском темпе началась подготовка настоящего плана. Прежде всего помощь была предложена всем, включая Советский Союз. Однако эта помощь увязывалась с определенными условиями, и московское «нет» не заставило себя долго ждать. Что касается западных союзников, то теоретически легче всего было действовать через англичан. Англичане очень нуждались в помощи, но идея построить объединенную Европу казалась им недоразумением. Уинстон Черчилль отвечал на такого рода предложения кратко: «Я очень люблю бельгийцев и французов, но не намерен опускаться до их уровня». По другую сторону Ламанша де Голль был в восторге от американского предложения. Он прекрасно представлял себе Европу от Рейна до французских колоний в Африке, объединенную под предводительством Франции. С Великобританией он готов был заключить союз против Германии, но считал, что она не принадлежит к Европе. Спасением оказался француз Жан Монне, бывший заместитель генерального секретаря Лиги наций, финансист, имевший обширные связи в Вашингтоне и при этом пользовавшийся определенным доверием у де Голля. Мечтой Монне было создание Соединенных Штатов Европы, и осуществлению этой идеи он готов был посвятить всю свою энергию. Он с самого начала был убежден, что политическое объединение может состояться только как следствие экономического. Теперь эта идея могла получить небывалую поддержку в виде американских денег. Монне почти автоматически стал главным (отчасти самозванным) координатором плана Маршалла с европейской стороны.

На протяжении нескольких месяцев казалось, что нет такой силы на свете, которая заставила бы правительства стран Западной Европы договориться друг с другом или согласиться на американские условия. В декабре 1947 г. возникла угроза захвата власти в Италии коммунистами. Они не только могли рассчитывать на треть голосов, но и располагали вооруженными партизанскими отрядами и организованными кадрами в профсоюзах. Кеннан предлагал итальянским политикам объявить компартию вне закона и сознательно спровоцировать гражданскую войну, что дало бы основания для американского

вмешательства и новой оккупации Италии. Однако решено было оказать массированную помощь продовольствием и начать психологическую войну. Итальянские события и ухудшение собственной экономической ситуации склонили Францию и Великобританию одобрить соглашение, по которому они принимали на себя обязательство стабилизировать свою валюту, сбалансировать бюджет и упорядочить финансовую систему. Одновременно Вашингтон, видя, что строительство объединенной Европы на основе оси Париж—Лондон не имеет никаких шансов, начал добиваться ускорения экономического восстановления Германии и франко-германского примирения. Трудно сказать, каковы были шансы на успех у этой концепции, если бы Сталин не решился на переворот в Праге. Начавшаяся ранее кампания коммунистического террора в Польше не вызвала особого интереса в Америке, зато события в Праге произвели своего рода потрясение. Когда в феврале 1948 г. Москва принудила двенадцать министров прозападной ориентации уйти в отставку и против чехословацкой оппозиции начался бешеный террор, чаша терпения в Вашингтоне переполнилась. Объявленная за год до этого «доктрина Трумэна» — о помощи народам, защищающимся от коммунизма, — была распространена на весь мир (по крайней мере, так было сказано в мартовском выступлении американского президента). В том же месяце страны Западной Европы подписали в Брюсселе оборонительный договор, главной целью которого было сохранить и усилить американское присутствие в Европе. Англичане ушли из Индии и Палестины, еще раньше вывели свои части из Греции и практически не были готовы ни к каким военным действиям; французов тоже больше тревожили трудности в колониях, чем положение у себя дома. В американском обществе нарастало нетерпение и усиливались изоляционистские тенденции. Между тем у американских политиков, отвечавших за европейские дела, было ощущение, что они топчутся на месте. Шанс предоставляла оккупированная Германия, в западных зонах которой можно было навязать те или иные решения. В ответ на упрямство европейских союзников Америка заявила, что может приостановить дальнейшую помощь. Создание Федеративной Республики Германии стало де-факто одним из условий плана Маршалла. 2 апреля 1948 г. американский Конгресс принял закон об иностранной помощи, санкционировавший финансирование плана восстановления Европы. На протяжении четырех лет на эти цели предполагалось выделить 13 млрд. долларов (для сравнения: весь федеральный бюджет США в 1946 составил 37 млрд. долл.). С европейской стороны была создана Организация европейского экономического сотрудничества, чтобы принимать американские средства и контролировать их расходование. Ее возглавил доверенный человек Монне Робер Маржолен.

На план восстановления германского государства и введение немецкой марки Сталин 24 июня 1948 г. ответил блокадой Берлина. Советская зона окружала Берлин со всех сторон, и блокада дорог полностью отрезала город от поставок продовольствия. Жители Западного Берлина могли принять предложенные советскими оккупационными властями продовольственные карточки, но желающих было мало. Через два дня американская и британская военная авиация начала операцию по снабжению двух миллионов жителей Западного Берлина продовольствием и лекарствами по воздуху. Блокада продолжалась 11 месяцев, до середины мая 1949 года. С большой долей уверенности можно сказать, что она чрезвычайно ускорила не только многие решения, но и сам процесс восстановления немецкого государства. Тем временем американская помощь для Европы была скоординирована в рамках плана Маршалла, а с европейской стороны ведущую роль в реализации этого плана наряду с Жаном Монне играл Робер Шуман.

В 1947 г. французское правительство возглавил именно он — человек, говоривший по-французски с сильным немецким акцентом. Родившийся в Люксембурге, воспитывавшийся в Эльзасе, получивший образование в немецком университете, до войны депутат, а во время войны — участник французского Сопrotивления. Трудно было найти лучшего апостола франко-германского примирения. В то время, когда он был премьер-министром, для этого было еще слишком рано — его талант и возможности были использованы лишь позднее, когда он занимал уже только пост министра иностранных дел, когда была создана ФРГ и с немецкой стороны его партнером был другой эльзасец, такой же ревностный католик, антинацист и антикоммунист, первый канцлер Западной Германии Конрад Аденауэр. Первая встреча Шумана и Аденауэра прошла в атмосфере глубокого недоверия. Французы предъявляли Германии территориальные претензии, что, разумеется, не настраивало немцев положительно, а

противовесом доброй воле Шумана было глубокое недоверие большинства французских политиков, их нежелание идти на сближение с недавним врагом. Два политика расстались в гневе, а Шумана по возвращении резко критиковали за то, что он говорил с немецким политиком по-немецки. Проведя неделю в размышлениях, Аденауэр предложил идею, ставшую позднее известной как «план Шумана», то есть концепцию создания франко-германского Сообщества угля и стали. Проект получил поддержку США, а политики в Лондоне сочли, что Америка поддержала союз, направленный против торговых интересов Великобритании. Смягчить эти споры было делом нелегким. Их удалось смягчить лишь настолько, чтобы англичане открыто не сопротивлялись созданию основ европейского сообщества. Жан Монне теперь проводил больше времени в самолетах и поездах, чем у себя дома. Он курсировал между Парижем, Бонном, Брюсселем и Вашингтоном. 10 августа 1952 г. Монне возглавил первое из европейских сообществ, в которое вошли шесть государств: Франция, Италия, Западная Германия, Бельгия, Голландия и Люксембург, — и начал работать в Люксембурге. Вашингтон официально относился к нему как к главе государства. Он планировал создать общий рынок труда, отменить таможенные пошлины, ввести паспорта сообщества и не позднее 1960 г. — общую европейскую валюту. На том этапе эти планы остались в основном грезами.

С момента создания Сообщества угля и стали все цели плана Маршалла были, собственно, достигнуты. С угрозой завоевания власти коммунистами в каком бы то ни было из государств Западной Европы было покончено, Европа начала платить за американские товары, и, более того, стал сокращаться дисбаланс товарооборота, а экспорт европейских товаров в США возрастал в лавинообразном темпе. Антиамериканские настроения (особенно во Франции) отнюдь не уменьшились, скорее наоборот, но прежние опасения, не станет ли Европа полностью зависимой от США, развеялись. От осуществления плана Маршалла в выигрыше оказались обе стороны: нет никаких сомнений, что без плана Маршалла американской экономике грозил глубокий спад. (Спад, впрочем, все равно произошел, но продолжался лишь два года.) Америке, как воздух, нужны были европейские рынки, и вложение капитала в их восстановление оказалось лучшей из возможных инвестиций. За четыре года объем производства во Франции возрос на 32%, а в Италии — на 54%. В ФРГ уровень производства по завершении плана Маршалла приблизился к тому, какой был во всей Германии до начала войны. Как пишет историк Ричард Дж. Барнет: «Истинное значение плана Маршалла, изменившего облик Европы, зависело не от того, какими побуждениями были движимы американцы — альтруистическими или эгоистическими (на самом деле и теми и другими), но от факта, что способность самого богатого в мире государства выжить требовала массивной переброски средств».

В Японии Соединенным Штатам действовать было гораздо легче: там они были единственной оккупационной силой и могли свободно диктовать условия. Новая японская конституция была прямо написана американскими юристами и переведена на японский. Первые экономические реформы, включая сельскохозяйственную, проводились под диктовку американского оккупанта. Философию экономического развития без военного превосходства немецкие и японские политики подхватили и стали самостоятельно проводить в жизнь гораздо позже. Германия начала быть ведущей политической силой в Европейском экономическом сообществе, когда была введена общая сельскохозяйственная политика, гигантские затраты на которую в первые годы легли бременем прежде всего на ФРГ.

В данной статье я пишу главным образом о проблеме преодоления пережитков колониального прошлого — как у населения тех стран, которые были колониями, так и в тех странах, которые отвыкают от своих имперских унаследований. Не только пример англичан неопровержимо доказывает, что путь к освобождению от имперской психологии весьма труден. Имперское прошлое (часто даже весьма отдаленное) сильно обременяет процесс развития многих стран. Вопрос заключается в том, как из этого выйти, как примириться с тем, что это уже не колонии, не «зоны интересов» и что важен не великодержавный статус, а умение создавать зоны свободной торговли и ускорять экономическое развитие. В постколониальном мире своего рода статус великой державы получает тот, кто становится инициатором и центром создания динамичного рынка. А следы империи могут оказаться вязкими и затянуть в топь.

Марек Островский

LADY RYDER OF WARSAW

Когда королева Елизавета II объявила, что в знак признания заслуг удостоивает ее дворянского титула, — дающего право присоединить к фамилии название города, — изумленная Палата Лордов британского парламента услышала, что баронесса Сью Райдер, она же Маргарет Сьюзен Чешир (по мужу), хочет связать свою фамилию с Варшавой. Lady Ryder of Warsaw.

Год назад, в День поминовения усопших, в возрасте 77 лет скончалась Сью Райдер — маленькая женщина, вечно с каким-нибудь полиэтиленовым пакетом в руке, скромно одетая, настолько неприметная, что принимавший ее когда-то в Варшаве кардинал обратился с приветственными словами к ее секретарше. Мне запомнился ее насквозь пронизывающий взгляд. Вероятно, так она смотрела на людей, у которых брала пожертвования на содержание своих домов для больных и несчастных. Она создала сотни таких домов в пятидесяти странах мира, сама развозила на грузовых машинах дары, привлекла к работе в приютах и благотворительных магазинах 24 тысячи добровольцев.

Шестое чувство

Если бы не война, Сью Райдер осталась бы на своей родной ферме в графстве Йоркшир. В 1939 г., солгав, что она совершеннолетняя (а было ей на самом деле 16 лет), Сью вступила в ряды «Фанок» — так поляки в Англии стали потом называть молодых женщин из FANY (First Aid Nursing Yeomanry — Корпус медсестер скорой помощи). Вскоре ее приняли в тайную военную организацию, которая, по замыслу самого Черчилля, должна была разжигать очаги сопротивления в оккупированной Европе. Это было про-

Баронесса Сью Райдер

славившееся впоследствии Управление специальными операциями; Сью вначале недолго прослужила в чешском отделе, а затем, до конца войны, — в польском.

В двух своих автобиографических книгах Сью Райдер признаётся, что всю ее жизнь определила та необыкновенная служба, благодаря которой она соприкоснулась с трагической историей группы «тихо-темных» (так называли солдат польских вооруженных сил на Западе, забрасываемых на парашютах в тыл к неприятелю для выполнения специальных заданий. — *Ред.*) — офицеров, прибывших в Англию из захва-

ченных Гитлером стран. Вступив добровольцами в диверсионные группы, они после специальной подготовки возвращались к себе, на свою оккупированную родину.

Сью Райдер, связанная присягой с этой конспиративной организацией, отправляла парашютистов с тайного аэродрома в Темпсфорде, из безопасной сельской Англии, в самую гущу борьбы; все понимали, какие опасности, вплоть до гибели (у каждого с собой был яд — на случай, если человек предполагал, что не выдержит пыток), поджидают их на родине. «Нам, девушкам, они открывали душу, а мы старались внести в их жизнь хоть какой-то элемент устойчивости». За время службы, вспоминала Райдер, через базы прошло около трехсот Bods (от somebody — неизвестно кто; так Райдер называла «тихо-темных», вынужденных скрывать свои настоящие имена), а это означало триста прощаний. Таким способом в Польшу перебросили 316 солдат, треть которых погибла.

Сью Райдер пыталась объяснить, почему навсегда запомнила эту свою службу. «Говорили, что я родилась с особым инстинктом, как бы шестым чувством: я очень остро ощущаю настроение человека. Поэтому мне особенно бросались в глаза редкостная впечатлительность и душевное спокойствие «тихотемных»». Есть, однако, в ее воспоминаниях некоторая неясность. Автор сопоставляет атмосферу конспиративной работы со своей последующей деятельностью на

Сью Райдер (вторая слева) среди г.п. «Фанок». Южная Италия, 1944 г.

благо тех, кого постигла беда или болезнь: «Обе ситуации словно были в чем-то тождественны». В чем — если не считать расставаний и смерти?

Дом для забытых

Проблема памяти, похоже, стала ее навязчивой идеей. Первый благотворительный фонд назывался «Забытые союзники» («Forgotten Allies»). Любопытно, что именно Сью взволновал тот факт, что Западная Германия не выплачивала компенсаций пострадавшим из стран Восточной Европы, с которыми она не поддерживала дипломатических отношений. В 1956 г., располагая всего лишь тысячей фунтов сбережений и маленьким автомобилем, Сью Райдер открыла свой первый «дом» в Англии для этих самых «забытых», больных или раненых, в основном поляков.

А еще раньше, сразу после войны, начиная с 1945 г., сперва в рамках Красного Креста, а затем, когда Красный Крест отказался от сотрудничества, опираясь на собственные силы, молодая англичанка помогала другим попавшим в беду полякам. Можно сказать, она шла против течения, ибо то были поляки, арестованные в оккупированной Германии за кражу, контрабанду, нелегальную торговлю, а также за акты возмездия по отношению к немцам. Сью считала, что выносимые им приговоры слишком, несоизмеримо с виной, суровы, что судьи не принимают во внимание обстоятельства, при которых совершены преступления. Она пыталась добиться освобождения заклю-

ченных или смягчения наказания либо просто беседовала с ними, стараясь поддержать их дух. Ведь они были одиноки и забыты. Сохранилось несколько трагических писем: молодые мужчины, уже смирившиеся со своей участью (смертный при-

говор за убийство эсэсовца), благодарят Сью за то, что она не оставляла их в тюрьме своей заботой.

Дом Сью Райдер в Кэвендише (большую часть которого всегда занимали где-то подобранные больные или инвалиды) стал образцом для

других домов (до 1965 г. Сью Райдер основала их 30 — в Англии, Польше, Югославии, Греции и Германии) — очень похожих, обычных жилых домов, где жильцов не обявывал никакой распорядок. По подсчетам Сью Райдер, она проделывала, чаще всего на грузовике, по 60-80 тыс. километров в год, развозя лекарства и продовольствие, учреждая новые дома, навещая своих Bods (впоследствии она стала так называть многих своих пациентов и сотрудников).

«Женщина-ангел» — так говорят о ней самые старые обитательницы дома в Константине, первого из 30 основанных в Польше домов. Сью Райдер помнила все их болезни, перенесенные операции и семейное положение. «Пани Райдер до сих пор с нами, она с нами все время, — говорит пани Люцина, одна из ее подопечных, живущих в доме с самого начала. — Когда возникла проблема с нашим пребыванием тут, ночью она мне приснилась. В коридоре обняла меня и сказала, что все будет хорошо».

За пределами частного мира

В обеих автобиографиях («Завтра принадлежит им», Варшава, 1978, и «Дитя моей любви», Лондон, 1986) Сью Райдер не уделяет никакого внимания своей личной жизни, будто таковой у нее вообще не было. Она словно оправдывается перед читателями за свой брак (заклученный в 1959 г.) с героическим летчиком, некогда самым молодым полковником британских ВВС Леонар-

дом Чеширом. Как и она, Чешир был прирожденным общественником. Оба были очень религиозны. Он возглавлял другой фонд («Дома Чешира») — для калек, в том числе детей-калек. Благодаря своей работе они и познакомились: Сью Райдер захотелось увидеть фонд полковника. Какое-то время они вместе проработали в Индии. Жили всегда чрезвычайно скромно: в огромном доме занимали фактически одну комнату — во всех остальных обитали чужие люди, которым они помогали. У Чеширов было двое детей: дочь, ставшая врачом, и сын, который работал в фонде.

Корреспондентка лондонской газеты «Гардиан» в своих воспоминаниях сообщает, что восемнадцати лет Сью Райдер вышла замуж за молодого офицера военно-морского флота, который спустя несколько недель погиб. Однако ни в одной из двух своих автобиографий «Леди из Варшавы» не упоминает о трагически оборвавшемся первом замужестве. Смерть, впрочем, часто присутствует на страницах этих книг, но автор никогда не жалуется. Как подчеркивает Сью Райдер, война и страдания научили ее тому, что жизнь требует «сочувствия к другим и ограничений для себя и обе эти вещи тесно связаны». Что касается сочувствия, тут никакие доказательства не нужны, а вот насчет самоограничения хочется рассказать анекдотическую историю. Несколько лет назад сын Сью приехал на грузовике с дарами в Варшаву. Стояли холода, а на нем были только драные брюки и свитер. Одна из работающих в магазине фонда женщин выдала ему брюки и куртку. Через несколько дней молодой человек вернул одежду, сказав, что взял ее в займы и должен отдать, иначе мама будет недовольна.

Сью Райдер, не дававшая себе никаких поблажек, требовала того же и от других. Она не умела принимать знаки благодарности — ей не нужны были ни благодарственные слова, ни цветы. Она нервничала, если кто-то пытался вручить ей подарок, — считала, что это пустая трата денег, которые можно было бы предназначить на какую-нибудь благородную цель. Всегда носила с собой кофе, чай и сахар. Не желая никого утруждать, во время встреч — будь то встреча с чиновниками или с президентом — неизменно просила только стакан воды и сама готовила себе напиток.

Символы не устаревают

Из автобиографий Сью Райдер видно, что Польша — ее родина по выбору. «Я чувствую, что ей принадлежу», — пишет она. Больше всего места она посвятила мужественным «тихо-темным», кошмарам оккупации в Польше, преступлениям против поляков, трагедии Варшавского восстания (характерно, что в приложении говорится о помощи, которую тогда отправляли в Варшаву с авиабазы в Италии и ценой которой зачастую бывала жизнь сбитых летчиков), восстановлению разрушенной страны и наконец — военному положению. Сью Райдер с дочкой отправились в Польшу на грузовике с дарами для больниц уже в канун 1982 г. (военное положение было объявлено 13 декабря 1981-го. *Ред.*). На границе с ГДР немецкий таможенник распаковывал и смотрел на рентгене ортопедическое оборудование, потом приказал перевести на немецкий язык обнаруженный в молитвеннике сонет лорда Уэйвелла, написанный в 1943 году.

Воспоминания Сью полны сентиментальных и возвышенных изречений о людях, которые не устают верить, что доберутся до источника света в конце туннеля, сколь бы длинным тот ни был; приводит она и цитату из Джона Донна о том, что «ни один человек не остров, но каждый — часть материка, часть целого». Однако символом и логотипом своего фонда Сью Райдер избрала веточку розмарина с цитатой из Шекспира. Офелия, незадолго до смерти потерявшая рассудок, вручает розмарин Гамлету. А Сью Райдер перед смертью рассорилась с фондом, который сама основала; она возражала против переезда нового правления из ее дома в офис в Лондоне, а также против привлечения к работе платных сотрудников (а не только общественников, как это было на протяжении всей ее жизни). Ее также больно задело решение правления изменить логотип: шекспировский розмарин был сочтен устаревшим символом. А ведь этой цитатой — обращенными к Гамлету словами Офелии — Сью Райдер заканчивает обе свои книги: «Вот розмарин, это для памяти: возьмите, дружок, и помните».

«ЛЕВИАФАН» НЕ БЫЛ ХИЩНИКОМ

С Петром Вежбицким, редактором «Газеты польской», рассказывающим про своего деда, одного из крупнейших хозяйственников в истории Польши, беседует Владзимеж Калицкий

В сталинской Польше Анджей Вежбицкий был дежурным злодеем коммунистической пропаганды. Собственно, он и был квинтэссенцией капиталиста: мало того, что до войны нажил состояние в промышленности, так еще и основал Центральный союз польской промышленности, горного дела, торговли и финансов и оставался его председателем до последних дней Второй Речи Посполитой.

После войны в официальных выступлениях, печати, школьных учебниках истории его изображали кровопийцей, вместе с князем Радзивиллом распродающим Польшу иностранному капиталу. Премьер-министр Юзеф Циранкевич в одном из своих выступлений обвинил его в том, что, сбежав за границу, Анджей Вежбицкий плетет заговоры против Народной Польши в эмигрантском правительстве в Лондоне. Премьер лгал — со времен войны Вежбицкий жил и работал на родине.

Издательской сенсацией 1958 г. стала публикация в издательстве ПИВ [польском Госиздате] воспоминаний Анджея Вежбицкого.

— Дед рассказал мне, что после публикации статьи в «Тыгоднике повсехном» редактор «Тыгодника» отец Пивоварчик здорово отругал Киселя [Стефана Киселевского] за то, что он так тепло пишет о ком-то столь омерзительно богатом. Кисель тут же рассказал это деду, который попросил его передать отцу Пивоварчику следующее: «Ваша мечта сбылась. Я беден».

— *Для последнего поколения петербургских промышленников Анджей Вежбицкий был мужем провидения. По крайней мере для трех поколений польских социалистов и коммунистов он был исадьяем ада. Для отца Пивоварчика — омерзительным богачом. А для вас?*

— Необыкновенным человеком, оказавшим на мою жизнь огромное влияние.

Он воспитывал меня в преклонении перед Толстым, Тургеневым, Чеховым, Гоголем, Лесковым. Восхищение великой русской литературой осталось во мне навсегда.

Благодаря этому меня не коснулись разные литературные моды: ни оттепельная в 56-м году, ни авангардистская и никакая другая, ведь в произведениях Гоголя, Толстого, Чехова — целый мир.

— *Анджей Вежбицкий знал как свои пять пальцев правовую и налоговую систему царской России и межвоенной Польши, был знатоком промышленности, талантливым инженером, пламенным интузиастом-аграрником. Откуда такая многогранность?*

— Благодаря труду. Он принадлежал к поколению поляков, для которых работа, любая работа, была святостью.

Отец деда Анджея, а мой прадед, тоже Анджей Вежбицкий, был в 70-х годах XIX века врачом в Воронежской губернии. Часто он по несколько недель объезжал свой уезд. Прадед был врачом по призванию, очень многих знакомых и бедных пациентов принимал бесплатно. Умер он от тифа, заразившись во время эпидемии. Прабабушка вернулась в Варшаву и содержала семью трудом своих рук, рукоделием и папиросами домашнего производства для знакомых. Это была тяжелая работа, от зари до зари. Чувству ответственности и любви к тяжелой работе дед научился от своих родителей.

Он не был вундеркиндом. В варшавской гимназии у него было немало трудностей с учебой. В четвертом классе директор школы, несмотря на то, что дед сдал экзамены, предложил оставить его на второй год, чтобы тот отдохнул, физически и умственно окреп. Только тогда он стал выделяться среди одноклассников.

В шестом классе дед начал давать частные уроки, по несколько в день. Он был очень хорошим репетитором, давал уроки до девяти вечера и только потом возвращался домой и начинал готовить домашние задания. То, что он зарабатывал, было важной частью семейного бюджета.

Этими уроками он обеспечил себе и учебу в Петербурге.

— *А не был ли отъезд польского гимназиста на учебу в столицу империи изменой патриотическим правилам хорошего тона?*

— На исходе XIX века — нисколько. Дед хотел стать инженером. В Варшаве не было политехнического института, поэтому он и отправился в Петербург поступать в Технологический институт. Это то же самое, что сегодня заявить, что в Варшавском политехническом институте нет интересующего нас факультета, и поехать учиться в Познань или Вроцлав.

— *Неужели четверть века спустя после восстания 1863 года не осталось ничего от патриотического бойкота захватчика, от окопов у ворот каждого польского дома?*

— Дед воспитывался в патриотическом духе. В своих воспоминаниях он описывает, как вместе со старшей сестрой они читали и обсуждали произведения трех великих национальных поэтов, как с друзьями по школе рассказывали друг другу об истории Польши, о борьбе за независимость. А школьные друзья были не кто попало, взять хотя бы Владислава Корниловича, позднее — основателя «Лясек» [католический приют для слепых], или Александра Зельверовича, гениального актера, уже в гимназии обращавшего внимание своим сценическим дарованием.

В 4-й гимназии, где учился дед, русификация была не особенно ощутимой, но весь курс польской литературы по хрестоматии Вежбовского должен был вестись только по-русски, а истории Польши обучали в совершенно искаженном варианте, по снискавшему дурную славу учебнику Иловайского. Граматику, литературу и отечественную историю гимназисты учили вне школы, на подпольных курсах.

Русификаторское давление, повсеместное в Царстве Польском, в самой России исчезало.

В Петербурге тогда существовала очень многочисленная, сплоченная польская колония. Промышленники, финансисты, аристократы, врачи составляли прекрасно организованный, обособленный, довольно закрытый для русских круг. О русификации не могло быть и речи. Многие из петербургских поляков встречались в первую очередь в польском кругу, прислугу выписывали из Царства Польского, туда же отправляли детей на каникулы, репетиторами нанимали польских студентов. Многие из тамошних польских промышленников вкладывали часть нажитых на Неве состояний в промышленность на польских землях. Нередко они учреждали там благотворительные общества. Хорошо известный в промышленных кругах Петербурга и всей России влиятельный промышленник Станислав Глезмер, родом из-под Кельце, основал в Царстве Польском «Общество сиротских гнезд», которое находило для сирот приемные семьи и финансировало их содержание и обучение. В Петербурге издавался влиятельный польский еженедельник «Край» [«Страна»], имевший немалое влияние на польское общественное мнение. Польская колония в Петербурге всегда следила за тем, что происходит на родине, и никогда не порывала с ней эмоциональных связей.

— *Так что же влекло поляков в Петербург?*

— То же, что влекло в Россию Вокульского в романе Пруса, — возможность сделать карьеру. В начале XX века царская Россия была огромной страной огромных возможностей. Она стремительно модернизировалась, ее промышленность развивалась небывалыми темпами. Чтобы нажить состояние, не нужно было больших капиталов — достаточно было быть предприимчивым, способным и работающим. Наилучшим тому примером был мой дед.

Вскоре по окончании учебы он получил место протоколиста в обществе промышленников в Петербурге. И дед воспользовался этим шансом. Вскоре он был назначен секретарем общества, а в 1908 г. добился и славы, и уважения русских промышленников за глубокую критику налоговой реформы, подготовленной царским министерством финансов. С тех пор 30-летний Анджей Вежбицкий как представитель русской промышленности принимал участие в разработке имперской налоговой реформы, вступая в дискуссии и полемику с царскими министрами. Он успешно отстаивал интересы фабрикантов и вскоре стал важной фигурой в российских экономических кругах.

— Не испытывал ли он сомнений, укрепляя экономическую мощь главной из трех держав — участниц раздела Польши?

— Никаких. Дед знал, что российская промышленность будет прекрасно развиваться как с его помощью, так и без оной. Действуя же в интересах экономических кругов империи, он укреплял и экономику Царства Польского. Добившись отмены одного из несправедливых налогов, установленных министерством финансов, он спас от банкротства несколько десятков фирм в Царстве Польском.

Дед был реалистом, прагматиком, человеком дела, а не идеологом или заговорщиком. Когда он учился в Петербурге, там существовали две молодежные организации — социалистическая и национальная. Он выбрал национальную — «Зет», но по просьбе своих социалистических соперников хранил у себя их нелегальную библиотеку!

После майского переворота 1926 г. дед, хотя и был политически связан с Народно-национальным союзом и входил во фракцию этой партии, начал сотрудничать с премьер-министром Бартелем. Незадолго до новых выборов тот ему позвонил и пригласил побеседовать в свой кабинет. Там его уже дождался полковник Славек, правая рука Пилсудского, который потребовал от деда перейти из партийного списка националистов в список проправительственного Беспартийного блока сотрудничества с правительством. В противном случае он угрожал прекращением сотрудничества правительства с «Левиафаном». Дед тут же решил, что вообще не будет выдвигать свою кандидатуру в Сейм. Будучи прагматиком, он предпочитал сохранить возможность работать на промышленность, нежели выступать как депутат от оппозиции. Насколько мне известно, он как-то уладил это с руководством парламентской фракции ННС.

Рисунок Ignacy Czwartos

Таким дед оставался до конца. Когда в 1957 г. вышел первый том его воспоминаний, он отправил экземпляр книги примасу Вышинскому и Гомулке — не потому, что тот был первым секретарем ЦК ПОРП, а потому, что дед тогда считал его достойным политическим и экономическим реформатором. Об этом и сказано в его надписи Гомулке на книге «Воспоминания и документы». Когда речь шла о польской экономике, политические взгляды не имели для Анджея Вежбицкого решающего значения. Поэтому и я, когда вышли подготовленные мной его воспоминания, первому отнес книгу Лешку Бальцеровичу, естественно, не как политику, но как выдающемуся деятелю в области экономики — с аналогичной надписью. Уверен, что если бы дед был жив, он поступил бы так же.

— Как получилось, что через 45 лет после восстания 1863 г. русские промышленники доверили свои налоговые интересы тридцатилетнему поляку? А высшие органы царской власти такой выбор одобрили и вели с Анджеем Вежбицким переговоры?

— Русско-польские отношения в последние годы царской России мы привыкли рассматривать сквозь призму опыта Царства Польского — последовавшие за восстанием репрессии и конфискации, апухтинскую русификацию молодежи, заносчивость и алчность худшего сорта чиновников, которых «ссылали» в Польшу, наконец, расправы с рабочими во время революции 1905 года.

Но это только часть правды. Например, дед описал в воспоминаниях очень порядочного русского, преподавателя литературы, который смог привить ученикам пиетет и интерес к великой русской литературе. Все варшавяне знают царского генерала Сократа Старынкевича: став президентом [мэром] Варшавы, он внес большой вклад в дело развития города.

Так что встречались в Польше, хоть и нечасто, порядочные русские. Местные же российские власти в самой империи ничем не напоминали подонков, которых посылали на службу в Царство Польское. Это были люди культурные, открытые, прагматичные. Людей они оценивали по тому, что те собой представляют, а не по национальности. В самой России поляки уже не были гражданами второго сорта. Хорошо образованные, работающие, добросовестные, они строили по всей империи мосты и

железные дороги, запускали заводы и фабрики и развивали торговлю. Русские их уважали и любили. Поляки приобретали имущество и положение в обществе, при этом отнюдь не отрекаясь от своих польских корней.

Дед описал, как в газете «Торговля и промышленность», органе министерства финансов, некий бухгалтер в объявлении о поисках работы упомянул, что он поляк. Для русских предпринимателей это было гарантией, что он добросовестный, честный и не пьет.

— *Что побудило Анджея Вежбицкого вернуться в Варшаву в 1912 г.? Ведь его профессиональная и личная жизнь уже сложилась в Петербурге. Там у него были жена, дети, дом, туда он привез мать и сестру. Там были друзья, большие доходы и еще бóльшие перспективы. Крупнейшие заводы Петербурга приглашали вашего деда в правление, лишь бы он остался в столице империи.*

— В Варшаве ему предложили видный пост директора общества промышленников, но я подозреваю, хотя дед этого прямо не написал, что истинной причиной возврата была тоска по родине.

— *И чем занимался Анджей Вежбицкий как председатель общества?*

— Он представлял интересы промышленности Царства Польского как в делах государственного значения, так и в отдельных случаях. С одной стороны, например, он рецензировал правительственный проект отмены таможенных барьеров между Финляндией и остальной частью империи, с другой — добивался, причем на протяжении двух лет, согласия на ремонт полностью разрушенного участка краковского шоссе от Варшавы до Груйца или хлопотал о снижении железнодорожных тарифов на большие расстояния, чтобы дать варшавскому заводу Норблина возможность выполнить крупный контракт на поставки медных позолоченных статуэток божков в монгольские храмы. Когда же целлюлозной фабрике во Влоцлавеке грозило закрытие из-за отравления Вислы сточными водами, дед ходатайствовал о продлении официального срока строительства очистной станции. Как видите, в Польше мало что меняется.

— *Означало ли начало I Мировой войны и немецкая оккупация Царства Польского конец деятельности общества промышленников?*

— Напротив, только тогда деду как представителю отечественной промышленности выпала историческая роль. После начала войны русские власти впали в панику. В своих обращениях они призывали гражданское население массово эвакуироваться с движимым имуществом на восток и уничтожать все, что нельзя вывезти. Военные власти начали эвакуировать часть польских предприятий и взрывать оставшиеся. Из Варшавы тогда вывезли, в частности, станкостроительный завод Герлаха и Пульста, на тот момент, кажется, самый современный в мире, разрушили известные заводы Хандтке, Ортвейна, Карасинского. Дед организовал выплату компенсаций владельцам эвакуированных предприятий. Он помогал дирекциям этих заводов так организовать вывоз оборудования, чтобы в чудовищном хаосе эвакуации не были повреждены производственные линии.

После вторжения немцев скоро стало ясно, что оккупанты не собираются пускать в ход отечественную промышленность. Реквизицией любых видов сырья они парализовали деятельность почти всех отраслей. Польские рабочие, оставшиеся без работы, жестоко голодали. Общество промышленников призвало всех фабрикантов выплачивать добровольные взносы в размере 10 копеек в день на каждого, кто на них работал в день начала войны.

Благодаря этому фонду были открыты рабочие кухни для десятков тысяч безработных, которые спасли многих поляков от голодной смерти.

— *Не было ли у Анджея Вежбицкого после обретения Польшей независимости соблазна заняться политикой?*

— Только в том объеме, в каком это служило интересам промышленности. На пороге независимости дед стал «человеком-оркестром». Он продолжал руководить обществом промышленников, а кроме того, работал в Главном опекунском совете, Гражданском комитете города Варшавы, Межпартийном политическом обществе, Союзе экономической независимости, Государственном совете Царства Польского, на заседании которого произнес большую речь в защиту польской промышленности, разрушаемой немецкими оккупантами. В 1918 г. он ненадолго стал министром промышленности и торговли в правительстве Свежинского, а уже в декабре 1918 г. по просьбе Польского национального комитета

силами общества промышленников организовал так называемую экономическую делегацию на мирную конференцию в Париже. Экономические эксперты трех частей ранее разделенной Польши во главе с моим дедом проводили в Париже экономические анализы и разработки для Романа Дмовского и Игнация Падеревского. Благодаря этому они могли успешно защищать польские интересы, особенно от недоброжелательно настроенных к Польше англичан.

Расходы по полугодовому пребыванию на Западе экономической делегации целиком покрыло общество промышленников.. Впрочем, позднее это не помешало социалистам обвинять моего деда в том, что он за государственный счет проводил время в парижских отелях.

Деда избрали депутатом в Законодательный сейм. Он был там единственным представителем промышленных кругов и защищал интересы разрушенной войной промышленности.

Будучи председателем Общества промышленников Царства Польского, в конце 1919 г. он организовал совместное представительство польских экономических кругов из трех бывших частей разделенной Польши — Центральный союз польской промышленности, горного дела, торговли и финансов.

Социалистический «Рабочий» [«Роботник»] тут же напал на объединенную организацию капитала и сравнил ее с библейским чудовищем Левиафаном, которое выплыло из пучины морской.

Как раз тогда дед обдумывал вместе со своими сотрудниками подходящий телеграфный адрес союза, и они решили этот социалистический эпитет использовать как название.

Так возник «Левиафан». Это название прекрасно пришло, и в 30-е годы для каждого поляка «Левиафан» был синонимом крупного капитала. Подавляющее большинство поляков знали и моего деда как его председателя.

— *Что сделал Анджей Вежбицкий как главный директор, а позднее и председатель «Левиафана»?*

— Вернувшись на родину, дед занялся проблемами Силезии. В январе 1921 г. он произнес в Сейме знаменитую речь, где обосновал необходимость присоединения Верхней Силезии к Польше, опровергнув при этом доводы известного английского экономиста Джона Кейнса, который защищал право Германии на эти земли.

Все парламентские фракции, включая левых, единодушно согласились речь деда напечатать и расклеить как официальную директиву Сейма. А кроме того, его, как всегда, занимала защита отечественной промышленности.

— *Вы знаете, действительно забавно, что...*

— ...что забавно?

— *По вашим словам, Анджей Вежбицкий и в царской России, и во время немецкой оккупации, и в возрожденной Польше неустанно защищал промышленность, как будто крупный капитал — это беззащитное дитя, которое без особой опеки и защиты пропадет.*

— Но ведь так оно и было! Бюрократы на всех географических широтах и в любую эпоху относились — да, впрочем, и продолжают относиться — к промышленности как к дойной корове, которая должна давать все больше и больше налоговых поступлений. Государственные чиновники всегда были и остаются паразитами на теле промышленности. Хоть бы невесть сколько университетов кончили, но как только они располагаются в министерских креслах, то сразу перестают понимать, что без накопления прибылей промышленность развиваться не может.

Промышленность в возрожденной Польше имела очень много врагов и нуждалась в особенно сильной защите. Вечно жадная до денег государственная администрация нашла сильного союзника в лице социалистов, которые по идеологическим причинам требовали закрутить налоговые гайки капиталистическим кровопийцам. А после майского переворота оказалось, что влиятельные круги пилсудчиков полагают, что Польша вообще может обойтись без интенсивного развития промышленности. Классическим представителем этих кругов был генерал Люциан Желиговский. Истым шляхтичам-легионерам хватало земледелия: ведь так красиво золотятся родные нивы, а эти заводские трубы всё дымят и дымят. Дед защищал промышленность, при каждом удобном случае подчеркивая, что без собственных оружейных заводов мы не сможем оснастить армию. Этот аргумент еще как-то убеждал пилсудчиков, но в Сейме вообще не понимали, что страна без промышленности жить не может, армия без промышленности жить не может и сама промышленность без прибылей жить не может.

— *Аргумент о необходимости снабжения армии отечественной промышленностью должен был убедить прежде всего маршала Пилсудского.*

— У моего деда не было с Пилсудским никаких личных контактов. К счастью, Пилсудский не занимался экономикой.

— *Почему к счастью?*

— Если бы Пилсудский начал интересоваться экономикой, то стал бы своего рода вторым Гомулкой, т.е. самодержавным любителем, совершенно некомпетентным в этой области. К счастью, он занялся двумя важнейшими вопросами, в которых разбирался, — армией и внешней политикой. К несчастью, он вмешивался и во внутривнутриполитические дела.

— *Поддержку в деле защиты интересов промышленности Анджею Вежбицкий должен был бы найти в правых группировках.*

— Уже в 20-х годах национальное движение легко поддавалось слишком далеко идущим требованиям рабочих. А в 30-х к врагам индустриализации присоединились национал-радикалы. В их воображаемой картине экономического будущего Польши вообще не было места для крупной частной промышленности. Промышленные сферы воспринимались как филиал международного капитала. На моего деда часто нападали в правых политических газетенках. Например, я помню текст по случаю открытия варшавской площадки для игры в гольф. Смысл был такой, что господин Вежбицкий с князем Любомирским заигрывают с еврейским промышленником — тут называли еврейскую фамилию кого-нибудь из крупных капиталистов — и между двумя ударами по мячику продают Польшу евреям.

— *В 30-х гг. верхушка пилсудчиков была восторженно настроена на форсированную индустриализацию страны.*

— Проблема заключалась в том, как они эту индустриализацию понимали.

Другим фронтом борьбы деда за будущее отечественной промышленности была защита от этатизма. Поколение поляков, завоевавшее независимость, боготворило вновь обретенное собственное государство. Увы, чувства эти часто переносились на сферу экономики. Уже в 1919 г. деду пришлось сорвать государственный проект технической организации восстановления сельской местности и городов, подготовленный правым министром общественных работ. После майского переворота стало еще хуже. Дед вел постоянную, очень резкую полемику с этатистами, выступавшими под знаменем I Бригады [легионов Пилсудского], которые хотели национализировать всё. Это были безумцы: они прямо заявляли, что раз они завоевали независимость, то их место — у кормила экономики в Польше. И их же, разумеется, связанный с этим навар. Эта группа пилсудчиков, которую неформально возглавлял Стефан Стажинский, назначенный впоследствии президентом [мэром] Варшавы, была достаточно влиятельна в правящих верхах. Пилсудчики-государственники требовали, в частности, построить крупный государственный бумагоделательный комбинат, хотя частная целлюлозная промышленность была не в состоянии полностью использовать свои производственные мощности. Они требовали также, чтобы государство развернуло производство только одной марки легкового автомобиля и запретило выпуск автомобилей другим фирмам. Жуть какая-то: даже при Гомулке выпускали и «Варшаву», и «Сирену». Дед с помощью князя Януша Радзивилла организовал большую дискуссию, в ходе которой, к счастью, успешно эти идеи высмеял.

— *В бедной, отсталой межвоенной Польше, постоянно нуждавшейся в капиталах, государственные инвестиции были необходимым фактором индустриализации страны.*

— Анджею Вежбицкий не был противником государственных инвестиций. Он очень поддерживал создание порта в Гдыни, позже поддержал также создание Центрального промышленного округа. Но при этом был против создания государственных предприятий в тех отраслях, где частные фабрики не использовали полностью своих производственных мощностей. В этой сфере он полемизировал с вице-премьером Эугениушем Квятковским, которого, впрочем, ценил как энергичного организатора отечественной промышленности. Дед поддерживал Квятковского в вопросе о порте в Гдыне, но возражал против форсированного строительства в той же Гдыне крупных государственных перерабатывающих предприятий. По мнению деда, частная промышленность построила бы их значительно дешевле.

Подобный конфликт произошел между правительством и «Левиафаном» и по вопросу создания крупного государственного мостостроительного комбината. Частная промышленность имела прекрас-

ные традиции и достижения в этой отрасли, до войны поляки строили труднейшие с точки зрения техники мосты по всей Российской империи, а кроме того, с момента обретения независимости частные фирмы никогда не были полностью обеспечены заказами. Так зачем же выбрасывать деньги на государственный концерт, который составил бы нездоровую конкуренцию уже существующим предприятиям?

— **ППС [Польская социалистическая партия] и крестьянские партии обвиняли «Левиафан» в том, что он является чем-то вроде суперправительства, закулисно диктующего свою волю крупному капиталу, правительству и парламенту. А от имени «Левиафана» Польшей действительно управлял ваш дед.**

— Образ моего деда как субъекта, тайно дергающего за все ниточки в государстве, порожден вульгарным марксистским представлением о политических отношениях в стране. Коммунисты и социалисты считали, что раз строй в Польше капиталистический, а «Левиафан» представляет капиталистов, то «Левиафан» и правит. А раз главное лицо в «Левиафане» — Анджей Вежбицкий, то все важные решения в самом деле принимает не маршал Пилсудский, а он, Вежбицкий.

Смешно? Смешно. Но в то время образованность в обществе стояла на ужасающе низком уровне. Демагогия свирепствовала во всех политических партиях, в прессе, в Сейме. Больше всего нападали на зловещую частную промышленность, «Левиафана» и лично моего деда. Менее грамотная часть общественности принимала эти обвинения за чистую монету.

— **А как же в действительности Анджей Вежбицкий дергал за ниточки власти?**

— Тяжким трудом в парламентских комиссиях. Он возглавлял очень важную топливную комиссию, вел заседания бюджетных комиссий. Делал что мог, чтобы провести в Сейме свою точку зрения и защитить интересы промышленности. На «Левиафан» нападали со всех сторон, и все искусство моего деда заключалось в том, чтобы эту враждебность разряжать. Выступая в Сейме, он делал все, чтобы не обижать даже самых демагогических и наглых депутатов, поддерживать контакт и что-то разъяснить депутатам. А разъяснять ему приходилось вещи элементарные, так как если чиновники министерства финансов были профессионалами высшего уровня (первым был министр финансов Австрийской империи, остальные — либо профессора с огромными научными достижениями, либо признанные практики высокого административного уровня одной из стран — участниц раздела), то профессиональная подготовка многих депутатов оставляла желать лучшего. Когда дед добивался в Сейме развития оборонной промышленности, в зале поднялся дикий шум. Депутаты кричали: «Вы хотите наживаться на войне!» И это происходило в стране, лежащей между милитаризованным Советским Союзом и всюю вооружающейся Германией.

— **Значит, Анджей Вежбицкий был кем-то вроде тогдашнего лоббиста?**

— Да, только его положение было ясным. «Левиафан» был официальным представительством польского бизнеса. Финансировали его исключительно частные бизнесмены, государство не добавило ему ни гроша. Когда Анджей Вежбицкий выступал в Сейме, было известно, что он выступает от имени промышленников, борется за интересы польской промышленности.

Делал он это, кстати, очень успешно. Лучшим тому доказательством были жалобы помещичьих кругов, что вот-де Вежбицкий промышленникам почти все в Сейме улаживает, а о землевладельцах некому позаботиться. А ведь у них в Сейме было множество депутатов.

— **В чем заключалась тайна успеха Анджея Вежбицкого в разобщенном, политизированном Сейме?**

— Он был прекрасным прирожденным оратором. Однажды я сам испытал, какое он оказывал влияние на слушателей. В 1945 г. я учился в четвертом классе, и бабушка отвела меня в Ягеллонский

университет, где дед должен был прочитать лекцию о Западных землях. Зал был переполнен. Через несколько минут оказалось, что дед не лекцию читает, а произносит речь. Я помню его великолепную осанку, прекрасную дикцию. Когда он гремел зычным голосом: «Польша не может быть пешкой на карте Европы», — я чувствовал, как по залу проходит дрожь. Я тогда боялся, что происходит что-то страшное. В первый и последний раз я слушал тогда речи в великом, античном, сенаторском стиле.

Не хватало в ней только одного — знаменитых дедовых отступлений. В межвоенном Сейме восседали искусственные ораторы из бывшего австрийского парламента. В большинстве это были депутаты ППС. Они имели обыкновение прерывать выступления своих противников. Делали они это необычайно остроумно, с умом и, разумеется, по существу. Отличались в этом главным образом депутаты Диаманд и Дашинский. Это не имело ничего общего с тем, что в Сейме происходит сегодня. Сейчас кричат исключительно ради нарушения порядка заседаний. До войны остроумные возгласы социалистов окрыляли деда, помогали продолжить мысль. Благодаря этому его речи становились настоящими поэмами с многочисленными отступлениями. Своими успехами дед был обязан прекрасной профессиональной подготовке и железной, неотразимой логике аргументации с трибуны Сейма. Из «Левиафана» не звонили с распоряжениями министрам — это были бредни коммунистической пропаганды. У министров на шее и так сидели их партии, премьер-министр и общественность.

— *Ну, голос общественности тогда, наверно, учитывался меньше всего.*

— И до и после мая 1926 г. правящие группировки покупали себе покой в политике тем, что терпели социальные претензии работников, соглашались на потребительскую, а не производственную ориентацию экономики. Межвоенный капитал, до капли выжимавший трудящихся, — это лишь левый стереотип, мало что общего имеющий с тогдашней действительностью. Весь довоенный политический класс хотел сохранить в Польше лучшие в Европе социальные завоевания.

У нас было больше всего праздников и самый короткий рабочий день. В то время, когда бушевала безработица, когда люди без работы прикалывали себе на одежду карточки с надписью «Согласен на любую работу», когда безработные умирали с голоду, нельзя было затронуть социальные привилегии, отвоєванные профсоюзами, и тем самым оживить рынок труда.

В 20-х годах польская угольная промышленность проигрывала в конкуренции с немецкими шахтами, в которых ввели десятичасовой рабочий день. Мой дед добивался временного удлинения шахтерского рабочего дня до десяти часов, но с треском проиграл. Немцы могли работать больше, а поляки — нет.

В вопросе ограничения чрезмерных — при тогдашнем экономическом и международном положении — прав наемных работников «Левиафан» не находил поддержки ни в одной политической партии. Пилсудчики в экономических вопросах были, в сущности, левыми.

Даже эндеки [национал-демократы] были против ликвидации или хотя бы ограничения рабочих привилегий.

До войны в этом отношении все происходило точно так же, как и сегодня. Только, к счастью, профсоюзы были гораздо слабее. Но и независимость отвоєвали легионеры, а не профсоюзники; легионеры-то и добивались, чтобы народное хозяйство было отдано им в ленное владение.

— *На «Левиафан» напали не только за его желание ограничить социальное законодательство, за его усилия повысить прибыльность промышленности, но и за распродажу Польши иностранному капиталу.*

— Распродажа Польши — это был конек социалистов. То, что сегодня творят люди Рыдзика [священник, руководитель национал-католического радио «Мария»], в то время проделывали социалисты.

В 30-х годах по вопросу распродажи Польши возникла надпартийная коалиция от левых до правых. Левые обвиняли моего деда в распродаже страны международному капиталу, правые радикалы — международному еврейству.

— *Но ведь Анджей Везбицкий действительно поддерживал продажу в крупном масштабе государственных предприятий частному капиталу, в том числе и иностранному.*

— Конечно, поддерживал. В вопросе собственности у деда было четкое мнение: он считал, что по возможности все должно оказаться в частных руках, при этом неважно, чьих — польских, еврейских, американских, немецких. В этом вопросе у него не было никаких предубеждений. Однако значительной составной частью польского капитала в «Левиафане» был капитал поляков еврейского происхождения.

Хотя дед в свое время участвовал в национальном движении, это для него не представляло никакой проблемы. Так же, как не был для него проблемой и иностранный капитал. Впрочем, здесь я преувеличил — проблемой, и еще какой, было привлечь его в Польшу.

— *Не считал ли он, что это угрожает потерей контроля над польской экономикой?*

— Дед прекрасно знал, что стране иностранный капитал необходим как воздух, и от всего сердца его поддерживал, однако при этом с железным постоянством следил, чтобы иностранный капитал не получал монопольных преимуществ. В конце 20-х в экономических кругах нашумело дело о проекте строительства плотины и гидроэлектростанции на Дунайце. Это был очень дорогостоящий проект, и американская группа Гарримана согласилась его осуществить в обмен на то, что ей будет предоставлена монополия на поставку электроэнергии на самых промышленно развитых территориях Польши — сроком на 60 лет!

Энтузиастом этой бесспорно невыгодной для Польши сделки был социалист, министр общественных работ Енджей Морачевский. «Левиафан» же выразил решительный протест: он поддержал всё — за исключением монополии. И сделка провалилась.

До войны общество в гораздо меньшей степени, чем сегодня, понимало необходимость иностранных инвестиций в Польшу.

Сегодня с иностранным капиталом у нас воюют либо идиоты, либо расчетливые политические игроки. В то время с ним воевали очень широкие круги, с искренним убеждением, что таким образом они спасают новообретенную независимость.

— *Возмущение общественности вызвала не сама продажа отечественных фирм иностранному капиталу, но всплывавшие при этом финансовые аферы. В своих записках Анджей Вежбицкий ни словом не упоминает об афере с продажей знаменитого жирандовского текстильного комбината французскому промышленнику Марселю Буссаку, однако его имя связывали с этим делом. Давление французского правительства и старания председателя «Левиафана» привели к тому, что Буссак получил эту крупную фабрику практически бесплатно.*

— Подробно эту историю я не знаю, но знаю, что дед был за то, чтобы Жирандов попал в частные руки. Фабрики были разрушены, машины русские вывезли в начале I Мировой войны, никто в стране не хотел браться за их восстановление. Сделку совершило, разумеется, министерство финансов, «Левиафан» не имел к этому никакого отношения.

Однако я не сомневаюсь, что дед, будучи бескомпромиссным прагматиком, поддерживал назначение низкой цены на разрушенное предприятие: оно стоило ровно столько, сколько готов был заплатить инвестор, обязующийся его восстановить.

— *До войны прагматизм предписывал держать по отношению к СССР политическую дистанцию, но при этом вести с ним дела. Были ли у Анджея Вежбицкого как председателя «Левиафана» подобные планы?*

— В 1931 г. дед организовал поездку делегации «Левиафана» в СССР, описанную в довоенном «Пшеглэнде господарчем» [«Экономическом обозрении»]. Это был полуофициальный визит. Они посетили некоторое количество промышленных центров, съездили также в какой-то колхоз на Украине. Там, кстати, произошла забавная история. Дед случайно узнал о каком-то конфликте юридического и экономического характера, а поскольку он был прирожденным посредником и прекрасно разбирался в докоммунистиче-

ских российских законах, то попросил удивленных хозяев объяснить, в чем дело, и тут же предложил решение проблемы. Колхозники были восхищены. Они предложили ему остаться у них: он-де прекрасно подходит для руководства колхозом.

Вернувшись, дед написал отчет, но не стал в нем призывать к торговому повороту на восток. Это следовало не из его политических взглядов, а из оценки СССР как экономического партнера.

В усадьбе Анджея Вежбицкого в Грохове под Варшавой бывали советские послы, он много читал о советской России. Однако, когда к власти в Польше пришли пилсудчики и некоторые из них начали провозглашать теорию, что, хотя советский эксперимент не выдержал экзамена по экономике, он, может быть, выдержал его в социальной сфере, дед решительно возражал. Он всегда считал, что государственная экономика не может обеспечить такого удовлетворения социальных нужд, как свободный рынок.

— *Как Анджей Вежбицкий пережил оккупацию?*

— В сентябре 1939 г. он был членом Гражданского комитета при командовании обороной столицы. За участие в обороне Варшавы его наградили Крестом храбрых. А затем он делал то же самое, что и во время немецкой оккупации за 20 лет до этого, — пытался спасти польские предприятия от вывоза в Германию, работал в Главном опекунском совете.

Его дважды арестовало гестапо, но он благополучно вышел и из варшавского Павяка, и из краковской тюрьмы Монтелупи.

— *А как чувствовал себя председатель «Левиафана» в «Народной Польше»?*

— Вначале очень даже неплохо. Дед, один из самых богатых людей в довоенной Польше, потерял все состояние, но не отчаивался. Прежде всего он старался включиться в восстановление отечественной промышленности. Он получил должность советника в Польской спичечной монополии. Так как еще была памятна его предвоенная блестящая речь в Сейме в защиту принадлежности Силезии к Польше, новые власти назначили его в научный совет при министре по делам Западных земель.

Однако вскоре коммунисты вспомнили, кто он такой. Когда деда выгнали из спичечной монополии, он не мог найти работу. От голодной смерти его спасло свободное знание русского языка. Он содержал себя и бабушку переводами русской литературы, главным образом для издательств ПИВ и «Читальник».

В 1956 г. он вновь обрел надежду и необычайный энтузиазм. Помню, в доме у деда царил настоящая эйфория. Они перестали быть недочеловеками. Перестали жить в условиях, когда их могут посадить ни за что, — теперь, чтобы попасть за решетку, нужно было предпринимать оппозиционные действия.

Еще здоровствовавшие коллеги по «Левиафану» хотели привлечь деда к работе над реформированием экономики; они планировали, что дед станет советником Оскара Ланге, главы Экономического совета. Но дед счел, что его имя только приведет в ярость органы власти и повредит делу. И предпочел писать воспоминания.

Ежи Домагала

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

Я беседую с Александром Вольщаном в Пивницах, деревне под Торунью, отличающейся тем, что с дороги к ней видны стоящие в поле телескопы — один большой и один маленький. Это Астрономический центр Торунского университета им. Миколая Коперника (УМК). Здесь когда-то профессор Вольщан был студентом. Потом ездил сюда из Торуня (напрямик, через лес, было 12 километров) на складном велосипеде. Четыре последних года он был здесь, по его собственному выражению, виртуальным директором: время от времени прилетал сюда из Америки.

— С 1 января, слава Богу, я уже не директор, — говорит профессор.

ВОСХОЖДЕНИЕ

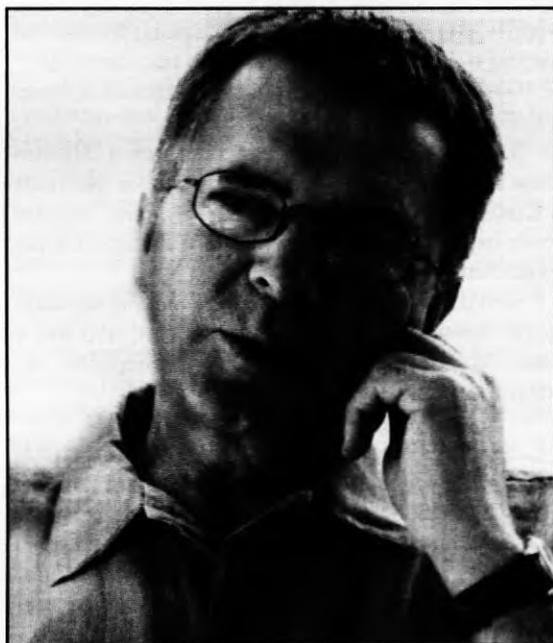
Один из вопросов к профессору Вольщану: остается ли еще в сегодняшнем технологическом, компьютеризованном мире место для романтизма, приключения, или же труд астронома — это лишь холодный, точно запланированный расчет? И профессор отвечает, что не меньше, чем компьютером, он пользуется карандашом и листом бумаги, а двигало им всегда непреодолимое желание искать и открывать новое, еще неизвестное. Бывает, что источником какой-то идеи становится серьезная книга или научно-фантастический фильм, авторы которых иногда догадываются о том, что ученым и в голову не приходило.

— Я не отношусь к типичным астрономам. У меня главная работа происходит не на интеллектуальном, а на эмоциональном уровне. В моменте, когда на экране компьютера из частичных данных возникает общая картина, есть что-то магическое.

И тут же профессор советует прочитать эссе, которое он написал для каталога выставки художника Войтека Сюдмака, показанной в 1999 г. на Эйфелевой башне.

— Оно дает представление о моем подходе к астрономии.

Горячей июльской ночью во Флориде я возвращаюсь с мыса Канаверел, все еще переживая

Александр Вольщан

только что разыгравшуюся драму неудачного запуска космического челнока «Колумбия». Всмотриваясь в ночь за стеклом автомобиля, я осознаю, что это событие делает мою зачарованность Космосом еще более интенсивной и усиливает желание, наконец, освободиться от ограничений, которыми так безжалостно опутывают меня время и пространство. Со странно успокаивающим, сонным ощущением облегчения и едва теплящейся зависти я думаю о Войтеке Сюдмаке и той чудесной свободе, с которой он создает миры, обреченные остаться закрытыми для меня, исследователя Вселенной — этой золотой клетки, созданной законами природы. А быть может, Сюдмак просто понял какую-то очевидную истину о нашей связи с Космосом, а я все еще нахожу ее только в фантазиях и сновидениях? В гостинице, утомленный ночным приключением, я погружаюсь в беспокойный сон в ожидании обратного утреннего рейса в Пенсильванию...

Свой первый телескоп он сконструировал еще в школе, чтобы увидеть спутники Юпитера. Но история его отношений со Вселенной началась, когда ему было всего шесть лет, — с грубого столкновения с законами тяготения: прыжок через колючую проволоку закончился травмой. Врач запретил ему ходить. Чтобы как-то развлечь сына, отец носил его вечерами на закорках, показывая звезды и созвездия, рассказывая о них легенды.

— Это был первый мой сознательный контакт с небом, который я помню.

Отец был профессором экономики в Щецинском политехническом институте, мама работала в Союзе польских литераторов. В доме, полном книг, царил атмосфера огромного интереса к окружающему миру.

— Именно тогда и началась моя зачарованность временем, пространством, тем, что нас с ними объединяет и что разделяет. И борьбой, которую мы с ними ведем.

...я открываю глаза в межзвездном пространстве, заключенный в хрустальную сферу, которая отделяет меня от космической пустоты и охраняет мой хрупкий земной организм от Космоса. Она делает из меня существо, пребывающее в пространстве, во времени, во всех возможных измерениях. Я открываю себя Вселенной, хочу, наконец, понять все то, что прежде было скрыто от меня, ограниченного земного существа.

Он не был уверен, что действительно хочет изучать астрономию. Участвовал в олимпиадах, выходил в финалы, вел наблюдения, но его привлекала и журналистика, в особенности радио. Все решила случайность. В начале июня, когда он все еще колебался, пришло известие, что как призера олимпиад его без экзаменов приняли на астрономический факультет Торунского университета.

— Как у любого человека, во мне была определенная доза лени. Четыре месяца каникул и полной беззаботности — это было серьезное искушение.

Так он стал астрономом. Другую свою страсть ему удалось реализовать, став во главе студенческой радиостанции. Свои состязания с законами тяготения, с земной гравитацией он вел в процессе восхождения на горные вершины в Татах.

И вообще он был — в процессе восхождения. В 1969 г. — диплом с отличием и должность асси-

стента при кафедре. В 1973 г. — выезд на 15-месячный стаж в Институт радиоастрономии им. Макса Планка в Бонне. На радиотелескопе диаметром 100 м в Эффельсберге он занимался наблюдением пульсаров — чрезвычайно быстро вращающихся вокруг своей оси нейтронных звезд, характеризующихся гигантской плотностью и возникающих в результате взрыва и последующего гравитационного сжатия (коллапса) крупных звезд. Результаты своих наблюдений он описал в кандидатской диссертации (на Западе она называлась докторской). В 1982 г. — очередное, второе пребывание в Бонне. Там он получил предложение стать научным сотрудником Корнелльского университета в США и работать на крупнейшем в мире 305-метровом радиотелескопе в Аресибо (Пуэрто-Рико).

Александр Вольшан вспоминает сегодня:

— Уже первый грант, первый выезд был для меня шоком. Я увидел, что многому еще должен научиться: овладеть современными инструментами, но также изменить свои привычки и сам подход к работе. В Торун, хотя и я сам, и мои товарищи по работе относились к ней весьма серьезно, господствовал такой немножко ленивый, показной стиль и вообще некоторая разболтанность. Обсерватория и лаборатории по вечерам пустовали — и до сих пор пустуют. Студенты — неизвестно где. А на Западе — известно: сидят по ночам и вкалывают, потому что там настоящий конвейер, фабрика научных результатов, бешеный темп. А в Америке все еще быстрее. Там нужно включить пятую скорость — или ты пропал..

Я вслушиваюсь в пространство и время. Отовсюду до меня доходит шепот звезд — и молодых, лихорадочно ищущих своего места в Галактике, и зрелых, терпеливо сопротивляющихся извечной гравитации, и умирающих — чтобы дать начало новым поколениям. Я смотрю на это кладбище матери, которую уже ничего не ждет — медленно остывающие солнца, взрывающиеся солнца, солнца, для которых уже нет места в пространстве-времени моей Вселенной. Я ощущаю формы ее существования, о которых никогда не подозревала земная наука.

Собственно, он не искал никаких планет. Он открыл их случайно.

— Ну, может быть, это был такой... закономерный случай.

В начале 90-х о свойствах пульсаров было известно не очень много. Ему повезло. Телескоп в

Аресибо был поврежден, но все еще мог работать.

— Я решил воспользоваться этим и начать исследовать так называемые миллисекундные пульсары, возраст которых насчитывал миллиарды лет.

Обычно к телескопу стоит очередь. Пишешь заявку на 30 часов наблюдений — получаешь пять. А теперь директор сам шел навстречу, только бы хоть как-то использовать стоящий без дела инструмент.

Вольщан получил телескоп почти в свое исключительное пользование и начал направлять его на самые различные участки неба. Он быстро открыл два новых пульсара: двойной — великолепно подходящий для того, чтобы проверять различные предсказания общей теории относительности в условиях сильного гравитационного поля, и второй — с планетами, о которых, разумеется, тогда никто не подозревал. Вольщана интересовал двойной пульсар: он был всего лишь вторым объектом этого типа, открытым к тому времени. Другим, с планетами, он занимался между делом.

— И как-то у меня ничего не выходило. Год спустя я все еще не мог точно определить его параметры и объединить результаты в одно осмысленное целое. И тут я подумал: «А ведь это может быть чем-то совершенно другим — чем-то *новым*». Я участил наблюдения, проверяя различные гипотезы. Но ни один из процессов, объясняющих поведение пульсаров, не подходил. Я отбрасывал их один за другим, пока не осталась последняя гипотеза — планеты. И эта гипотеза все объяснила просто идеально.

Это были первые планеты, открытые за пределами Солнечной системы. Разумеется, это не могло быть простой случайностью. Работая восемь лет в Аресибо, он открыл множество новых объектов: например, два пульсара, обращающиеся друг вокруг друга так быстро, что это позволило проверить теорию Эйнштейна в условиях, недоступных на Земле и в Солнечной системе, или пульсар, обнаруженный вблизи центра шарового скопления сотен тысяч звезд, который открыл дорогу исследованиям этих скоплений и позволил ученым заглянуть туда, куда не может дотянуться ни один телескоп.

— Меня несла огромная волна, я жил с широко раскрытыми глазами. До чего бы я ни дотрогнулся, выходило что-то новое и интересное. Это был просто фантастический период. А открытие планет увенчало собой весь этот период.

Оно принесло с собой множество наград и премий. Кроме Нобелевской, хотя и на эту премию его выдвигали.

— Ну что ж, каждый мечтает получить «нобелевку»... Но даю честное слово: та минута, когда я понял, что открыл планеты, и то, что я тогда чувствовал и чего описать невозможно, имеют для меня большую ценность, чем все премии мира вместе взятые.

АМЕРИКАНСКАЯ ГРАВИТАЦИЯ

— Открытие планет вернуло меня обратно на землю.

Кроме славы и почета, появились интересные предложения: курс лекций в Принстонском университете, а затем — пост профессора в университете штата Пенсильвания.

— Кончилась радостная творческая работа исследователя на экзотическом острове, где, кроме астрономических наблюдений, можно было еще бегать вокруг телескопа, заниматься виндсерфингом, нырять, восхищаться коралловыми рифами и всюю наслаждаться другими тропическими чудесами. Проведенные там годы я вспоминаю с теплым чувством. Жалею ли? И да, и нет. Уже пришло время, чтобы найти новую, интересную работу и вернуться в нормальный мир. Иначе там можно завязнуть навсегда. Есть среди нас и такие, что уже не могут жить иначе — и это, в общем, не так уж плохо. Я к этому готов не был. Но все равно я с удовольствием возвращаюсь в Аресибо и в менее интересные моменты моей жизни задумываюсь: а может, все-таки не стоило оттуда уезжать?

Картина не слишком частая: приближается вечер, солнце клонится к западу, профессор с женой Эвой, с которой познакомился еще в Торунском университете, и 22-летней дочерью Малгожатой, студенткой искусствования во Флориде, сидят за ужином на террасе своего дома, окруженного гектаром территории Америки. На соседних пригорках — меньшие или большие, тянущиеся на многие гектары частные владения, а слева и справа — хребты Аппалачских гор.

— Особенно летом чувствуешь себя здесь как в отпуске. Все время на свежем воздухе, — говорит профессор Вольщан. Расположенный в 15 километрах городок Стейт-Колледж мог бы быть типичной американской дырой, но благодаря университету в нем бурлит наука, культура и жизнь.

— Оптимальное место для работы и жизни, — говорит профессор.

Много времени они проводят вместе на кухне, потому что любят готовить — но иногда профессор выступает в роли... подопытного кролика и пациента. Жена Эва занимается новым междисциплинарным направлением — «behavioral he-

alth» — где сочетаются элементы медицины, биологии, психологии, социологии, гигиены жизни и даже питания. Цель этого направления — помочь человеку справиться с ловушками, которые подстерегают его в современном мире — подстерегают даже того, кто так удачно сражается с гравитацией.

— Жизнь у меня сумасшедшая, хаоса в ней гораздо больше, чем мне бы того хотелось. Пост профессора — это масса обязанностей: педагогические, организационные, административные, а кроме того — поездки, конференции, лекции...

Он всегда любил музыку, особенно классические малые камерные формы. Но был также — и остался — верным поклонником групп «Pink Floyd» и «Deep Purple». Однако на музыку остается все меньше времени. Читает он всегда, когда только можно, то есть главным образом в самолетах.

— И все же самая серьезная стоящая передо мной проблема состоит в том, что поле моей исследовательской деятельности чрезвычайно сузилось. Я не жалею — в конце концов, это мой собственный выбор. Просто констатирую, что уже, к сожалению, не могу в такой степени, как мне бы хотелось, осуществлять свою мечту исследовать и открывать новое.

Я напрягаю все органы чувств, чтобы среди шумов Космоса выделить те сигналы, значение которых я так хорошо понимаю. Жизнь! Послушная моей воле сфера перемещается от звезды к звезде, от планеты к планете. Растянувшись в пространстве и времени, я наблюдаю историю зарождения, взлета и упадка бесчисленных галактических цивилизаций. Я пытаюсь найти сверхсущества, галактические империи, но нахожу жизнь, непрерывно ищущую смысл своего существования, ограниченную законами природы, вопреки которым свободно перемещается моя волшебная машина времени. И все же недостаточно свободно, чтобы позволить мне уяснить, что такое жизнь — тупик в эволюции Вселенной или первый небольшой шаг в направлении более полной формы ее существования.

В 2009 г. американцы выведут на околоземную орбиту гигантский телескоп, который даст возможность находить среди ближайших к нам звезд окруженные планетами, подобными Земле. Профессор участвует в этом проекте.

— Через 10 лет — а может и раньше — мы наверняка найдем ответ на извечный вопрос: су-

ществует ли во Вселенной жизнь. Мы узнаем, есть ли вокруг этих звезд планеты — небольшие, размером с Землю, — или нет. Если такие планеты есть, то можно будет с высокой степенью вероятности считать, что жизнь во Вселенной существует. Если же нет, то это будет означать, что планеты типа Земли встречаются чрезвычайно редко, а потому вероятность существования высших форм жизни ничтожна и мы во Вселенной, по всей вероятности, одиноки...

Я путешествую во времени, возвращаюсь к моменту возникновения Вселенной, хочу понять, чем является жизнь в ее истории, как она зародилась и какое ее ждет будущее. Я непрерывно ищущу планеты, цивилизации, анализирую все более мощный хаос, свидетельствующий о приближении к первоначальной сингулярности — моменту возникновения Вселенной. Я знаю, что найду там разрешение всех мучающих меня сомнений, и делаю еще одно огромное усилие, чтобы заглянуть за густеющий, все более мощный энергетический занавес. Но моей волшебной сфере это не под силу, и она внезапно распадается в гигантской вспышке, обнажающей меня перед только что родившимся Космосом...

ПОЛЬСКАЯ ГРАВИТАЦИЯ

Он не был на родине больше десяти лет.

— Космополитизм — это прирожденная черта моего характера. Я себя чувствую хорошо везде, где люди живут нормально, будь то Германия, Франция, Америка или Польша. После 1989 г. для меня вовсе не было очевидно, что я должен сюда вернуться. Я подходил к этому так: если я здесь нужен, то с удовольствием что-нибудь сделаю, но сам навязываться не буду.

И действительно, инициатива исходила не от него — но и не от Торунского университета, как-никак его alma mater, — а от варшавских научных кругов, сосредоточенных в Астрономическом центре Польской Академии наук. Рассказывает профессор Войцех Дембовский из Варшавского университета.

— Мы встретились в Принстоне в начале 1992 г., вскоре после его знаменитого открытия. Мы много гуляли и разговаривали. Я подсказал ему мысль вернуться в Польшу — чтобы оживить научную жизнь.

Он приехал бы в качестве великого первооткрывателя, прочитал бы несколько лекций, дал интервью журналистам. Так и произошло. Торунские астрономы поначалу присматривались со стороны.

Отчего? Вот как это объясняет профессор Дембовский:

— Дело в том, что он в сущности был нездешний. Еще в 1978 г. он ушел из университета в Астрономический центр ПАН. Почему ушел? Он иначе понимал занятие астрономией. В Торунском университете было важнее не совершать открытия (а именно это и является сутью научных исследований), а конструировать аппаратуру и вести кропотливые наблюдения. А в ПАН царила творческая свобода. Не было преподавания, дежурств, рутинных работ на аппаратуре, то есть как раз того, чего Вольщан совершенно справедливо избегал. Он выбрал свободу.

— Только когда они увидели, что вернулся более или менее тот же самый человек, которого они знали, сдержанность исчезла, — говорит профессор Вольщан.

Он стал профессором «на договоре». В течение трех лет он приезжал в Торунь раз в год примерно на две недели. В 1996 г. ему предложили занять должность директора здешнего Астрономического центра, который, чтобы упрочить позиции астрономов (по инициативе самого Вольщана), должен был объединить кафедры в Торунь и Пивницах.

Говорит профессор Франтишек Розпдох, декан факультета физики, астрономии и прикладной информатики Торунского университета:

— Мы хотели более эффективно использовать его научный потенциал и общие возможности. И в значительной степени нам это удалось. Благодаря ему была создана «пульсарная машина» — электронная система для обработки результатов наблюдений пульсаров. Он заразил молодых ученых интересом к пульсарам, а к своим наблюдательным исследованиям подключил наших теоретиков. Возрос интерес к астрономии. Он прекрасно ведет занятия. Студенты его обожают. Он умеет привлекать таланты.

Говорит Войцех Левандовский, аспирант:

— Я был на втором курсе. После одной из лекций мне и моей сокурснице Малгосе Прушинской сказали, что профессор ищет молодых способных студентов и чтобы мы к нему обратились. Первую беседу я не запомнил — так волновался. Должно быть, впечатление на него мы произвели неплохое — он стал руководителем наших дипломных работ, а затем и диссертаций. Трудно переоценить важность этого знакомства. Больше года я провел на стипендии в университете штата Пенсильвания, участвовал в нескольких международ-

ных конференциях, познакомился с интересными людьми, вел наблюдения в Аресибо. Теперь у меня есть шанс провести несколько лет на так называемом последипломном научном стаже.

Мацей Конацкий, уже защитивший диссертацию:

— Он искал студентов, готовых полностью посвятить себя научной работе, так что разговор был короткий. Что это дало мне лично? Я неоднократно бывал в США, в том числе как стипендиат стипендии Фулбрайта. Я получил доступ к лучшим радиотелескопам и возможность публиковать результаты исследований, проведенных на самом высоком уровне. Я получил последипломный стаж в лучшем американском высшем учебном заведении — Калифорнийском технологическом институте.

Но если все шло так хорошо, то почему же профессор перестал быть директором? И почему он сам говорит об этом «слава Богу»?

— Концепция моего «директорства» была не доработана до конца. Я думал, что речь идет о том, чтобы вывести обсерваторию «в дальнее плавание», завязать контакты и сотрудничество с зарубежными научными центрами и обсерваториями. А университет ожидал от меня, что я буду заниматься практическим руководством. Но я был по ту сторону океана и не мог принимать повседневные решения, как, например, сегодня постричь газон или завтра. Когда я приезжал, у меня на столе лежала гора бумаг, и часто я сам не знал, что подписываю. С этой точки зрения все это не имело смысла. Когда я решил, что основные цели достигнуты, я подал в отставку.

Говорит декан Розпдох:

— В отношении науки все шло на 120%, но вот административная деятельность на расстоянии действительно не получалась. Он думал, что это бюрократические издержки, а потом оказалось, что и зарплата здесь не такая.

Профессор Дембовский:

— В этом была определенная наивность, хотя намерения были вполне верными. Вольщан знал, что в Польше нет условий для проведения серьезных наблюдений. Но он хотел создать такой центр, вокруг которого группировались бы исследователи, теоретики, чтобы анализировать и интерпретировать результаты, полученные на других телескопах. Вот этого-то и не случилось. А жаль.

А вот как сам профессор подводит итог своему «польскому периоду»:

— Я приехал с программой перемен, которую мне частично удалось осуществить. Однако неко-

торые начинания тормозились или вообще застревали намертво. Пример: система оценки сотрудников по-американски. Там это детально разработанная система, а от самой оценки зависит очень многое, в особенности повышение зарплаты: кто-то получает прибавку, компенсирующую инфляцию, кто-то — намного больше, а кто-то — даже меньше. Диапазон заработной платы чрезвычайно широк, а сама она сильно зависит от того, кто умеет делать и как это у него получается. Я хотел, чтобы и здесь выше оценивать тех, кто дает результаты, а ниже — тех, кого нет на работе, потому что у них есть еще дополнительные «подставки» в разных местах и они занимаются чем-то другим. Мое предложение вроде бы было принято, но потом все как-то расплзлось, а я не сопротивлялся, поняв, что это было бы покушением на всю существующую систему, которое бы мало что дало.

Случались и замечания: «Здесь вам не Америка», и высказывания в том смысле, что с некоторыми своими идеями он заходит слишком далеко, потому что живет в иной действительности и не слишком хорошо себе представляет здешние реалии. Профессор признаётся:

— Да, я ошибся, полагая, что тамошние образцы можно просто перенести сюда. Но, по-моему, больше вреда приносит сопротивление переменам, всему новому, смешанное с завистью и недоброжелательным отношением к тем, кто чего-то достиг за границей, а потом приезжает сюда и начинает «умничать». Все это крайне неприятно, потому что в других странах такого нет.

Так что же — разочарование?

— Нет. Я знал, что будет трудно. А было все, может, даже немножко лучше, чем я предполагал...

...я внезапно просыпаюсь, болезненно расплещенный на гостиничной койке силой земной гравитации. За утренним кофе я вспоминаю свою космическую свободу, которая так легко достигается во сне и так недоступна наяву.

Так что сейчас он «только» университетский профессор.

— Не только. Хоть он и перестал быть директором, но остается председателем Международного астрономического совета торунского центра. Он прекрасно его организовал и великолепно ведет работу, — говорит декан Розплог.

Уже в течение года он помогает создать с нуля астрономическое отделение в Щецинском университете. Он приезжает в Польшу несколько раз в год.

Я спрашиваю, какое место занимает Польша в мировой астрономии.

Довольно далекое. Быть может, где-то в первой двадцатке — из 50-70 стран, если включать сюда те, где есть хотя бы один астроном. Разумеется, это вопрос инструментов, возможностей, денег, уровня образования. Но возьмем хотя бы Голландию: оптических телескопов там вообще нет, зато упор делается на радиоастрономию. Благодаря деятельности в рамках европейских структур, хорошей организации и отбору талантов эта небольшая страна стала первостепенной мировой величиной в области астрофизики и астрономии. Так что все возможно. Несмотря ни на что, я оптимистически оцениваю шансы Польши в этом отношении, потому что у нас множество специалистов очень высокого класса.

Скоро и их положение улучшится. И тоже благодаря профессору Вольщану.

— Несколько лет назад, разговаривая в университетском коридоре с коллегой — автором проекта телескопа Хобби-Эберли в Остине (Техас), одного из крупнейших в мире, — я узнал, что ЮАР хочет построить у себя его копию. Они ищут партнеров и недостающее финансирование. Я подумал: это большой современный инструмент, к тому же он в несколько раз дешевле, чем другие подобного класса. Быть может, и нам удастся включиться в этот проект?

И действительно удалось. Государственный комитет по научным исследованиям ассигновал на эту цель 2,5 млн. долларов. Взамен за это финансовое участие в расходах на строительство Большого южноафриканского телескопа (SALT), Польша получит в свое распоряжение 10% времени, отведенного на наблюдения. Радуйся, будущий Коперник!

Вопрос вроде бы вполне законный: зачем профессору Вольщану, ученому с мировым именем и положением, все эти проблемы, которые порождает польская гравитация? Ну что ж, причина все та же: желание открывать новое, еще неизвестное. А тут столько неизвестного...

RZECZPOSPOLITA

Лешек Шаруга

НА НИЧЬЕЙ СТОРОНЕ

Так называется второй сборник стихов **Иоланты Стефко** (1971 г.р.) — и похоже, что именно эти слова полнее всего характеризуют молодое поэтическое поколение, к которому принадлежат представляемые в этом номере «Новой Польши» поэтессы. Будто мир начинается с нуля, будто ничего не надо выбирать, ибо все равноценно, все традиции принимаются «со всеми вытекающими последствиями», вместе со всем, что их отягощает, но и с тем, что составляет их неотторжимую ценность. Выбор когда-нибудь, конечно, будет сделан, но уже не между — как в художественном, так и во внехудожественном аспекте — ныне существующими вариантами. «На ничьей стороне» — лозунг независимости, доверия к своей фантазии, доверчивости к миру, но доверчивость эта опирается на веру в свое восприятие, а не в чужие, навязанные извне, готовые формулировки. Потому-то в стихотворении **Агнешки Кутяк** (1970 г.р.) «Из Эмили Дикинсон» мы прочтем:

*Я емь Никто. А Ты — кто Ты?
И Ты Никто еси?
Войдем ли в мира черновик
одной строкой, в одни стихи?*

Мир этой поэзии открыт новому опыту, но в то же время это мир интимных истин, творящихся в непосредственном диалоге двух людей, как в стихотворении «один» **Марии Подгурник** (1979 г.р.):

*оказалось, можно дорасти или по крайней мере
дорасти кой до чего, незаметно выводы извлечь
и, извлекиши, положить на бумагу, эх, из почтового набора*

Важной здесь представляется эта интимность, это отчуждение от всякой официальности. Так выглядит и лирика ровесников поэтессы — **Кшиштофа Сивчика** или **Клары Новаковской** (оба они, кстати, как и Подгурник, лауреаты ежегодного конкурса на поэтический дебют им. Яцека Березина, проводимого в Лодзи, но имеющего общенациональное значение). Для этой поэзии мир, который она застала, — некая внеисторическая очевидность; она часто обращается к вездесущей массовой культуре и блочным домам, вырастающим из городского пейзажа, но в центр своих поисков ставит вопрос самосознания. И как раз в этом формулировка «на ничьей стороне» кажется особенно плодотворной. Открытым продолжает оставаться вопрос, принимать ли на свои плечи ответственность за мир и за себя. Одной отчужденностью и иронией не скрыть того, что называют иногда «болью существования» и что выразилось в другом стихотворении Подгурник:

*отдавай свое тело сосуд печали
тело безвольное неутомимое
любой его грех излученье печали
и эти строки печаль диктовала*

Конечно, в этой лирике есть чувство сращения литературы и жизни, а в стихах, написанных женщинами, проявляется отождествление тела и текста записываемого стихотворения. Но даже с учетом этого трудно было бы признать эти стихи демонстрацией феминистского подхода. Именно потому, что они не хотят быть и «на этой стороне». На базаре идей, в громыхании высказываний от первого лица множественного числа эта поэзия все время стремится уберечь свое «я». Сосредоточенная на личности автора и в то же время открытая к каждому входящему с ней в диалог «ты». Пожалуй, эту диалогичность и можно считать основной чертой лирики поэтов, родившихся в 70-е, лирики, продолжающей вести поиски и одновременно почти программно чуждающейся готовых формулировок.

Перевод
Наталии Астафьевой

ТРИ МОЛОДЫЕ ПОЭТЕССЫ. СТИХОТВОРЕНИЯ

АГНЕСКА КУТЯК

БОЯРЫШНИК

Отец порой любил нас брать с собою
кататься на коньках. Пруд, льдом покрытый,
застыл, как Стикс, в стекло воды с любовью
стишок стучался для косуй сердитых.

Коньки, кружась, уверенно кроили
белое мясо льда, как нож свинину
по карточкам, хрясь — лопались пискливо
хрящики света, жилки водяные.

Неслись мы, сердце в нас хотело биться,
в нас, резавших так страстно шкуру мира,
будто коньки пером писали быстрым
и был не лед, а белый лист под ними.

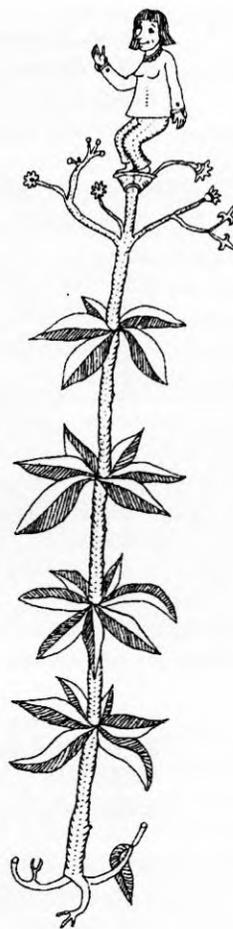
И даже наша тень (тень — это стигма)
тоже хотела резать свет нездешний,
свет подо льдом, в котором рыба стыла,
в воде маяча, как в земле умерший.

Едва дыша, дыханий дым туманный
неся с собой, мы шли на берег близкий,
боярышника ягоды, как мамку,
сосали мы, зимы сухие сиськи

(теперь они — как выловленный в Лете
Протей, который ускользнет нам снова,
если передержать во рту, как эти
плоды, веря тому, что вкус — смысл слова;

что гладь строфы мороз железно держит,
удочку в прорубь опускает память,
и, как к полизанной зимою двери,
язык наш к миру насмерть примерзает).

1994

МЯСО

Слова! плююсь я вами, как костями
обглоданными, шлю на покаянье

туда, где нам дают за наши вины
наш килограмм говядины-свинины,

где наш мясник-красавец рубит мясо,
рубит умело, улыбаясь мягко,

топор увязнет в мясе, хрустнет хрящик,
по пятницам кто ищет, тот обрящет.

Лежат там почки, печень, жил сплетенья,
лежат мозги, но только не сомненья.

И женщины стоят в стыде и в сраме,
будто раздетые лежат здесь сами.

Такая тишь, такая сонность в мире,
как если б взвешивал сердца Озирис,

как если б на закланье гнать скотину,
или отправить к психиатру сына,

или в интимности лежать столь низкой,
как ломти мяса под ножом в мясницкой.

1999

Предмет моей любви ценит мое искусство,
ему я нравлюсь в ожерельях строчек,
в звонких колокольчиках концовок.
Он ласкает мягкими губами все округлости моих слов.

Для него от моего мастерства
отказалась бы я, не колеблясь.
И где-то должна я его провести.

ЙОЛАНТА СТЕФКО

ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ

Девочка со Спичками искала
искала долго
Искала что она могла бы
поджечь. Не поджечь ли стог сена
сено легко горит
пусть голодают коровы она не любила
коров.

Не поджечь ли ей у людей дом маленький дом чужих людей все люди чужие.

Не поджечь ли ей лес большой как
ее страх она боялась давно
боялась всегда боялась
пусть сгорит лес пусть
сгорят его злые обитатели пусть сгорят
четвероногие двуногие безногие пусть сгорят
жуки и золотые пчелы
пусть сгорит лес злой лес
ЗЛОЙ КАК ЦЕЛЫЙ МИР

И тогда она подожгла мир
И мир сгорел
И не было мира злого мира

она сосчитала спички (что бы еще
сжечь)
(не сжечь ли себя)
(сжечь)

Я говорю с камнем и камень мне отвечает
Холодно равнодушно — как если б он был человеком

25.VI 94

ПУСТЫННИК

Бог, Бог.
Это рана а я
Слежу чтобы она не
Заживала.

МАРТА ПОДГУРНИК

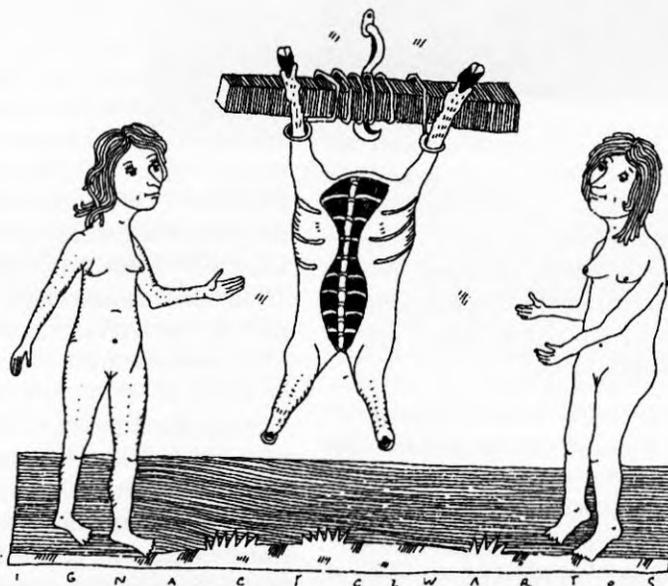
ДВА АДРЕСАТА

(СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ АНТОЛОГИИ «TRIBUTE TO JAMES BOND»*)

порой есть только ты порой есть также
слова на бумаге бумажные мысли
обычно вскоре ты исчезаешь порой ты снишься благопристойно в бумажных снах

мир — как твоя кожа шершавый соленый горький
или плоский как бумага или нет ничего
я хотела бы чтобы был только ты но порой есть также
мир он любит доказывать что всегда прав

мир ускользает из мыслей а ты из глаз из рук
стало быть разница есть позволь мне боже
не кощунствовать я ведь такая какой ты меня создал
ставя мне на пути этот мир, это слишком мало

*«Tribute to James Bond»(англ.) — «Дань Джеймсу Бонду»

Збигнев Флорчак

БОГОМАЗ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Летом 2001 г. в Музее изобразительных искусств им. Пушкина состоялась большая выставка икон Ежи Новосельского. В снятой на выставке телевизионной записи Новосельский говорит: «Наша цивилизация основана на порче. Теперь все испорчено». Это его главная отправная точка. Философская посылка его творчества — противостояние цивилизации порчи.

О выдающихся художниках, может быть, и легче писать, чем о средних, потому что они заметны издали. Но в любом случае сталкиваешься с семантическими трудностями, ибо слово по своей природе плохо прилегает к области форм и красок. Через год после начала войны между СССР и Германией 19-летний Новосельский оказался во Львове, где его захватила и на всю жизнь ознаменовала безмерность собранных там икон. Он думал уйти в монастырь. Потом вернулся в Краков, где, несмотря на оккупацию, вовсю развивалось амбициозное искусство, одержимое поисками со-

временности и позднее положившее начало «Группе молодых художников» во главе с авангардистами Тадеушем Кантором и Марией Яремой. Молодые противостояли колористическим традициям капистов*, в то время задававших тон в польской живописи. Они не хотели копировать действительность, их влекла конкретность и публичность живописного действия. Критик Мечислав Порембский, связанный с этими кругами, позднее сделал весьма интересное замечание: «Когда в живописи становится тесно, стоит осознать, что настоящий смысл живописи всегда *вне живописи*, что всякая живопись означает заново раскрыть окна».

Этих окон и отражений в самом буквальном смысле на картинах Новосельского изначально много. Это символы неслучайные. Окна открываются на другие картины, через них видны трамвай или прохожий; поблекшие зеркала отражают тени предметов. Он писал много и непрерывно, громоздил картины одну на другую или одну рядом с другой, словно высматривал продолжение. В 1968 г. он писал: «Как нет двух совершенно одинаковых икон (классическая икона не знает понятия копии), так полным художественным явлением может стать и становится лишь тематический комплект икон». Надо сразу сказать, что Новосельский не только пишет картины и иконы, но и нередко высказывается о своем искусстве. В новейшем искусстве, т.е. искусстве по крайней мере всего последнего века, изъяснение своего творчества стало не только насущной потребностью, но и модой, вошло в состав искусства как производства. Обычно, чтобы читать такие вещи, нужно запастись ангельским терпением. Новосельский же принадлежит к тем немногим, кто, любя публично исповедоваться, делает это интересно. Если он выступает, то всегда принципиально.

* Каписты — польские художники, работавшие в 20-е гг. в Париже и создавшие группу «Парижский комитет» (по-польски «Komitet paryski» — ка-пэ).

Так было в беседе с Ежи Стаюдой во «Вспулчечности» (1966). В его собственном эссе «Между Каабой и Парфеноном» («Знак», 1968). В очерке «Вокруг иконы» («Пакс», 1985). Наконец, в работе «Об ином характере православия» (Белосток, 1998), где есть глава под знаменательным названием «Не знаю». Можем ли мы сократовское «не знаю» считать высшей точкой размышлений художника? Живописец — не обязательно достоверный комментатор своего искусства. А уж если кто-то занимается таким комментированием, то, возможно, делает это тем любопытнее, чем больше путает следы.

В этой живописи, вполне предметной, важную роль сыграла абстракция. Еще будучи ассистентом Кантора, Новосельский производил «анализ пространственных структур». Он много раз подчеркивал значение абстракционизма не только в построении картины, но и в философском смысле. «Тот, кто восприимчив к ценностям «надматериального» порядка, ощущает, что абстрактное искусство создает возможности контакта с «духовными величинами» и духовной действительностью не по нашей мерке». В течение нескольких десятилетий спрос на иконы у нас был неисчерпаемым. Каждый ехал, скажем, в Болгарию и привозил оттуда иконы. мода, хотя куда более благородная, чем большинство мод. Ничего общего с этим не имела иконопись Новосельского. Это была страсть, призвание, родившееся давным-давно, еще во время оккупации. Призвание, возникшее без постороннего влияния, хотя следовало бы вспомнить Леона Хвистека, наряду с Виткацием самого интересного теоретика искусства, который еще в 30-е гг. восхищался во Львове иконой и подчеркивал свежесть искусства, идущего от воображения, такого, как детские рисунки. Новосельского поразила смысловая гибкость иконы; одному из критиков он однажды сказал, что в некоторых произведениях т.н. Ренессанса Палеологов могло бы обнаружиться что угодно, хоть автобус. Укрепленный этой соблазнительной и, пожалуй, опасной

посылкой, Новосельский целиком погрузился в иконные клейма, в технику иконы, символическую по своей природе. Условная игра линий, радикальный синтез форм, внутренний свет, излучаемый и темной поверхностью, впитывают любую форму, превращая ее в знак.

И он включил в икону мирские мотивы. Инкорпорировал в нее принципы абстракционизма и в то же время, еще с самого начала своего пути, сопоставил икону с обнаженной натурой, причем в полном смысле слова. «Когда я пишу икону, я не отказываюсь ни от каких полномочий этой темы. Я пытаюсь довести человека — его одухотворенную плоть даже в самых ее опасных аспектах — до мира чистой радости». Так же поступал он и с портретом, хотя его портреты — не описание индивидуальных отличий, а интерес к инаковости, заходящий так далеко, что художник замазывает лица портретируемых. Другой примеркой стало его обращение к сюрреализму, провокационно соединявшееся с верованиями и обрядами хлыстов. Теоретический текст на эту тему, «Сюрреализм и хлысты», он опубликовал в конце 60-х. Забытая секта хлы-

стов опиралась на экстремальные послышки, например, идеал харизматической общины они подвергали опыту свального греха. Новосельский подводит итоги: «Как сюрреализм создал опыт «неосвоенного» искусства и «неосвоенной» красоты, странной, опасной и непредсказуемой, так и хлысты создали опыт «неосвоенной» Церкви и «неосвоенного» богословия. Опыт, в наше время очень важный для Церкви, которая в значительной степени приобрела филистерский характер, для филистерской морали и искусства, для филистерской экклесиологии, которая множество вещей хочет запихнуть в один мешок, лишь бы спасти этот старый мешок». Сказано беспардонно, но похоже, что Церковь — ни православная, ни католическая — на эти слова не обиделась.

На мой взгляд, ни красоту, ни значение творчества Новосельского не удастся правильно оце-

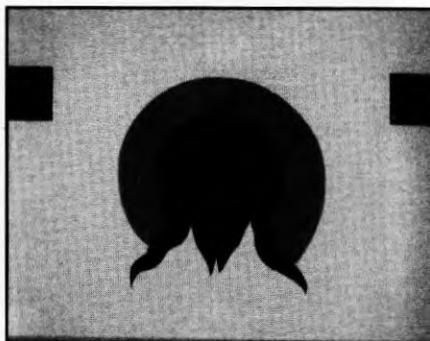

нить без доли скептицизма. Такая примесь всегда дает очистительные результаты и весьма пригодна в отношении к изначально трудным вопросам, а Новосельский — со своей количественно огромной живописью и постоянно ей сопутствующими и периодически публикуемыми теоретическими размышлениями — и есть такой трудный вопрос. Об этом нельзя говорить в окончательных терминах и категориях, что нанесло бы даже своего рода ущерб этому труду, прикрытому различными многозначностями. Не думаю, что каждое мнение Новосельского о его собственном творчестве нужно принимать буквально. Все, что он уже сделал, все то множество картин, которые он написал и выставлял, создают весьма широкий контекст, которым он окружил себя словно густым бором. В темноте этой чаши трудно найти прямолинейный смысл. Впрочем, таковой стал бы катастрофой для любого художника.

В этом убеждает хотя бы его беглая биография. Еще во время оккупации, в 19 лет, он пишет иконы в монастыре под Львовом. В 1945-1947 гг. получает в Кракове формальное художественное образование. Через 15 лет возвращается в ту же Академию профессоров. Принимает участие почти в сотне коллективных выставок в Польше и за границей. В любой уважающей себя галерее можно найти работы Новосельского. Он создал несколько десятков фресок в церквях и костелах. В Белом Бору воздвигнута православная церковь по его проекту. Кавалер ордена св. Марии Магdalины (высшая награда Православной Церкви в Польше), доктор *honoris causa* Ягеллонского университета, в 2001 г. он получил главную католическую награду — премию «Фонда творчества нового тысячелетия». Я не нашел данных о числе написанных им произведений — их, наверное, сотни... В такой чаще живет, должно быть, славно, но нелегко. А говорить о себе — еще не легче. Три года назад Новосельский протестовал против того, чтобы его называли иконописцем. «Я испытываю глубокое отвращение к тому, чтобы мою живопись сводили к этому единственному опыту. Я хочу быть просто художником — как таковым. А если

картинам хорошо в церквях и костелах, так еще лучше. Можно ли произвольно преобразовать действительность в нашем воображении и давать запись этого преобразования, в чем, собственно, и состоит спасение для живописи? Можно...»

Это не слишком ясно — но тем лучше. Как в сосновый лес, в типичный лесной сумрак, входил я на его большую ретроспективную выставку, проходившую в октябре-ноябре 2001 г. в прекрасном здании варшавского Музея им. Ксаверия Дуниковского. Экспонаты включают и более раннее творчество: тематика взята из окружающей жизни — ню, пейзажи и абстракции в явном меньшинстве. Несмотря на вышеупомянутые протесты, Новосельского экспонировали прежде всего как создателя икон и фресок. Поэтому в нескольких высоких залах мы видим иконы разного формата. Самые большие — это репродукции храмовых фресок. Эта живопись довольно легко поддается репродукции: гладкие композиции, отчетливо покрытые красками с почти незаметной фактурой. Но не стоит считать, что фактура тут не имеет значения: именно от этой скользкой поверхности отражается свет! Фрески вставлены в соответствующих размеров кассеты излюбленного Новосельским глубокого

темно-серого цвета. Взгляд привлекают монументальные кресты, написанные, как иконы в иконостасе. Дерево, фанера, стена служат им основанием. Иногда фреска положена на доски, что обнаруживает ее многослойность. Еще выставлены хоругви и униатские плащаницы. Выставку организовала Славянская галерея при краковском православном приходе, по ее поручению некоторые работы (например, кассеты) выполнили Ян Павлицкий и Михал Богуцкий. Хранитель Музея им. Дуниковского — Казимеж Пётровский.

Лес икон. Перечень их не сыграет роли проводника. Распятие, Матерь Божия со святыми, мандилия (икона с ликом Христа), Христос Вседержитель из краковской церкви Всех Святых, Богоматерь с Младенцем из римско-католической церкви в Весолой под Варшавой... Картина «Villa dei misterii», на которой изображены женщины в

неопределенном пространстве, дала название всей выставке. В некоторых случаях очень светлые молочные тона сопоставлены с глубоким темно-серым, почти черным. Однако преобладают композиции в темной тональности.

Обязан ли зритель, входя в этот вертоград священного, разделять веру Новосельского? Можно ли считать это условием *sine qua non*, чтобы понять выставку и почерпнуть из ее очевидной красоты? Если принимать всерьез многочисленные высказывания художника о его вере и всю их настоятельность, то такого рода вопрос становится принципиальным. В заметках «Иного мира не будет» (2000) он заявляет, что «исповедует Христа и уверен, что Христос внутри его продиктует ему, какова сейчас должна быть религия». Он повторял это исповедание веры неоднократно. Может, где-нибудь на фронте выставки надо было поместить предупреждение, что неверующим здесь нечего делать?

Это, разумеется, было бы абсурдно. Если бы Новосельский исходил из такой посылки, он не участвовал бы в вышеупомянутой сотне выставок. Сам художник и все организаторы показов его творчества несомненно смирились с тем, что тысячи зрителей воспринимали и будут их воспринимать не как причастие, а в совершенно мирском смысле. То есть с помощью того, что обычно называют эстетическим чувством. Это инструмент вместительный и высокочувствительный, как фотопленка. Он воспринимает ту красоту, которую древние греки называли *kalon*, а римляне — *pulchrum*. Платон широко использовал это поня-

тие. В знаменитом фрагменте «Пира» в идею красоты он включал и идею добра. Философы классической Греции самой истинной красотой считали красоту духовную, нравственную красоту характера, умственную красоту мысли. И можно не сомневаться: в эти рамки влезет и живопись Новосельского со всеми ее тончайшими толкованиями. Я испытал на выставке радость для глаза. Поддержу свое мнение далеко не последним авторитетом.

«Хочу, однако, остановиться у одной картины, которая в моем представлении среди выставленных экспонатов современного искусства занимает совершенно особое место. Речь идет о большом полотне Ежи Новосельского «Villa dei misteri». Это полотно — пожалуй, одно из самых больших в зале — изображает странный интерьер, почти геометрическую абстракцию, в белых, серых и красных цветах с замечательным использованием живописной поверхности, кристально детализированной, с несколькими намеками, краешками женского тела, которые мы видим за полуоткрытой дверью, в зеркале или в окне. Своим сиянием и счастливой гармонией эта картина освобождает противостоит всему духу этой выставки».

Это писал Юзеф Чапский в 1977 г. о выставке «Романтизм и романтичность в польском искусстве», проходившей в парижском Гран-Пале. Я рад, что мои рассуждения о Новосельском мне удалось припечатать цитатой из Чапского. На его сочинениях я учился мыслить об искусстве.

Текст иллюстрирован фрагментами декоративных полихромий Ежи Новосельского в православных, униатских и католических храмах

Гжегож Пшебинда

НАД РЕКОЙ ВИШЕРОЙ

Новый том Шаламова по-польски

В Польше 80-х Шаламов принадлежал к русским «культовым писателям», в число которых из литературы XX века входили Михаил Булгаков, Осип Мандельштам, Михаил Зощенко, Иосиф Бродский, Александр Солженицын, Венедикт Ерофеев, Андрей Платонов (а несколько раньше — Исаак Бабель). Его «Колымские рассказы» начали переводить и издавать в польском сам- и тамиздате сразу после выхода их второго издания в Париже (изд. ИМКА-Пресс, 1982). Отдельные произведения Шаламова печатал по-польски лондонский эмигрантский журнал «Пульс» (в том числе «Ягодь», «Калигулу», «Кражу», «Детские картинки»). Отдельной книгой рассказы вышли в подпольном издательстве «Рота» (кроме вышеназванных, туда вошли еще, в частности, «По снегу», «Артист лопать», «РУР», «Сентенция», «Прокуратор Иудеи», «Сука Тамара», «Заговор юристов», «Первая смерть»).

Сразу после смерти Шаламова (январь 1982) Густав Херлинг-Грудзинский написал и напечатал в парижской «Культуре» (в составе своего «Ночного дневника») рассказ, озаглавленный «Пятно. Последний колымский рассказ», где стремился постичь глубинный смысл жизни Шаламова и его творчества, самую суть страданий писателя на Колыме и его смерти в психиатрической больнице московского предместья: «Не было в его рассказах ни одного лишнего слова, не было слова, которого он долго и с подозрением не взвешивал бы на заскоружлой ладони лагерника. Он не заботился о судьбе своих рассказов, и тем не менее разными путями они прорывались в мир. (...) Он стал величайшим исследователем, картографом, летописцем неизвестного архипелага, ада, уготованного людям людьми».

Херлинг-Грудзинский однажды рассказал, каким образом с середины 80-х осуществлялись все новые польские переводы и публикации автора «Колымских рассказов»:

«Мы в «Культуре», открыв Шаламова, хотели сразу представить его нашим читателям и обращались к самым разным людям за пробами перевода... Однажды в Париж из Гданьска приехал один польский инженер, выслушал несколько рассказов в нашем переводе и объявил, что поможет нам, найдет нужного человека. Так оно и стало. Польское издание под редакцией Михаила Геллера вышло в Гданьске в 1991 г., вместо послесловия в нем был напечатан мой рассказ «Пятно». Произошло нечто чрезвычайное: инженер из Гданьска нашел знакомого, который вовсе не был писателем, можно прямо сказать, никогда не брал пера в руки, зато провел десять лет в советских концлагерях. Прочитав его перевод, я воскликнул: «Это оно и есть!» Может быть, там были отдельные ошибки, но это не имело значения. Инженер провел над этими тремя томами несколько лет и сумел передать жаргон, обстоятельность, детали, которые знал лишь человек, побывавший в лагере, ибо здесь необходима особая атмосфера, особый ритм прозы. (...) В этой прозе господствует атмосфера, уникально соединяющая аналитический реализм с несказанным кошмаром. Кошмар жизни в лагере становится частью реалистического описания будней и полностью его пронизывает. Кажется, будто писатель просто описывает действительность, но при этом так, словно рассказывает сон — или, лучше сказать, кошмарный сон. Это вопрос слуха: тот, кто не был в лагере, не справлялся с такой задачей, что-то на вид ничтожное ускользало, улетучивалось».

Польский переводчик Шаламова, о котором упомянул Херлинг-Грудзинский, — это старый лагерник, инженер Юлиуш Бачинский, в переводе которого гданьское издательство «Атекст» выпустило в 1991 г. три тома «Колымских рассказов» («Первая смерть», «Артист лопать», «Левый берег») с предисловием Михаила Геллера, взятым из первого русского издания (Лондон, 1978). В том же году варшавское издательство «Читальник» выпустило сборник «„Прокуратор Иудеи“ и другие произведения», куда были выборочно включены циклы «Колымские рассказы» и «Воскрешение лиственниц», а также пьеса «Анна Ивановна» (составитель Лех Будрецкий, переводчики Мария Котовская, Збигнев Подгужец и Адам Поморский).

В 1996 г. два гданьских издательства, вышеупомянутый «Атекст» и «Марабут», выпустили — опять в переводе Юлиуша Бачинского — новый сборник Шаламова «Без возврата». Заглавие отсылает к роковому предсказанию одного лагерного лейтенанта, который объявил энкам по пути на Колыму, что для них возврата нет. В сборник вошли воспоминания «Четвертая Вологда» и первый, еще не полный вариант «Вишерь». Книга была издана в серии «Перышко», в которой до того вышли, например, «Ирландский дневник» Генриха Белля, «Крушение» и «Обещание» Фридриха Дюренматта, «Строительство Китайской стены» Франца Кафки, «Страсти» и «При-

видение» Исаака Башевиса Зингера, «Икар» и «Остров» Яна Юзефа Щепанского, «Список прелюбодеек» Ежи Пильха.

Варлам Шаламов, как известно, очень не любил прозу Хемингуэя, этого, по его выражению, «писателя-туриста», зрителя и наблюдателя, а не участника драмы жизни. Он подобен Орфею, который спустился в ад, а вернувшись — счел, что ему было дано познать суть ада... В противоположность Хемингуэю, представителем «новой прозы» Шаламов считает Сент-Экзюпери, первым открывшего людям воздушные просторы: он сумел описать не то, что «видел и слышал», но то, что сам пережил. В очерке «О прозе» (1965) Шаламов пишет: «Образец такого писателя-«туриста» — Хемингуэй, сколько бы он ни воевал в Мадриде. Можно воевать и жить активной жизнью и в то же время быть «вовне», все равно «над» или «в стороне». Новая проза отрицает этот принцип туризма. Писатель — не наблюдатель, не зритель, а участник драмы жизни, участник не в писательском обличье, а в писательской роли. Плутон, поднявшийся из ада, а не Орфей, спустившийся в ад. (...) Собственная кровь, собственная судьба — вот требование сегодняшней литературы».

Но создатель «Колымских рассказов» был прирожденным писателем вне зависимости от своего жизненного опыта. Однажды он выразил сожаление, что ему пришлось отдать все свои силы художественной обработке «лагерного материала». Он много раз повторял следующую мысль: «Автор считает лагеря отрицательным опытом для человека — отрицательным с первого до последнего часа и жалеет, что собственные силы вынужден направить на преодоление именно этого материала». Он показывает в своей прозе людей без биографии, без прошлого и будущего, уловленных в их настоящий момент — неизвестно, еще человеческий или уже скотский? Впрочем, как-то Шаламов сказал, что скот, должно быть, слеплен из более тонкой материи, чем человек: ни одно животное не вынесло бы того, что претерпели люди на Колыме... На вопрос, зачем он пишет лагерную прозу, он отвечал, что это не только его проклятие, но и долг и нравственный императив. Лишь в этом контексте можно понять его слова о том, что по сути дела «Колымские рассказы» — это преодоление зла и триумф добра.

Изданный в 2000 г. «Читальником» в серии «Нике» сборник очерков и рассказов «Вишера. Антироман» — это малоизвестный в Польше прозаический цикл, посвященный тюремно-лагерной судьбе Шаламова до августа 1937 г., т.е. еще до колымского ада. Это было шаламовское чистилище: в те годы он дважды попал в московскую Бутырскую тюрьму — в первый раз в феврале 1929 г. за распространение антисталинского «завещания Ленина», а повторно — в январе 37-го за «троцкизм». Главный корпус «Вишеры» — описание событий и человеческих судеб в лагере на Вишере, где Шаламов сидел в 1929-1931 гг.

Первый раз он попал в Бутырку молодым идеалистом, свято верившим в идеалы Ленина антисталинцем, еще недавно зачитывавшимся трудами о русских революционерах XIX века и горячо спорившим с сочинениями Мережковского, одного из главных представителей религиозного «богоискательства» начала XX века. Он еще на школьной скамье мечтал принести себя в жертву ради блага простого народа, будучи уверенным, что ему хватит духовного мужества, чтобы исполнить это воистину «великое дело». Однако прежде всего он желал обнаружить скрывающегося от рядовых людей «завещание Ленина»...

О своем полугорамесячном тюремном опыте он пишет, что в нем было нечто положительное: «Физические неудобства классического вида давно уже были для меня предлогом и поводом для душевного подъема. Этот подъем, который я почувствовал в Бутырской тюрьме за все полтора месяца одиночки, не был приподнятостью нервной, которую так часто ощущают при первом аресте. Подъем этот был ровен: я ощущал великое душевное спокойствие. Мне удалось найти ту форму жизни, которая очень проста и в своей простоте отточена опытом поколений русской интеллигенции. Русская интеллигенция без тюрьмы, без тюремного опыта — не вполне русская интеллигенция».

Весной 1929 г. через родную Вологду писатель прибыл в лагерь на уральской реке Вишере. Этот лагерь принес ему разочарования в товарищах, в неисполненных юношеских надеждах. Но не только это, ибо главное ощущение Шаламова после двух с половиной лет лагеря и каторжного труда на Урале состояло в том, что нравственно он сильнее других. Тогда он еще не знал Колымы, где физические и духовные муки сплетались в запутанный и неразрывный узел.

Шаламов сознательно конструировал свою вишерскую прозу как «антироман». Он был убежден, что после Колымы традиционный роман потерял право на существование. Люди, прошедшие через ад революции, войн и концлагерей, никогда не проявят ни малейшего интереса к литературному вымыслу и романтической декламации, не придут в восхищение от описаний природы и «развития характеров»... Автор «Колымских рассказов» органически не принимал эпической традиции Льва Толстого, даже иронизировал: лагерная тема так, мол, объемна, что может вместить «пять Толстых» и «сто Солженицыных». В своих рассказах и очерках (а по сути дела антироман «Вишера» — это цельный сборник таких очерков-документов) он стремился к предельной сжатости и соответст-

вию «оригиналу», т.е. тому, что он видел и пережил. Он сам говорил, что принадлежит к категории людей (описанных у Ремарка), которые при сигнале тревоги, вместо того чтобы бежать подальше от места происшествия, сразу мчатся туда... И отнюдь не зеваками — в людях Шаламов ценил умение глубоко переживать чужую беду, арест и лагерь. В трудных обстоятельствах он не щадил себя и бросался в огонь, чтобы спасти «чужое достояние».

«Вишеру» заключает очерк о повторном аресте (январь 1937) и втором пребывании в Бутырской тюрьме. В сравнении с 1929 г. здесь ничего не изменилось, по-прежнему работала тюремная библиотека, лучшая в Москве, не затронутая изъятием и уничтожением книг... В Бутырке Шаламов много читал, старался побольше запомнить, и только Колыма потом изгладил почти всё из его памяти... В «Вишере» он в одном месте тепло вспоминает Павла Кузнецова, в прошлом завсегда оперных и балетных спектаклей Большого театра, который в свободные минуты пропел ему целиком «Князя Игоря», «Сказание о невидимом граде Китеже», «Евгения Онегина». В этом своеобразном исполнении Шаламов и познакомился с оперой в бараках Вишерского лагеря... Писателю-агностик подобная роскошь, вероятно, как-то помогала сохранять достоинство в мире за колочей проволокой... Колыма была еще впереди.

Много интересного о Шаламове можно узнать из беседы Густава Херлинга-Грудзинского с двумя итальянскими славистами (Пьеро Синатти и Анной Рафетто), напечатанной в приложении к польскому изданию «Вишерь». Взять хоть такие слова Анны Рафетто: «Я не сказала бы, что Шаламов — атеист, он скорее агностик, до мозга костей пропитанный пантеистическим религиозным чувством, охватывающим все сотворенное, даже деревья, реки, скалы... такая религиозность, ни разу им не исповеданная и не признанная, лежит в основе всей его жизни и всего литературного творчества — стихов и прозы».

Кто-то, однако, справедливо удивился, почему в польском издании Шаламова напечатана беседа Херлинга-Грудзинского с итальянскими славистами о существовании творчества русского писателя? Издатель объясняет это читателю: «Беседа итальянских славистов Пьеро Синатти и Анны Рафетто с Густавом Херлингом-Грудзинским проходила 20 июня 1998 г. в кабинете писателя в Неаполе. Замыслом было положить ее в основу первого в Италии полного перевода «Колымских рассказов», важнейшего произведения Шаламова. Однако вскоре после того, как беседа была проведена и подготовлена к печати, издатель отказался от этой идеи. В конце концов беседу выпустили отдельной брошюрой неаполитанское издательство «Анкора» в 1999 году».

Но посвященные знают, что издательство «Эйнауди» попросту цензурировало свое (в конце концов не состоявшееся) издание Шаламова, видимо, поняв, что ему не нужна беседа, участники которой, комментируя творчество автора «Колымских рассказов», ставят знак равенства между коммунистическим и национал-социалистическим строем, Колымой и Освенцимом, Лениным-Сталиным и Гитлером. Херлинг-Грудзинский здесь, в частности, говорит, что для «левой интеллигенции коммунизм идет от эпохи Просвещения, от европейского рационализма», а значит, оценивается — прежде всего с учетом его «благих намерений» — положительно. «Я до сих пор помню, — говорит Херлинг-Грудзинский, — знаменитую полемику о советских лагерях между Сартром, человеком с большим самомнением, которому хотя бы поэтому не следовало бы лгать, и Камю. Сартр тогда произнес слова, потом многие годы повторявшиеся на все лады: не следует говорить о советских лагерях, чтобы «не разочаровать Бийанкур»*».

Я же вспоминаю, что говорила об этом Нина Берберова, недоумевавшая, как это западная интеллигенция так поздно открыла глаза на геноцид, проводившийся в СССР. Вера в то, что Советский Союз несет молодому послевоенному миру — а главное, левому искусству — обновление и невиданные перспективы, была на Западе сильнее любых колебаний и сомнений. В этой всеобщей апологетике иногда наступали короткие передышки — так было после убийства Троцкого, которое на некоторое время консолидировало Запад. Особенно потрясли европейскую интеллигенцию московские процессы 1937-1938 гг. и советско-германский договор о ненападении («пакт Молотова—Риббентропа»). И тем не менее еще в 60-е годы, как с горечью отмечает Берберова в книге «Курсив мой», Луи Арагон писал «Историю СССР» на основе сталинских материалов, а Жан-Поль Сартр в книге о драматурге Жене осуждал убитого Сталиным Николая Бухарина как изменника и врага народа. Берберова считала, что Сартра, хоть и одного из самых умных людей своего времени, эта бесчувственность довела до нравственного краха...

Таким образом, Шаламов по-прежнему остается актуальным — будем же читать его как предостережение от уклона на подобные пути.

■ **Варлам Шаламов. Вишера. Антироман. Пер. Юлиуша Бачинского. С прил. беседы с Г. Херлингом-Грудзинским о Шаламове. Варшава, «Чительник», 2000. — На польск. яз.**

Петр Мицнер

ДЕСЯТЬ МГНОВЕНИЙ «КУЛЬТУРЫ»

О «Культуре» можно говорить как о журнале, издательстве, как о центре политической мысли. Но, пожалуй, никто до сих пор не анализировал ее так, как сделал это Лешек Шаруга, — как единое целое, под которым стоят подписи всех, кто печатался в «Культуре», и, разумеется, самого Ежи Гедройца.

В какой-то момент Шаруга даже выдвигает тезис, согласно которому Гедройц, сам не ведя дневников, ощущал потребность в дневниковой форме и уговаривал писать дневники тех, кто в этом искусстве мог его заменить. Это были прежде всего Витольд Гомбрович, Ежи Стемповский и Густав Херлинг-Грудзинский. Несмотря на то, что в этих дневниках личность самих авторов всегда ощущалась весьма сильно, их объединяли те общие черты, которые Гедройц считал совершенно необходимыми: написанные в форме малых эссе, они были проникнуты заботой о польских делах и опирались на мощный реалистический фундамент.

Реализм — одно из ключевых слов, употребляемых Шаругой при описании «Культуры». С политической точки зрения, реализм — противоположность оппортунистической «Realpolitik». Исходя из этого реализма, следовало принять к сведению границы Польши после 1945 г., но не вытесняя из памяти огромную культуротворческую роль «кресов» [восточных окраин прежней Польши]. Еще одна категория, вытекавшая из характера самого Гедройца, — это антидогматизм, который никогда не был проявлением слабости.

Авторами «Культуры», как подчеркивает Шаруга, были люди с самыми разными взглядами и темпераментами, а одним из самых ценных достоинств главного редактора был разумный арбитраж. Эти люди были нужны. Не ему, а представлению о будущей, независимой Польше.

В десяти очерках «Пространства встречи» (очень удачное название) Лешек Шаруга пишет о литературе того круга, который образовался вокруг «Культуры», — больше всего о Густаве Херлинге-Грудзинском, Юзефе Лободовском, о свободе слова и художественной формы, которые в сфере духа предвещали политическую свободу страны. Автор справедливо отмечает, что именно через литературу, которую публиковал Гедройц, происходило сближение кругов эмиграции с соотечественниками. Вслед за этим шла политическая мысль. Шаруга polemизирует с теми, кто ценит лишь один аспект «Культуры» — либо политический, либо культурный.

Читатели «Новой Польши» уже знакомы с вошедшим в книгу отличным очерком о Юлиуше Мерошевском, одном из ближайших сотрудников Гедройца, публицисте, считавшем, что следует учитывать предстоящий распад СССР и планировать стратегию взаимодействия с русскими, украинцами, белорусами, литовцами. Тот же Мерошевский намного раньше, еще в 1954 г., начал говорить о необходимости по-новому взглянуть на Германию и немцев, освободившись от диктата недавнего прошлого. Шаруга пишет об этом в отдельной главе своей книги, посвященной немецкому вопросу на страницах «Культуры».

Одна из самых интересных глав «Пространства встречи» — заключительная, посвященная контактам с «Культурой» молодых поляков, родившихся уже в первое десятилетие после окончания войны. Автор приводит красноречивое высказывание Януша Андермана, который говорит о том, что он «свою страну изучал» по парижской «Культуре».

«Культура» давала этому поколению (впрочем, как и тем, кто был моложе их на 10-15 лет) возможность не только читать, но и публиковать свои тексты, отражавшие самые разные, иногда весьма спорные взгляды. Ибо тут велись дискуссии, споры и поиски. Говоря об этом, автор приводит мнение Адама Загаевского, для которого величайшим авторитетом среди причастных к «Культуре» был художник и писатель Юзеф Чапский, не побоявшийся даже на склоне своей долгой жизни признаться, что завеса тайны, которая окутывает все самое важное в жизни, остается для него «столь же непроницаемой, как во времена бурной, восторженной юности».

Каждая глава этой книги вносит какой-то важный элемент в непростое определение этого журнала, этого интеллектуального центра или, вернее сказать, того места на земле, которым была парижская «Культура». А может быть, это и есть те необходимые составляющие, из которых складывается определение каждой настоящей культуры.

Лешек Шаруга. «Пространство встречи. Очерки о парижской «Культуре»». Люблин, Общество опеки над архивом «Литературного института» в Париже — Изд. Ун-та им. Марии Кюри-Скловской, 2001. — На польск. яз.

Кшиштоф Бурнетко

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕТРАДИ»

ЭЛИТАРНЫЕ, НО ЧИТАЕМЫЕ

ZESZYTY
LITERACKIE

«Литературные тетради» («Зешиты литерацке») — доказательство трех чудес. Во-первых, можно в течение почти 20 лет издавать чрезвычайно элитарный журнал и не только не снизить уровень, но и не потерять читателей. Во-вторых, издание, возникшее в эмиграции, можно успешно перенести на родину. А третье чудо состоит в том, что на свободном рынке, несмотря на слухи о его беспощадности, всегда находятся меценаты высокой культуры, в принципе недоходной.

Была середина 1982 года. Прошло всего несколько месяцев со времени введения в Польшу военного положения, и казалось, что партийно-военная команда генерала Ярузельского еще долго будет у власти. В этой ситуации группа новоиспеченных эмигрантов (большинство из которых нашло себе убежище в Париже) решила, что оставшимся на родине читателям с высокими интеллектуальными и художественными запросами необходимо обеспечить доступ к культуре, создаваемой за пределами Польши: как поляками, так и, на что должен был делаться особый упор, эмигрантами из других стран восточного блока, а также выдающимися мастерами из стран свободного мира. Средст-

вом для этого должен был стать серьезный журнал, посвященный культуре, редактируемый и издаваемый на Западе, но в то же время полностью перепечатаваемый и распространяемый в Польше. Речь шла не только о соединении воедино интеллектуальной жизни в стране и в эмиграции, но и о сближении польской культуры со всем миром; целью было также установить стандарты образцового польского литературного творчества. Поэтому много места отводилось произведениям авторов из Польши.

Первый номер «Литературных тетрадей» — так назвали журнал — появился в январе 1983 года. Вместо вступления он открывался поэ-

мой Станислава Баранчака, одного из самых видных современных польских поэтов, под знаменательным названием «Восстановление порядка», и эссе Евы Беньковской под столь же красноречивым заголовком «Народ» (оба автора входили в состав редакции «Тетрадей»). Военному положению было посвящено также стихотворение Натальи Горбаневской в изумительном переводе Станислава Баранчака. О профиле и уровне журнала свидетельствовало присутствие таких авторов, как Иосиф Бродский или Томас Венцлова (впоследствии они вошли в состав

Барбара Торунчик

редакции журнала), а также рубрика «Средняя Европа» с текстами Милана Кундеры и Вацлава Гавела (со временем дискуссия о специфике этого региона и его верности традициям станет особенностью журнала). Ко всему этому прибавлялись хроника культурных событий и раздел рецензий на книги, художественные выставки и фильмы.

В следующих номерах этого ежеквартального журнала были опубликованы исторические и политологические эссе, как современные, так и классические, которые одновременно могли служить отправной точкой для анализа современного положения (среди авторов были, в частности, Адам Михник, Лешек Колаковский, Ален Безансон, Мирча Элиаде, Никола Кьяромонте).

Характерно, что, кроме признанных писателей (почти в каждом номере «Тетрадей» публиковал свои новые стихи Чеслав Милош), журнал представлял дебютантов — именно в нем было представлено новое поколение польских поэтов (в том числе тогдашние поэты чуть старше двадцати из т.н. поколения журнала «брульон» — «черНовик»), многие из которых впоследствии были удостоены видных литературных премий. Специализацией журнала стало находить и публиковать неизданные произведения выдающихся писателей (удалось отыскать, в частности, машинописи Витольда Гомбровича, Збигнева Херберта, Ежи Стемповского, Александра Вата).

В соответствии с замыслом основателей «Тетрадей», польских читателей знакомили с творчеством русских писателей (среди них Анна Ахматова, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Владимир Набоков, Александр Солженицын), чешских и словацких (кроме вышеупомянутых Гавела и Кундеры, также Йозефа Шкворецкого, Людвика Вацулика, Ярослава Сейферта, Кароля Крила), румынских (Эмиля Чорана) и венгерских (Дьёрдя Дёмёри), а также выдающихся западных авторов (Шеймуса Хини, Дерека Уолкотта, Надин Гордимер, Эрнста Юнгера и других). Событием стала публикация переписки Цветаевой, Пастернака и Рильке. И, что важно, почти всегда это были переводы, выполненные лучшими польскими переводчиками, а особое место занимала в журнале рубрика «Мастерская перевода». О вкусе и чутье редакторов свидетельствует то, что несколько представленных в журнале авторов стали впоследствии нобелевскими лауреатами.

Замысел сближения польского читателя с мировой культурой воплотился в серии специальных номеров под названием «Портреты городов», в которых описывалась специфика Пра-

ги, Берлина, Венеции (и других итальянских городов), и в номера, посвященные портретам самых выдающихся современных писателей и художников (Бродского, Цветаевой, Набокова, Балтуса, Карен Бликсен, Збигнева Херберта, Леонор Фини).

«Тетради» начали также издавать свою «Библиотеку», в которой первыми вышли сборники стихов «Зимний разговор» Венцловы и «Песня маятника» Бродского.

С самого первого номера журнал одновременно подпольно издавался в Польше. После перелома 1989 г. «Тетради» могли уже свободно распространяться на родине. С 1990 г. их издание целиком перенесено в Польшу. Вернулась в Варшаву и Барбара Торунчик, на которой с самого начала лежала львиная доля редакторской работы. Издавать журнал взялась «Агора» — одно из крупнейших и самых прибыльных в стране акционерных обществ, котирующихся на бирже, владелец самой популярной из серьезных ежедневных газет — «Газеты wyborczej». «Агора» приступила к финансированию издания принципиально убыточного не только из-за дружеских связей членов ее руководства с редакцией «Тетрадей», но прежде всего признавая роль и заслуги журнала.

Политические перемены после 1989 г. повлияли и на содержание «Тетрадей»: журнал начал анализировать опасности, угрожающие новым демократиям Центральной Европы — как в политическом, так и в общественном и культурном смысле. Подбор авторов, литературных жанров и тематики направлен и на то, чтобы противостоять натиску массовой культуры. «Тетради» снискали себе славу журнала чуть ли не классического — действительно, его заказывают библиотеки крупнейших университетов Запада и Центральной Европы, а в Соединенных Штатах его рекомендует MLA (Master List and Directory of Periodicals). В Польше «Тетради» рекомендует министерство народного образования как пособие для изучения литературы в средней школе — за «состав представленных авторов, достижения, качество редакторской работы, настойчивость, многолетний стаж, ярко выраженные традиции и принципы», а также за «свободную ориентацию в современной и классической литературе».

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В последние годы в творчестве Чеслава Милоша произошло воистину вулканическое извержение — это касается как его поэзии, так и эссеистики. Особого внимания заслуживают заметки писателя, относящиеся к религиозной мысли, в том числе и к богословию. В последнем номере быдгощского «**Квартальника артистичного**» (2001, №3) именно этим проблемам посвящена немалая часть ответов на анкету о современном состоянии польской словесности. В эссе Милоша «Польская литература» мы читаем:

«Надо прямо сказать, польская литература сегодня слаба. Причина этого не в конкуренции т.н. массовой культуры, ибо поляки пишут как угорелые, что прекрасно знают в издательствах и журнальных редакциях, сражающихся с навалом рукописей. Однако в этом изобилии, печатном и не пошедшем в печать, отсутствуют сильные индивидуальности и ширится подражательство. (...) Если бы иностранец хотел что-нибудь узнать о поляках из книг, издаваемых в Польше, я сказал бы ему, что о состоянии сознания свидетельствует отсутствие определенных мотивов и тем, которые по каким-то причинам обходятся».

Одна из этих тем — религия:

«Польша — вроде бы католическая страна, и время от времени это проявляется сильно, особенно во время паломничеств Папы, однако следы этого в литературе мало заметны, и если по ней судить, то можно даже сказать, что это страна агностиков. Нелюбовь литераторов к религиозным темам свидетельствует о том, что у них нет опыта этого рода, и в то же время, пожалуй, доказывает всеобщее равнодушие к этой сфере. В дехристианизированной Европе Польша составляет исключение, ибо церкви в ней переполнены, однако, не потерял актуальности вопрос: уж не страна ли это скорее прихожан, нежели верующих? Наверное, религия многое значит во внутренней жизни множества людей, но весть об этом как-то не проникает на страницы книг. А религия — это ведь и жизнь духовенства, приходских священников и викариев, жизнь монашеских орденов и школ при ордене. Этой среды в польских книгах не встретишь, как будто в ней недостает бесчисленных сложностей сегодняшней жизни. Об этом пишут ирландцы (Джеймс Джойс), англичане (Дэвид Лодж), американцы (Мэри Гордон), и даже в литовской литературе есть роман о жизни в духовной семинарии, «В тени алтарей» Путиаса. Откуда такая сдержанность, откуда табу? Тут, вероятно, мирянам полагалось бы по-особому относиться к духовенству, начиная с существующего культа Иоанна Павла II: потому ли возник этот культ, что он поляк и прославляет нас во всем мире, или потому, что он благочестив, или же потому, что он высший в Польше авторитет, новый, после Вышинского, *intertex*?* А как объяснить ту смесь уважения и пренебрежения, с которой относятся к политическим и нравственным высказываниям церковной иерархии, которая как будто утратила всякое влияние на политические решения верующих?»

Разумеется, в целом Милош прав, но одновременно его восприятие польской литературы представляется довольно субъективным: нельзя же не замечать целого серьезного течения польской религиозной поэзии — начиная с поисков Мечислава Яструна и отца Яна Твардовского и, кончая Кшиштофом Келером и Войцехом Венцелем (1972 г.р.). Невозможно не сказать и об эссеистике, поднимающей религиозную проблематику — здесь стоит напомнить хотя бы о таких книгах, как «Следы» Анджея Киёвского или «Пустынники и бесы» Рышарда Пшибыльского — эта последняя вызвала живую, интересную дискуссию, в том числе и на страницах католической печати. Проблематика углубленного отношения к религии появляется в спорном сборнике эссе Томаша Бурека «Дневник карантина» или в сборнике статей Венцеля «Обитать в соборе». Следовало бы, вероятно, обратить внимание и на вышедший в 2001 г. роман Яна Тулика «Калитка» — попытку передать опыт молодого клирика, бьющегося над своим призванием и мирскими искушениями.

Принял вызов и сам Милош. Опубликованный на страницах краковского «**Тыждника повшехного**» стихотворный цикл «Богословский трактат» (будет напечатан в следующем номере «Новой Польши» в переводе

* *Intertex* — в давней Польше примас, глава католической Церкви, между царствованиями заменявший короля (что в этой стране было особенно важно с тех пор, как короля стали выбирать и избирательные споры и интриги затягивались). Кардинала Вышинского, примаса Польши при коммунистах, также называли этим титулом: он как бы представлял истинную национальную власть в отсутствие таковой. — *Пер.*

Натальи Горбаневской), несомненно вписывающийся в ход поисков «Морального трактата» (1947) и «Поэтического трактата» (1957), окружен критическими текстами, которые явно направлены на то, чтобы «смягчить» суть произведения. Тем большего внимания заслуживает напечатанный в следующем номере краковского еженедельника (2001, №50) комментарий Лешека Колаковского «Малая глосса к эпопее духа»:

«Другие комментаторы сказали уже почти все важное о «Богословском трактате» Милоша. Я, однако, свое слово вставляю, не предъявляя претензий на новизну. Когда «Трактат» читаешь, храня в памяти различные предыдущие тексты автора, кажется, будто речь идет о естественном, долгожданном увенчании его поэтической судьбы, попросту об установке недостававшей башенки на здании, воздвигавшемся издавна. Наверное, это иллюзия, но понятная».

После этого элегантно вступления Колаковский приступает собственно к комментарию:

«Это, как легко заметить, не богословие в точном смысле слова, но исповедание веры и неверия и описание разных связанных с этим трудностей. Богословие в истории веры — орудие оборонительное, оно не созидает веру, а защищает ее от нападений извне, отбивает обвинения; если бы весь мир был как положено верующим, сомнений не испытывающим, критике и осмеянию неверующих или иноверцев не подвергающимся, в богословии, наверное, не было бы нужды. Богословие по самому своему призванию склонно рассматривать христианскую религию как множество суждений, в которые надлежит верить (хотя почти всегда оберегает различие порядка веры и порядка науки). (...) Милош знает, что религия — это не список догматических суждений. Знает он также, что она не то, что хранят до конца жизни упомянутые в поэме девочки, которым изложили главные истины веры, прежде чем они приступили к первому причастию. И то и другое — какие-то стороны религиозной жизни, но ни одно из них, ни оба они вместе не составляют жизни веры. Милош горько переживает тянущуюся уже несколько веков вражду между христианством и Просвещением. Вопрос этот со всех сторон проработан, перепахан, и все-таки все в нем остается двусмысленным и неясным; христианство нынче шаткую жизнь ведет, но Просвещение само себе вбило нож в спину, дойдя до того места, где сама вера в истину становится недействительной, а вера в действительность (будучи метафизической) оказывается излишеством и суеверием».

Нелишне вспомнить в этом контексте как слова вышеупомянутого Рышарда Пшибыльского о том, что разум ни во что не имеет права верить, а уж главное — в себя, так и уверенность Милоша, особенно полно выраженную в сборнике эссе «Свидетельство поэзии», что поэзия — это «неустанная погоня за Объективной Действительностью». Мы видим, что «Трактат» касается узловых и все время остающихся живыми в польской литературе вопросов о взаимосвязях веры и разума. Это подчеркивает в своем комментарии Колаковский:

«Самые запутанные узлы трудностей мы видим в двух местах. Одно — это так называемая научная картина мира и прицепленная к ней (хоть логически из нее и не выводимая) рационалистическая идеология. Уже почти полтора века Дарвин остается тернием в теле христианства, ибо он как будто стирает грань между человеком и остальным живым миром; законоучители, которые его без труда опровергали (...), возможно, удовлетворяли тех учеников, которым предстояло пополнить ряды т.н. функционально неграмотных, но уж, конечно, не тех смысленных подростков, которые видели их постыдную темноту. (...) Антирелигиозное острие Дарвина можно нейтрализовать, на что, однако, понадобится разум — только, пожалуй, иной, нежели разум схоластического рационализма, у которого, разумеется, был свой звездный час, но давно уж миновал. То, что у веры нет основы в науке, знали многие еще в XVII веке, без всякого Дарвина. Но какие странные вещи случились в науке XX века, может быть, вернув смысл некоторым важным традициям богословов; как, должно быть, смеялся ученый XIX века над глупостью св. Августина, говорившего, что прежде чем Бог сотворил мир, времени не было (...). Как это так? — время попросту течет, независимо от того, есть мир или его нет. А теперь все иначе. На теорию «большого взрыва» (о чем и Милош упоминает), в результате которого возникли как время, так пространство и материя, ссылались не раз: «А значит, Бог есть!» Однако нет «а значит», нет логического следствия — есть открытость человеческой мысли к чему-то, что как будто придает смысл тайне творения».

Верно ведет свою мысль — и, что немаловажно, с чувством юмора, отсутствием которого не страдает и «Трактат» Милоша, — философ, комментирующий цикл, посвященный богословским вопросам. Причем, что существенно, он не забывает, что имеет дело со стихом, а не с сухим «трактатом» (кстати, пора бы уже определить, что такое все «трактаты» Милоша — какой в них «дискурс», каковы его законы). Описав «рационалистический» узел, Колаковский указывает следующий:

«Другой невозможный узел — это вопрос зла, на который Милош неустанно натывается или с которым пытается сладить, как многие до него на протяжении многих веков. Существовали по крайней мере два способа выпутаться из этого вопроса, сделав его недействительным. Один вырастает как раз из рационалистической идеологии: «Зло — это такое слово, которое люди выдумали, чтобы назвать страдание, но в страдании нет ничего таинственного, для выживания вида необходимо, чтобы индивиды страдали, иначе бы вид быстро погиб, не получая сигналов, предвещающих опасность». Это объяснение неумное, но на вид цельное. Другое объяснение —

собственно богословское, в традициях теодицеи: то, что мы называем злом, — это неизбежный результат мира, зачатого в добре; Бог есть само Добро, но и Он не может сделать так, чтобы ни нравственное зло не достигало результата (раз люди наделены свободной волей), ни физическое (раз сама всеобщая взаимосвязь вещей вызывает их взаимное уничтожение). Да, мы хорошо знаем эти объяснения, но они никогда не умирляли тревоги чутких и мудрых душ. То, о чем говорит вера, никогда не может предстать с такой четкостью, как, например, тот факт, что Солнце вращается вокруг Земли (некоторые люди вроде бы говорят, что наоборот, но это, наверное, шутка: достаточно выйти на улицу, чтобы увидеть, как оно на самом деле). Простор неверию должен быть всегда открыт, разнообразных вещей мы знать не можем, *non est nostrum scire* [не нам знать, *лат.*].»

Мне кажется, что это последнее предложение раскрывает одну из самых существенных мыслей «Богословского трактата» Милоша. Однако важно, что говорит Колаковский дальше:

«Существует глупость веры и глупость неверия. Существует мудрость веры и мудрость неверия. Этот вопрос требует весьма долгого рассмотрения, но тут этому не место. А когда Милош говорит: «И я день верю, а день не верю», — то не в том дело, что он день мудр, а день глуп; нет, он живет поочередно в мудрости веры и мудрости неверия».

Что же, следует, может быть, прибавить только одно: Милош, как это ясно следует из рассуждений Колаковского, ставит христиан (и не только христиан) перед вызовом этой «мудрости неверия». Притом эта проблема в польской поэзии возвращается постоянно, мы найдем ее хотя бы в драматическом двустишии Тадеуша Ружевица «без»:

*жить без бога возможно
жить без бога невозможно*

Как все это перевести на язык практики? Возможно, хотя бы отчасти ответом на этот вопрос станут размышления из статьи Бруно Дрвенского «В разочарованной Польше» («Газета свѣтечна», субботне-воскресное приложение к «Газете wyborчей», 2001, 15-16 декабря):

«По сути есть два типа польского католицизма. Первый, в известной степени этноцентрический, решительно выступает за охрану нации, в прошлом часто попадавшей в опасность. Второй характеризуется стремлением к универсальному. Эти два течения, до сих пор лучше или хуже дополнявшие друг друга, сегодня оказались в очень трудном положении, ибо Польша разделилась на тех, кто может пользоваться возможностями, открывшимися после 1989 г., и тех, кто оказался на обочине новой дороги. Должна ли Церковь остаться прежде всего институтом, дающим убежище и поддержку, или же ей следует активно участвовать в нынешних преобразованиях?»

Указывая на все более откровенно антиуниверсалистские, зачастую прямо ксенофобские настроения «разочарованных» и роста влияния радикально «евроскептических» группировок, автор пишет:

«Эта эволюция требует отклика Церкви, ибо свидетельствует, что несмелой заботы о безработных, о тех, кому грозит неуверенность в завтрашнем дне, об охране национальной культуры недостаточно, чтобы обеспечить поддержку группировкам, объявляющим себя католическими. Демагогические национал-католические группировки тоже не сумели завоевать ведущее место в представительстве недовольных. (...) Будет ли эта сфера эволюционировать, как это происходит, например, в Бразилии, в направлении народного, патриотического, но не сектантского католицизма, способного сотрудничать с не католическими кругами? Или же она замуруется в обрядовой религиозности, закрытой от влияний извне и недоверчивой ко всему, что выглядит «чужим»? Польша может стать еще одним государством, подверженным опасности со стороны идеи-фикс национальной самобытности, пустого католицизма фундаменталистов, раскола левых на малые группировки и застоя либеральных и социал-либеральных сил, — в Европе, не слишком склонной открывать свои границы. (...) Однако в Польше могло бы появиться универсалистское и вместе с тем патриотическое католициство, социально активное и более или менее по-партнерски настроенное по отношению к левым, выступающим за открытость страны к Западу и Востоку. Снисходительность, с которой большинство западноевропейцев относится к польскому католициству, могла бы уступить место отношению, адекватному вкладу поляков во всеобщую историю».

Как мы видим, вопросы Милоша о форме польского католицизма не лишены соотнесения с практической, повседневной жизнью, в том числе и политической. Форма веры, самосознание религиозного опыта, не сводимого к опыту «неверующего прихожанина», не ограничивающегося механическим повторением обрядовых жестов, — это один из тех вопросов, которые — и тут невозможно не согласиться с Милошем — не нашли достаточно ясного отражения в художественной литературе. Но от констатации этого факта до утверждения, с которым трудно согласиться, — о том, что «польская литература сегодня слаба», — довольно далеко.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

● Новым президентом польского ПЕН-Клуба стал профессор Владислав Бартошевский, историк, до недавнего времени министр иностранных дел.

● Звание почетного доктора Варшавского университета получили Ян Новак-Езёранский и украинский искусствовед Игорь Шевченко. Ян Новак-Езёранский во время гитлеровской оккупации проявил себя как герой: он выполнял функции связного между польским правительством в Лондоне и сражающимся подпольем в стране. Затем на протяжении многих лет он был директором радиостанции «Свободная Европа»; сегодня он в числе тех немногих, чей авторитет не поколеблен последними политическими и экономическими переменами в стране. Игорь Шевченко — искусствовед, выдающийся знаток искусства Византии, много лет живущий в США и преподающий в тамошних университетах; автор публикаций, посвященных истории Украины и Польши. «Я больше всего благодарен польской культуре», — сказал лауреат, вспоминая о детстве и юности, проведенных в Варшаве, где, эмигрировав с Украины, поселилась его семья.

● А звание доктора honoris causa Вроцлавского университета получил известный журналист и писатель Рышард Капусцинский. Знаменитый лингвист проф. Ян Медек, говоря о Р.Капусцинском, в частности, заметил: «Как жить? Каким будет мир в XXI веке? — спрашивают его рядовые граждане, профессора самых известных университетов и коронованные особы. А поскольку он, человек пограничья, видел и далекие горизонты, и большой мир, то его ответам и прогнозам доверяют... Поистине лишь немногочисленным избранныкам удается достичь такого общественно- и интеллектуального статуса».

● В связи с выходом из печати тома «Бесед в новом веке» Катажины Яновской и Петра Мухарского (продолжение «Бесед к концу века») издательство «Знак» организовало в варшавском Малом театре представление «Суд над современным поляком». (Сокращенная запись судопроизводства печатается далее - «НП»).

● Вышедшая в издательстве «Горизонт» книга «Мицкевич. Энциклопедия» представляет собой интереснейшее собрание сведений о самом знаменитом польском романтике. Эта книга «заинтересует не только полонистов, — пишет в газете «Жечпосполита» Кшиштоф Маслонь. — Она прекрасно читается, каждая статья разворачивается в небольшое эссе, написанное эмоционально, с жаром исследователя, демонстрирующее эрудицию автора, но вполне понятное любому читателю, если... ему интересна польская культура».

● В Варшаве прошла X Ярмарка исторической книги. В завершение ярмарки жюри под председательством проф. Томаша Шароты присудило премии «Клио» за труды по истории, изданные в прошлом году. В категории авторских трудов премию получил Анджей Новак за книгу «Польша и три России. Исследование восточной политики Юзефа Пилсудского». В категории монографий был награжден Анджей Карпинский за книгу «В борьбе с невидимым врагом. Эпидемии заразных болезней в Речи Посполитой в XVI-XVIII вв. и их демографические, социальные и экономические последствия». Премию получила также книга Барбары Энгелькинд и Яцека Леончука «Варшавское гетто. Путеводитель по несуществующему городу».

● По возвращении в литературу, а главное, в область литературных мифов, Эдварда Стахуры и Рафала Воячека пришла очередь других «трагических поэтов» из поколения, дебютировавшего в конце 50-х — начале 60-х. Монография Гражины Борковской о Халине Посвятовской «Безрасудная и неромантическая» дает возможность нового прочтения ее поэзии. А выпущенный краковским «Выдавництвом литерацким» (Литературным издательством) сборник прозы и поэзии, ушедшего от нас пять лет назад Станислава Чича, напоминает сегодняшнему читателю о произведениях этого чрезвычайно оригинального автора.

● Между тем в списках бестселлеров отмечен закат (вероятно, временный) женской литературы. Первые места пока что закрепили за собой Ежи

Пильх («Под Крепким Ангелом») и Павел Хюзлле («Мерседес-Бенц. Из писем к Храбалу»). А несколько далее — целых три книги Анджея Сапковского, мастера сказочно-фантастической литературы, чему причиной, вероятно, послужила недавняя премьера неудачного фильма «Ведьмак», снятого по мотивам произведений этого автора.

● В скором будущем, быть может, на этих страницах окажется и вышедшая в издательстве «Прушинский и К^с» книга Леопольда Унгера «Чужак» — это, как говорит сам автор, отчасти история послевоенной журналистики, отчасти рассказ о послевоенной Польше и мире. Автор много лет был секретарем редакции варшавской газеты «Жиче Варшавы»; в 1968 г., потрясенный проводившейся сверху кампанией антисемитизма, он уехал вместе с семьей в Бельгию. Там он начал новую журналистскую карьеру как комментатор по вопросам Восточной Европы в западной прессе, был фельетонистом парижской «Культуры» (под псевдонимом Брюсселец), сейчас сотрудничает с «Газетой выборчей».

● Премию за «Варшавскую премьеру месяца» получил Ярослав Абрамов-Неверли за повесть «Граница сокола» — о былых «кресах», восточных окраинах Польши.

● На втором плане «Европалей», посвященных в этом году Польше, в одной из частных брюссельских художественных галерей была открыта выставка «Иррелигия [этот странный неологизм приблизительно можно перевести как «Без-религия» — *Red.*] Морфология асакрального в польском искусстве XX века». В Польше из многочисленных кругов стали раздаваться голоса (чаще всего тех, кто выставки не видел), что эта выставка — одна большая провокация, оскорбляющая религиозные чувства католиков, и ее следует немедленно закрыть. На задаваемые в связи с этим вопросы министр культуры и искусства Анджей Целинский ответил, что министерство не будет выступать цензором частной творческой деятельности. Выставка пользуется большим успехом в Брюсселе, и можно только сожалеть, что поднятая вокруг нее сенсационная шумиха отвлекает внимание от других, подготовленных польской стороной экспозиций, как, например, весьма интересная выставка работ Магдалены Абаканович.

● Публичные аукционы все чаще становятся источником новых экспозиций в государственных га-

лерях... Несколько выставленных недавно на аукционах картин знаменитых мастеров, которые находились до сих пор в частных руках, имеют шанс попасть в такие галереи после покупки их частными спонсорами. Варшавский Национальный музей рассчитывает получить в депозит картину Максимилиана Герымского «Возвращение без хозяина», а Театральный музей — портрет прославленного певца Яна Решке кисти Яна Стыки. Такие начинания возникают не впервые. А между тем произведения художника Никифора, сегодня уже считающегося классиком польского примитивизма, попали на выставку в частную галерею, торгующую картинами.

● Лауреатом «Гран-при» на 17-м Бьеннале польского плаката, открывшемся в катовицком Бюро художественных выставок, стал Роман Катус. Он был награжден за плакат на социальную тему «Я мыслю — следовательно, я не пью», вывешенный во время летней воеводской кампании за трезвость, которая проводилась на улицах Силезии.

● В связи с 70-летием скульптора Густава Землы в Варшавской Академии искусств открылась ретроспективная выставка его работ. Земла известен прежде всего своими крупными монументальными работами, такими, как памятник Силезским повстанцам в Катовице, скульптура Моисея в Лодзи, памятники Эрнсту Малиновскому в Перу, Генрику Сенкевичу в Варшаве.

● На IX Международном фестивале кинооператоров «Camerimage», который в этом году был перенесен из Торуня в Лодзь, «Золотую лягушку» получил Жерар Симон за операторскую работу в фильме «Король танцует» Жерара Корбье. Серебряная и Бронзовая лягушки присуждены полякам: первая — Адаму Сикоре за картину «Angelus» Леха Маевского, вторая — недавно умершему Петру Собоитинскому за операторскую работу в фильме «Сердца в Атлантике» Скотта Хикса. Однако, «Camerimage» — это не только главный конкурс, это также встречи и дискуссии, международное событие высокого ранга в мире кино. В этом году в Лодзь приехали, в частности, Дэвид Линч, Пол Мазурский, Витторио Стораро, а также, разумеется, Анджей Вайда.

● Благородную идею стремятся осуществить организаторы Фестиваля фильмов стран Евросоюза, желая показать польским зрителям столь редко идущие в коммерческих кинотеатрах фильмы стран нашего континента. Все кинофильмы отби-

рались в сотрудничестве с посольствами государств, входящих в ЕС; фестиваль проводится одновременно в Варшаве, Гдыне и Лодзи. Почетным покровителем этого мероприятия стал Кшиштоф Занусси.

● **Еще до конца текущего года должны начаться занятия в новой киношколе, которую создают Анджей Вайда и Войцех Марчевский. «Действующие киношколы, — говорит Войцех Марчевский, — отвечают за гуманитарное образование в целом. У нас основой будет практика — подготовка и съемки фильма... В октябре мы хотим начать курс для студентов из других стран. Наша школа должна стать местом встречи Востока и Запада. Мы ведем переговоры и с выдающимися зарубежными кинематографистами относительно преподавания в нашей школе». Занятия будут весьма интенсивными, курс рассчитан на год. Преподавать будут, в частности, Вайда, Марчевский, Занусси, Агнешка Холланд, Марцель Лозинский.**

● **«В Польше в области художественного кино выходит в среднем по четыре дебюта в год, — пишет на страницах еженедельника «Политика» Януш Врублевский. — В нынешнем сезоне их было в три раза больше. Молодые режиссеры жалуются на то, что их не допускают к профессии... все это оказалось мифом. По крайней мере для той части общественного мнения, которая верит статистике. При ближайшем рассмотрении ситуация выглядит иначе... Дебютов действительно больше, чем год или пять лет назад, но только потому, что в Польше постепенно стирается граница между независимой и профессиональной кинопродукцией. Невзирая на уровень, который демонстрируют оба вида кинопродукции, все их фильмы без исключения допускаются на конкурс в Гдыне, получают премии на фестивалях».**

● **Главную премию проходящего в Кельце фестиваля «Nurt» («Течение» или «Направление») получил Антоний Краузе за документальную картину «Поэтому я снял фильм», посвященную мастеру документального кино Богдану Косинскому. Киносмотр в Кельце придумал семь лет тому назад долго сотрудничавший с Тадеушем Кантором журналист и критик, актер его театра Кшиштоф Миклашевский. Цель киносмотра — представить документальные формы, используемые прежде всего телевидением, однако, совершенно очевид-**

но остающиеся вне главного, коммерческого поля его интересов.

● **Конкурс эффективной рекламы «Эффи» — единственный конкурс аудиовизуальных произведений, в котором оценивается не художественное достоинство представленных работ, а их эффективность. В Польше этот конкурс проводился во второй раз — в нем участвовали 46 работ, присуждены 16 премий. Однако «Гран-при» не был присужден, что для большинства наблюдателей стало крупной неожиданностью.**

● **«Польсат», первый польский коммерческий телеканал, намерен дебютировать также в цифровом формате с эротической программой «Плейбой-ТВ». Однако «Польсат» еще не получил разрешения на выход в эфир от Общепольского совета по радиодиффузии и телевидению (ОСРТ) и собирается начать работу через зарубежный передатчик. А между тем ОСРТ угрожает, что если это произойдет, то под вопросом может оказаться продление лицензии самому «Польсату», срок которой истекает в 2004 году.**

● **Сейчас почти из всех польских кабельных телесетей исчез введенный консорциумом ИТИ телеканал ТВН-24, польский информационный канал, созданный частично по образцу американской Си-Эн-Эн. Подключенный на пробу в сентябре, канал вызвал большой интерес, тем более что дебютировал он в тот момент, когда каждый хотел знать, что творится в мире. Но, кажется, его существование может оказаться под вопросом, если владельцы канала не пойдут на уступки в переговорах с кабельными сетями и не снизят цену за распространение. Цена, предложенная ими первоначально, оказалась почти для всех операторов неприемлемой.**

● **На заседании Конференции польского епископата на Ясной Горе было решено допустить зарубежного инвестора к сети католических радиостанций «Радио Плюс». Этим инвестором станет немецкий «Дрезднер Кляйнворт Бенсон», который намерен вложить 15 млн. долларов, что, вероятно, позволит выжить радиосети, еще совсем недавно находившейся под угрозой банкротства.**

● **После перерыва в несколько лет на рынок выпущен новый диск Чеслава Немена «Из-под облака шляпы». Певец обращается к своему прежнему творчеству, представляет возвышенные зонги, приправленные норвидовской иронией, рапсодии,**

исполняемые на фоне характерного для Немена состава электронных инструментов.

● На XIX Всепольском фестивале авторской песни главную премию им. Йонаша Кофты получила Эвелина Марциняк за запись, издание и распространение своего диска. Премию зрителей получил Анджей Озга. В конкурсе участвовали молодые авторы, во втором концерте выступили уже опытные мастера. Весьма положительно оценила публика двоих выступивших на фестивале русских — Александра Ананичева и Константина Паскаля.

● Знаменитый аргентинский тенор и дирижер Хосе Кура стал главным дирижером «Sinfonia Varsovia», некогда прославленного камерного оркестра, созданного Ежи Максимиюком. Первый концерт оркестра под его управлением в Варшавской национальной филармонии прошел с большим успехом.

● В варшавском Большом театре прошла премьера «Семи смертных грехов» Бертольда Брехта и Курта Вайля; польский текст — Станислава Баранчака. В главной роли — Кристина Янда, инсценировка Януша Вишневского. «Французский биограф Питера Брейгеля Старшего, — говорит о своем представлении Януш Вишневский, — утверждает, что великий фламандец написал картину под названием «Все бабы средства против смерти». Вся трудность в том, что никто, кроме него, об этой картине не слышал. Что было на этой картине, от которой осталось только название? Я решил, что сам напишу ее в театре».

● Мольер станет героем первого Международного театрального фестиваля «Посвящения», который пройдет в Кракове в октябре 2002 года. Фестиваль будет проходить каждые два года и каждый раз будет посвящен знаменитой личности или важному театральному направлению.

● «Мы хотим популяризировать склад ума пограничья, где человек и сохраняет глубокую уверенность в своей национальной принадлежности, и не боится открываться навстречу иным культурам», — сказал директор Национальной библиотеки Михал Ягелло, открывая X Смотр художественных достижений национальных и этнических меньшинств «Общность в культуре», одним из организаторов которого выступила Национальная библиотека.

● На организованном в Варшаве I Фестивале независимого искусства «Жало» главную премию получил Якуб Нестеров за фильм «Reality Show». Ему же досталось «Малое жало» — премия зрителей. «Искусство должно говорить о важных вещах, — признался 25-летний автор журналистике «Газеты выборчей», — а не показывать, подобно «reality show», как кто-то чешет задницу... Этот фильм я собирался снимать как мелодраму, а не комедию, но в конце концов сместил акценты, так как боялся, что слишком многие увидят на экране самих себя».

● Премии Фонда поддержки польской науки, проще называемые «польскими Нобелями», получили профессора: Мацей Гливич из Варшавского университета (естественные науки и медицина), Людомир Невельский из Вроцлавского университета (точные науки), Михал Клейбер из Польской Академии наук (технические науки) и Стефан Свежавский из Люблинского католического университета (гуманитарные и общественные науки).

● 18 ноября в варшавском Большом театре состоялся концерт «Память и надежда», которым организаторы почтили память жертв террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне. Концерт проходил под покровительством президента Александра Квасневского.

СУД НАД СОВРЕМЕННЫМ ПОЛЯКОМ

28 ноября 2001 г. в варшавском Малом театре прошла дискуссия «Суд над поляком», ставшая своего рода дополнением к «Суду над XX веком», состоявшемуся в Кракове в 2000 г. (его стенограмма была опубликована в «Новой Польше», №7-8, 2000). Оба процесса организовало издательство «Знак». «Суд над поляком» был приурочен к презентации новой книги Катажины Яновской и Петра Мухарского «Беседы в новом веке». Это очередной сборник интервью двух журналистов с авторитетами польской культуры и науки. Несколько бесед из предыдущей книги «Беседы к концу века» были напечатаны на страницах «Новой Польши».

Стенограмму «Суда над поляком» мы публикуем с небольшими сокращениями. Полный текст был опубликован в «Тыгоднике повсехном».

В дискуссии участвуют:

Юлия Хартвиг, *поэтесса*
Януш Янковяк, *экономист*
Ежи Едлицкий, *историк развития общества*
о. Ян Анджей Клочовский, *доминиканец, философ*
Мартин Круль, *антрополог культуры*
Янина Охойская, *основательница Польского гуманитарного движения*
Кшиштоф Песевич, *адвокат, сценарист фильмов Кшиштофа Кеслёвского*
Барбара Скарга, *философ*
Ежи Шацкий, *социолог*
Януш Тазбир, *историк*
Анджей Цолль, *юрист, уполномоченный по правам человека*

Катажина Яновская и Петр Мухарский: Выражаем благодарность всем прибывшим на суд над современным поляком, организованный авторами «Бесед в новом веке». Просим из уважения к месту и процедуре выключить мобильные телефоны и пейджеры на все время судебного разбирательства.

Просим присяжных заседателей занять свои места. Присяжные: Магда Дыгат, Анджей Дудзинский, Марек Эдельман, отец Анджей Лютер, Войцех Тохман, председатель — профессор Барбара Скарга.

Просим встать. Суд идет.

Председательствующий профессор Анджей Цолль: Позвольте открыть судебный процесс перед лицом суда, созванного авторами «Бесед в новом веке» — Катажиной Яновской и Петром Мухарским. Объектом судопроизводства будут обвинения, предъявленные современному поляку. На заседание явился обвинитель о. Ян Анджей Клочовский со своим ассистентом Янушем Майхереком. На заседание явился обвиняемый с приглашенной им защитой — адвокатом Кшиштофом Песевичем и его ассистентом Войцехом Бергером.

Господа присяжные заседатели! Сейчас вы выслушаете обвинительное заключение, показания свидетелей и экспертов, выслушаете также защиту. Вы должны с полной ответственностью рассмотреть все аргументы «за» и «против», чтобы вынести объективный приговор. Слово предоставляется прокурору. Прошу огласить обвинительное заключение.

Обвинитель Ян Анджей Клочовский: Глубокоуважаемый суд, господа присяжные заседатели! Для того, чтобы в результате судебного процесса прийти к верному и ответственному заключению, мы

должны рассмотреть характерные черты обвиняемого, которого мы называем поляком. Вначале установим его личность.

Это человек среднего возраста. Живет он в основном в городе, но 38% его личности поселилось в деревне. Чаще всего это служащий, его средняя зарплата — 2100 злотых в месяц. Треть зарплаты он тратит на питание, все больше — на оплату квартиры (сегодня уже около 18%), 6% — на досуг и культуру, а 3,5% на спиртные напитки и табачные изделия. Раз в полгода он ходит в кино, раз в два года — в музей, раз в четыре года — в театр. Раз в десять лет он бывает на выставке. Покупает одну книгу в год. Образование — неполное среднее.

Обвиняемый остается на свободе, по отношению к нему не применена мера пресечения. В чем он обвиняется?

Глубокоуважаемый суд, господа присяжные заседатели! Мы постарались сформулировать обвинительное заключение самым ответственным образом, и теперь я хотел бы представить вам его основные положения. Основной посылкой нам послужили слова великого польского поэта Циприана Камилля Норвида, который говорит, что «поляк велик, но человек в поляке мал». Маленький человек в великом поляке — не означает ли это, что его польский дух, которым он так гордится, — это всего лишь слишком просторный, сшитый на вырост костюм? Эта мысль приходит в голову при виде фундаментальных нарушений гражданского и нравственного порядка в Польше.

Как же, исходя из этого, конкретно сформулировать обвинения современному поляку? Несомненно, поляк остался человеком незрелым, несмотря на все его недавние исторические испытания. Он до сих пор больше ценит безопасность, чем свободу. Поэтому, хотя и не всегда в этом признаваясь, он тоскует по эпохе Герека, польского «Фиата» и отпуска в Болгарии. Время от времени он не удерживается и говорит, что во время военного положения преступность была все же меньше, чем сейчас. Как заметил один прекрасный писатель и священник [о. Юзеф Тишнер]: «Полякам дан несчастный дар свободы». Как это возможно, чтобы такой великий дар был для человека несчастным?

Поляк ожидает от независимого государства опеки и успешно умеет ее получить: часто обманом, мошенничеством, выуживанием общественных денег. Это происходит не только тогда, когда у него есть открытый доступ к общественной или государственной казне, но и в форме различных выплат: пособий или пенсий. Поляк сделает все, чтобы получить от государства средства для обеспечения своего существования, хотя зачастую он сам мог бы на него заработать. Он отказывается нести ответственность за независимое государство и общее благо.

Он охотно изображает себя невинной жертвой истории и заговора темных сил. Он не рассчитался по совести со своим прошлым, и потому его продолжает охватывать ностальгия по былому. Он любит неудачи и поражения, потому что тогда у него есть причины ворчать и приводить самооправдания. Он так грустен, что даже коляды — позволю себе еще раз привести цитату [из Норвида] — он «поет на мотив Горьких Жалоб». В то же время он верит, что все его прошлое чисто и безукоризненно. Поэтому он охотно им манипулирует, представляя себя как козла отпущения.

Он лелеет в себе искреннюю и глубоко запавшую в сердце зависть к соотечественникам. Самая большая катастрофа для поляка — это успех, потому что тогда все его земляки вступят в заговор, чтобы обесценить этот успех и доказать, что он — плод жульничества. Уже давно замечено, что место, где поляк чувствует себя хорошо, — это пресловутая польская преисподняя, где не нужно чертей, чтобы подливать смолу в котлы, потому что об этом позаботятся свои же собратья.

Поляк очень охотно распространяет — и делает это публично: в трамваях, приемных, на рынках или в гостях — лживые обвинения против официальных лиц.

Поляк совершает многочисленные акты вандализма и разорения — особенно это бросается в глаза в городах. Приехав в Варшаву, обвинители видели эти ужасные разрушения по дороге с Центрального вокзала в зал суда. Поляк обожает жить в загрязненной природной среде, а уж если она чистая, то он тут же вывозит мусор в лес, чтобы загрязнить то, что еще уцелело.

Наконец, поляк очень рискованно водит машины, и это ясно показывает, что ему лучше бы ездить на телеге: управлять телегой в пьяном виде лучше, чем безответственно водить автомобиль.

В конце я хотел бы привести верные слова из интервью одного замечательного адвоката, сенатора и сценариста популярной столичной газете. Он сказал, что в последнее время мы все чаще становимся жертвами некритически усваиваемого потребительства. С мнением этого известного сенатора и юриста обвинители согласны целиком и полностью.

Глубокоуважаемый суд, господа присяжные заседатели, мы предлагаем признать поляка виновным в перечисленных здесь преступлениях и упущениях, которые вытекают из его нравственного убожества. Наказание, которое вы ему определите, должно помочь его перевоспитанию, ибо мы желаем обвиняемому только добра и рассчитываем на его выздоровление после честного и заслуженного покаяния. Спасибо.

(...)

Защитник Кшиштоф Песевич: Глубокоуважаемый суд, господа присяжные заседатели, я бы хотел не так запутанно и без иносказаний пересказать суть того, что внушает нам обвинитель. И спросить: откуда он сюда прибыл, с каких высот к нам обращается? Именно так воспринял я речь прокурора. Во-первых, утверждает он, обвиняемый — трус, человек инфантильный и беспомощный, а значит, по сути дела его следовало бы водить на помочах. Во-вторых, он подозрителен, недоверчив, не имеет ни стыда, ни совести, зато поражен беспамятством. В-третьих, он лентяй. В-четвертых, мазохист, наслаждающийся самоистязанием. В-пятых, подозрителен и недоверчив. В-шестых, не разбирается в действительности, то есть слеп. В-седьмых, не осознает себя личностью, то есть он никто. В-восьмых, это вор и эгоист! В-девятых, пронырливый сплетник! В-десятых, хам, вандал и варвар!! В-одиннадцатых, пьяница и дегенерат!! В-двенадцатых, примитив и неуч, одержимый манией величия!!! В-тринадцатых, корыстолюбек и нигилист!!!

Где мы живем? В тюрьме, где обвинитель и охранник, и начальник? Трудно быть защитником на процессе, где обвинения настолько беспардонны; обвинитель сам признался, что горечь его ослепляет. Трудная будет защита, потому что я вижу в обвиняемом доблесть, смелость, стойкость, доверчивость, щедрость, находчивость, романтизм (если в этом и есть некоторая наивность, то она прекрасна). Я вижу в нем легковерие и податливость на манипуляции обвинителей. Вижу достоинство, честь и память.

Предлагаю перейти к судебному следствию.

(...)

Свидетель Ежи Шацкий: Глубокоуважаемые судьи, профессия социолога в данном случае и облегчает, и затрудняет мои показания. Затрудняет — потому что как социолог я убежден, что поляки, как и представители других национальностей, прежде всего разные. Тем не менее для применения в данном процессе можно со всей ответственностью высказать несколько общих замечаний по поводу сегодняшнего поляка как гражданина. Его поведение отличается характерной диспропорцией: он значительно легче постигает гражданские права, чем гражданский долг. Во-вторых, он легче воспринимает суть прав, называемых «социальными», нежели прав политических. Иначе говоря, он с легкостью усваивает только те гражданские права, которые приносят ему материальную выгоду или обеспечивают безопасность, о чем уже упоминал обвинитель. Другими правами он пользуется нерадиво, особенно политическими. Он не спешит участвовать в выборах, о чем свидетельствует хотя бы низкая явка на парламентские выборы. Я бы не преувеличивал значение этого показателя, ибо любой гражданин имеет право на них не ходить, зато действительно тревожат трудности с местными выборами, когда случается, что из-за недостаточной явки избирателей выборы приходится повторять — иначе невозможно ни созвать совет гмины, ни выбрать нового старосту. Мне кажется, что современный поляк не использует гарантированных ему конституцией и иными законодательными актами прав, позволяющих контролировать деятельность органов власти. Властям скорее предъявляют требования, а не проверяют, действуют ли они согласно закону. Поляк предпочитает требовать, вместо того чтобы заняться самоорганизацией и обустроить местное гражданское пространство. Иначе говоря, поляк в роли гражданина страдает существенными недостатками, но это недостатки средней величины по сравнению со странами, которые сопоставимы с Польшей по своему историческому прошлому.

(...)

Обвинитель: Утверждаете ли вы, свидетель, что обвиняемый склонен к конформистскому поведению?

Ежи Шацкий: В моем представлении конформизм вообще присущ человеческой природе.

Обвинитель: Но в настоящий момент предмет нашего интереса — особый вариант человеческой природы, каковым является поляк.

Ежи Шацкий: Поляки тоже люди, господин прокурор.

Обвинитель: С радостью принимаю к сведению. И, возможно, важным достижением этого процесса могло бы стать подтверждение этого мнения.

(...)

Защитник: Возраст свидетеля дает ему право сослаться на собственный опыт. Как можно охарактеризовать переход поляка из черной дыры коммунизма к свободе? Как в этом контексте можно описать его поведение? Чем была для него эта травма? Можно ли ее с чем-либо сравнить?

Ежи Шацкий: Затрудняюсь ответить на этот вопрос, ибо не верю в существование черной дыры. Не верю в том смысле, что хотя политический строй радикально изменился в лучшую сторону — в этом у меня нет сомнений, — но на уровне повседневной жизни, межчеловеческих отношений, даже на уровне работы учреждений революционных перемен не наблюдается. В Польше очень многое изменилось, но ни характеры, ни человеческие отношения не могут измениться в один прекрасный день.

(...)

Председательствующий: Вызываю для дачи показаний свидетеля профессора Януша Тазбира. Слово имеет обвинение.

Обвинитель: Вы историк. Подтверждаете ли вы тот факт, что историческое сознание у поляка ложное, а эмоциональные факторы оказывают на него большое влияние?

Януш Тазбир: Глубокоуважаемый суд, господа присяжные заседатели. Должен сказать, что эти явления действительно можно наблюдать у поляков. Преобладание эмоций над рациональным осознанием прошлого — это факт. Но такие явления вытекают оттуда же, откуда обычно является невежество, — из того, что люди не ходят в школу. Историю называют школой жизни, однако, это воистину удивительная школа, где к кафедрам тянется длинная очередь профессоров, жаждущих преподавать, а за партами полно пустых мест. И чаще всего прогуливают уроки истории политики.

Если бы история была школой, в которую ходили бы поляки, то наверняка не было бы разочарования после 1989 г.: они бы прекрасно помнили, что и после 1918-го обретение независимости, вопреки всеобщим надеждам, отнюдь не решило всех проблем. Оно не принесло благосостояния, не принесло немедленного повышения уровня политического истеблишмента, не принесло парламента, отвечающего за будущую судьбу страны. На волне этих разочарований в 1926 г. пришел к власти Пилсудский. К счастью — или к несчастью, — сегодня я не вижу никого, кто бы ему соответствовал.

Поляк забывает, что надо ходить в школу, но не только об этом — он забывает хотя бы о наших поражениях. Ведь между венской кампанией 1683 г. и войной 1920 г. у нас не было — в этом историческом вакууме — ни одной большой выигранной войны. Разумеется, на нашем счету есть выигранные битвы. И мы помним только эти битвы, к ним мы охотно возвращаемся памятью (...). Поражение 1939 г., как меня учили еще в средней школе, перешло в оборонительную войну, а сегодня его изображают чуть ли не как полосу военных побед, которые в конце концов все-таки завершились гитлеровской и советской оккупацией. Варшавское восстание когда-то представляли как катастрофическое поражение, облегчившее советизацию Польши, — ныне его все чаще называют великой моральной и политической победой польского народа, без которой Сталин сделал бы из Польши 17-ю советскую республику. Я не очень верю в это, хотя думаю, что без Варшавского восстания в 1956 г. и уж наверняка в 1981-м могло бы дойти до нового вооруженного выступления.

Как мы боролись за сохранение своих национальных традиций? Один ученый написал, что историю нашего языка представляют чуть ли не в категориях борьбы за существование по Дарвину. А кто помнит, что в эпоху Просвещения было выдвинуто требование, чтобы единственным обязательным языком в Речи Посполитой был польский? На этом языке предполагалось учить белорусских крестьян,

вести судебные процессы, а от евреев требовали, чтобы жених и невеста при вступлении в брак продемонстрировали умение бегло говорить и писать по-польски.

А о чем мы охотно вспоминаем? Европу мы представляем себе неоплатным должником Польши, который должен быть вечно благодарен за то, что мы спасли Европу под Веной, спасли Европу в 1920-м, или за то, что мы якобы первыми зажгли великий костер свободы, в котором сгорела мрачная «империя зла».

Мы помним о великих и благородных свершениях — результатах того, что поляки снова и снова создавали подпольное государство. Потому что подпольные государства нам удавались замечательно: в период, предшествовавший восстанию 1863 г., во время II Мировой войны, в период «Солидарности» были созданы независимая от властей печать и организации. Хуже обстояли дела, когда приходилось строить государство, вышедшее из подполья, и все, что дозволено законом. Политическая оппозиция всегда считалась в Польше образцом гражданской добродетели.

Прошу прощения, но не «Беседы в новом веке» первыми изобрели такого рода суд над поляком. В XVII веке это была любимая тема различных дворянских публицистов, и в решающий момент — перед вынесением приговора — всегда вмешивалась Мать Божия. Она говорила: «Сын Мой, поляки — ужасные грешники, но прими во внимание, что Мать просит Тебя, чтобы Ты и на этот раз их прости». И, должен сказать, обвинения, выдвигавшиеся тогда против Речи Посполитой, могущественной державы, определявшей историческую судьбу этой части Европы, — эти обвинения были гораздо серьезнее тех, что мы слышим сегодня.

Обвинитель: Обвинение согласно с тем, что в конечном счете поляка спасет Мать Божия. Тем не менее согласимся: его есть от чего спасать. Мы сейчас собираем аргументы для милосердия Божьего — ничего другого в применении к поляку нам не остается.

Согласен ли свидетель с тем, что поляк охотно сваливает свои беды и поражения на других? Действительно ли он приписывает себе только заслуги, а вину за поражение перекладывает на других?

Януш Тазбир: Думаю, в отношении Польши сохраняет справедливость известное изречение о том, что у победы обычно много отцов, а поражение — всегда сирота. Другие народы тоже приписывают свои поражения нелояльности союзников или превосходству сил противника. Взять хоть современную историю Франции: я что-то не припомню, чтобы французы испытывали угрызения совести за то, что неподвижно стояли перед немецкой линией фронта в 1939-1940 гг., когда немцы приканчивали Польшу после сентябрьского нападения, но не были готовы к обороне от потенциального французского наступления.

Я бы все-таки учел тот факт, что наша историография только сейчас начинает становиться нормальной. В течение 200 лет она была как медицинский учебник. Все искали первого проявления симптомов той болезни, которая в результате разделов Польши привела ее к упадку. Писались труды о прусской присяге* — а это 1525 год! — как о зародыше будущих разделов. История, как я уже говорил, была векселем, предъявляемым к уплате, объяснением наших провинностей; историю изучали по великой романтической поэзии — и хвала ей за то, — но горе народу, которому повстанческий манифест в 1863 г. пишет поэтесса Ионицкая.

(...)

Защитник: Умеем ли мы делать выводы из истории?

Януш Тазбир: В 1981 году — еще как умели. В польском политическом мышлении рождается — пусть робко и с трудом — понимание необходимости компромисса.

Защитник: Это что-то новое?

Януш Тазбир: Вне всяких сомнений. Так же, как чем-то совершенно новым было появление нового типа национального героя. Национальный герой в XIX веке погибал в волнах Эльстера [как Юзеф Понятовский, наполеоновский полководец, в битве под Лейпцигом], при обороне варшавской цитаде-

---

* Ленная присяга, которую принес польскому королю Сигизмунду I Старому прусский князь Альберт Гогенцоллерн в результате договора, по которому земли ордена крестоносцев превращались в княжество, поставленное в вассальную зависимость от Польши. — *Ред.*

ли, умирал в Сибири. В наши дни национальным героем стал Папа, несомненно преуспевший: вот человек, которому повезло. Первыми были Пилсудский, Кюри-Скłodовская, теперь — Иоанн Павел II. Раньше национальный герой должен был подобно Чарнецкому [военачальнику времен «потопа» — войны со Швецией XVII века] умирать якобы на нищенской подстилке, когда в последний момент ему приносят булаву. А ведь Чарнецкий саблей прорубил себе дорогу в магнаты, но этого ни один поляк не считал основанием для славы.

Защитник: Можно ли утверждать, что поляк становится мудрее благодаря своему опыту?

Януш Тазбир: Да, он становится мудрее, но, быть может, мой взгляд на это затуманен моим возрастом: у меня есть ощущение, что если поляк и становится политически более зрелым, то, с точки зрения моего возраста, процесс этот идет слишком медленно. Боюсь не дожидаться его конца.

Защитник: Разве 10 лет на созревание — это много?

Януш Тазбир: В XIX веке это было не слишком много, но 10 лет в эпоху, когда мир стремительно движется вперед и другие нас обгоняют, — это все-таки очень много. Несчастьем Польши было то, что всякий раз, когда Европа была на вираже и цивилизация ускоряла свой ход, нам всегда что-то мешало ее догнать. В XVII веке это были войны, в XIX-м — разделы, во второй половине XX-го — власть коммунистов. Боюсь, что теперь нам может помешать политическая незрелость части нашего общества. Исторический рок имеет обыкновение повторяться.

Защитник: Что в контексте этих 10 лет позволило нам сохраниться до сего дня со своим языком, свободой и — несмотря ни на что — признанием демократии?

Януш Тазбир: Могу я ответить откровенно?

Защитник: Да, конечно.

Януш Тазбир: Нам помогло то, что один оккупант делал ставку на истребление, а другой ничем не сумел нас привлечь — напротив, затягивал и экономику, и цивилизацию в пропасть. Сошлюсь на Юлиуша Мерошевского, который написал на страницах «Культуры» в 1963 г.: «Повезло Польше, что в России победили большевики, — если бы победили кадеты, они бы добились благосостояния и демократии, и не знаю, не поддалась ли бы часть поляков искушению ассимиляции». Я бы хотел обратить внимание суда на очень интересный факт, закодированный в языке. Если немец становится поляком, принимает наш язык и обычаи, то мы говорим, что он «ассимилировался». А если поляк становится немцем и переходит на немецкий язык, мы объявляем его «отщепенцем».

Если бы Россия давала нам соблазн окупающейся ассимиляции, то наши шансы на сохранение национального облика выглядели бы значительно хуже. После I Мировой войны шансы польского государства невероятно выросли, поскольку как из России, так и из Австрии возвращались специалисты высокого класса, потому что там для них уже не было — не говоря даже о том, что возвращались они из патриотизма, — точки приложения сил. Напомню, что когда Игнаций Мостицкий [последний довоенный президент Польши, умер в изгнании] или Габриэль Нарутович [первый президент независимой Польши, убитый в 1922 г. через неделю после избрания] приехали в Варшаву, покинув прекрасные посты в Швейцарии, они никого не укоряли тем, что бросили хлебные должности ради хуже оплачиваемых. Сегодня же некоторые наши государственные мужи говорят нам, что если бы они заседали в Гааге, то зарабатывали бы в Международном трибунале больше, чем на родине. Но это уже вопрос хорошего воспитания.

(...)

Председательствующий: Вызываю для дачи показаний свидетеля Юлиу Хартвиг.

Обвинитель: Поделитесь с нами, пожалуйста, тем, что вам известно о культурном уровне современного поляка. Влияют ли его сравнительно низкая образованность и редкие контакты с книгой на расцвет — или упадок — культуры в нашем обществе? Действительно ли поляк желает смотреть и читать вещи высокого уровня? Или это относится только к узкому кругу избранных?

Юлиа Хартвиг: Меня вызвали в качестве свидетеля обвинения. И все же в своих показаниях я попробую охарактеризовать обстоятельства, при которых было совершено преступление. 51% поляков не прочитали на одной книги, 90% поляков в течение года ни разу не были в театре. Выставки и музеи

посетили неполные 12% поляков. Не достаточно ли этих данных, чтобы автоматически перейти на сторону обвинения? И все же у меня есть сомнения. (...)

Было бы непростительной небрежностью, если бы, говоря об уровне культуры поляка, мы не обратили внимания на деградацию повседневного языка, на скудость употребляемых слов и неряшливое построение предложений. Я бы охотно отказалась от рассуждений на тему телевидения, однако, невозможно не заметить его влияния на массовую культуру. Так происходит во всех уголках земного шара, до которых добралась техника. Если верно, что под влиянием телевидения поляк потерял интерес к прямому соприкосновению с искусством, то ведь то же самое произошло и в других европейских странах. Раз уж с этой точки зрения мы все одинаково грешны, то можно ли по этой причине предъявлять какие-то особые обвинения современному поляку? Я выдвигаю это как смягчающее обстоятельство.

Можно бы задаться вопросом: если на вид все так плохо, то почему все-таки не все так плохо? Достаточно поглядеть на разнообразие и богатство книг, разложенных на прилавках книжных магазинов. Несмотря на кризис, кто-то их все-таки покупает и читает. И не только научные и специальные книги, но также и прозу, и поэзию. Позволю себе выразить уверенность в том, что знания и самосознание образованного молодого поляка, его поведение (а культура — это и нравы) не слишком отличаются от знаний и поведения любого другого образованного европейца, с той, однако, разницей, что у европейцев материальное положение обычно лучше. (...)

Председательствующий: Вызываю для дачи показаний свидетеля профессора Мартина Круля.

Обвинитель: Прошу вас дать суду и присяжным заседателям показания по делу поляка-католика. Поляк с незапамятных времен именуется себя католиком, и в то же время мы наблюдаем у него очень слабую отзывчивость на человеческие несчастья. Религиозность сведена к выполнению обрядов. Редко можно наблюдать, чтобы поляк руководствовался в жизни заповедью любви.

Мартин Круль: Я согласен с такой оценкой, но она относится не к поляку-католику, а ко всякому католику. Специфика поляка-католика — своеобразный иммунитет. Если сравнить среднестатистического поляка-католика (трудно вообразимое существо), например, со среднестатистическим французом или американцем, тоже католиком, то поляком придется восхищаться. Только настоящий герой может вынести те бесчисленные глупости и дешевое морализаторство, которые ему приходится выслушивать на проповедах в костелах. С этой точки зрения поляк-католик выглядит весьма положительно. Если бы он был человеком злым, завистливым или желал бы показать, что его учитель совершает ошибки, не было бы столь массовой посещаемости церквей.

Другая сторона этого вопроса отражает явление, которое можно назвать обрядоверием. В Польше оно проявилось относительно недавно. И об этом мы часто забываем. Польша не была страной массово верующих католиков. Она стала такой при коммунизме. В XIX веке и межвоенном двадцатилетии большую роль играли люди, далекие от веры или бывшие с ней не в ладах. Так было со всеми великими поэтами-романтиками за исключением Норвида, о вере которого еще можно поспорить. Это относится и к крупным политическим лидерам, из которых ни один не был порядочным католиком, начиная с Дмовского, Пилсудского и др. Взаимоотношения польского духа с католичеством были очень непросты и привели к идеологически совершенно бессмысленному союзу Церкви с эндеками [национал-демократами]. Эндеки были враждебны Церкви, но пошли на союз с ней только потому, что у них был общий враг. Социальный дарвинизм эндеков не имеет ничего общего с католичеством. Поэтому до сегодняшнего дня поляк-католик — это поляк кардинала Вышинского. Мы сегодня имеем дело с явлением, которое с точки зрения Церкви предосудительно, а с точки зрения католика-человека достойно защиты, — с превращением веры в частное дело. Как же можно не превратить ее в частное дело, если ее общественное состояние порой выглядит настолько компрометирующим? Если единственную серьезную католическую радиостанцию в нашей стране возглавляют интеллектуальные и моральные маргиналы?

Возвращаюсь к проблеме, которую выдвинуло обвинение: почему поляк-католик не реагирует на чужую беду? Этот человек, поляк-католик, 12 лет назад обрел свободу. И, честно говоря, в первые годы человеку нужно чуточку заняться своими делами, своей семьей, близкими. Потом, когда свобода в нем

окрепнет, он может заняться теми, кто подальше. Это наверняка не вызывает восторга, но думаю, что семейный эгоизм — черта естественная. Если и не заслуживающая одобрения, то наверняка понятная и свойственная всем людям. И последнее: поляку-католику сейчас живется значительно лучше, чем когда-либо со времен разделов.

Обвинитель: Если разрешите, я вернусь к заданному вам вопросу. Главная заповедь, которой должен руководствоваться поляк-католик, состоит не в том, чтобы ходить каждое воскресенье в костел, а звучит так: «...алкал Я, и вы дали Мне есть (...) в темнице был, и вы пришли ко Мне (...) как вы сделали это одному из сих братьев меньших, то сделали Мне». Иными словами, первое таинство, как утверждают католические богословы, — это другой человек. Как это соотносить с обрядоверием поляков?

Мартин Круль: Ну что же, должен сказать, что я очень верю в ум, разум, благоразумие поляков. Но люди ограничены в своем мышлении. Если авторитетное лицо предлагает им определенные образцы поведения, то они к нему прислушиваются. Церковь учит: не пей, не бей жену, занимайся семьей, — но крайне редко говорит: помогай ближнему своему.

Несмотря на это, я не уверен, что в Польше дела с любовью к конкретному ближнему обстоят так уж плохо. Разве мы не помогаем соседу или знакомому, который оказался в беде? Наверняка гораздо хуже обстоят дела с любовью к безымянному ближнему. Но это болезнь молодого демократического общества, в котором преобладают семейно-клановые связи. Со временем она пройдет, однако, в период молодости нашей демократии мы должны считаться с тем, что больше любви уделяется родным, чем посторонним.

Обвинитель: По вашему мнению, свобода повредила этике поляка? Превратила его в семейного эгоиста?

Мартин Круль: Не повредила, но думаю, что и не помогла. Полагаю, то хорошее, что несет свобода, сильно переоценивается. Она приносит очень много, но только тем, кто хочет ею пользоваться. По данным исследований, ведущихся во всем мире, пользоваться свободой умеют около 10-12% общества. Поляки — не исключение из этой статистики.

Защитник: У меня только один вопрос, который относится к ограничению религиозности в Польше исполнением обрядов. В первый раз я встретился с этим понятием при чтении беседы Чеслава Милоша с Александром Ватом [книги Александра Вата «Мой век» в записи Милоша]. Ват подчеркивал возвышенность обряда в обстоятельствах, в которых поляки находились во время войны и после нее. Можете ли вы высказаться по этому поводу?

Мартин Круль: Я отдаю себе отчет в том, что обряд необходим в тяжелые исторические периоды. Тогда нельзя оставить людей в одиночестве, без образцов поведения, и даже, не боюсь этого слова, без готовых формулировок поведения. Но, к сожалению, обряд оставался неизменным и позже, когда обстоятельства изменились. Поляка нельзя винить в этом — это вина католических иерархов. У меня нет никаких сомнений.

Защитник: А может быть, обряд оказался нам полезным?

Мартин Круль: Наверняка, но только до какого-то момента. Теперь с ним происходит то же, что и с политической корректностью: он становится пустым.

(...)

Свидетель Янина Охойская: Я возглавляю организацию, которая несет помощь ближнему.

Защитник: И как обстоят с этим дела в нашей стране, среди поляков?

Янина Охойская: «Польское гуманитарное действие» может работать только благодаря тому, что люди нас поддерживают. У фонда нет собственных средств. Мы можем оказывать помощь жертвам войны в Боснии, Чечне, Косове, Афганистане, жертвам стихийных бедствий в Польше, Турции, Мозамбике, а также нуждающимся в Польше, Литве, Казахстане только благодаря тому, что нас поддерживают очень многие частные лица и фирмы.

Защитник: Кто эти люди, из каких социальных слоев? Можно ли примерно оценить масштабы их помощи?

Янина Охойская: На помощь пострадавшим от наводнения в Польше внесли деньги около 12 тысяч человек. Автоколоннами мы доставили гуманитарную помощь на сумму свыше 5,5 млн. долларов в

страны, охваченные войнами и стихийными бедствиями. Из результатов исследований следует, что в прошлом году 25% поляков, то есть каждый четвертый, дали деньги или вещи отдельным людям или соответствующим организациям, то есть поддержали ближнего. Каждый десятый поляк добровольно работал в неправительственных организациях [НПО].

Защитник: Кто он, этот каждый десятый поляк?

Янина Охойская: Среди волонтеров можно встретить людей любого возраста и любого социального положения. В нашем фонде работают и пожилые, и очень молодые люди, которые хотят сделать что-то хорошее.

Защитник: Можно ли сравнить энергию польских волонтеров и людей в подобных организациях за границей?

Янина Охойская: Доля людей, вовлеченных в добровольную работу ради ближнего за границей выше, чем в Польше. В США она составляет 49%, в Германии — 34%, в Голландии — 33%. Число НПО в западных странах намного больше, чем у нас. В Польше действуют около 30 тысяч таких организаций, из которых каждая пятая — активно. Но в оправдание следует напомнить, что в Польше движение НПО насчитывает всего десять лет. Мы все время учимся, как это делать.

Защитник: Можно ли в контексте вашей информации сказать о поляках, что они щедры?

Янина Охойская: Да, я считаю, что поляки щедры. Каждый год в тот день, когда проходит акция Большого оркестра рождественской помощи, организованного Юреком Овсяком, на улицах можно увидеть тысячи волонтеров, с огромным энтузиазмом собирающих деньги, и огромное количество людей с красным сердечком в петлице — знаком того, что они пожертвовали что-то оркестру. Трудно подсчитать, сколько их было, но мы знаем, что Юрек ежегодно собирает десятки миллионов долларов, предназначенных на покупку медицинского оборудования для больниц.

Защитник: А как выглядит ситуация с богадельнями?

Янина Охойская: Организация богаделен в Польше насчитывает примерно столько же лет, сколько и НПО. В действующих в настоящее время ста восьмидесяти богадельнях работают главным образом общественники. Вообще, если говорить о помощи бездомным, беженцам, детям-инвалидам, то этим занимаются, прежде всего, неправительственные организации. Большинство сотрудников богаделен — волонтеры. Без их опеки и духовной поддержки уход многих людей из этого мира был бы намного тяжелее.

Защитник: Можно ли представить карту нашей страны без этого польского милосердия?

Янина Охойская: Можно, но, пожалуй, мы не захотели бы жить в такой стране.

Защитник: Благодарю вас, у меня больше нет вопросов.

Обвинитель: Слышали ли вы о протестах жителей тех местностей, где было решено организовать, например, богадельню?

Янина Охойская: О выступлениях против богаделен я не слышала. Зато знаю, что люди не хотели иметь по соседству центров для больных СПИДом и т.п.

Обвинитель: В Новой Гуте, предместье Кракова, лишь после длительных переговоров с жителями удалось создать такой центр. Это означает, что хотя бы для какой-то части поляков милосердие к тем, кому оно особенно необходимо, — дело не очевидное. Обвинение преклоняется перед вашей деятельностью, но задает вопрос: не разделяете ли вы мнение, что при всей жертвенности поляков им не всегда хватает будничной доброжелательности к другому человеку? Вы упомянули об акции Юрека Овсяка. Молодежь участвует в ней по зову сердца, при этом проводит время весело и с пользой, но есть ли вероятность, что это развлечение переродится в постоянную потребность нести помощь?

Янина Охойская: Думаю, что сердечный порыв и веселое времяпрепровождение не уменьшают ценности работы, которая при этом делается. Многие наши волонтеры участвуют и в акции Овсяка. На практике это не только веселье, но и зачастую тяжелая, а иногда и неприятная работа, особенно когда кто-то в резкой форме отказывается сделать взнос. Я знаю, что нашим волонтерам, которые собирают пожертвования, например, на помощь жертвам войны в Афганистане или Чечне, случается слышать вопрос, почему они собирают на грязных чеченцев или афганцев в то время, как польские дети голодают. Однако преобладают положительные отклики, благодаря которым удается спасти много челове-

ских жизней. Молодые люди убеждаются, что хотя сами они мало что имеют, но могут сделать много хорошего, и в результате вовлекаются в работу общественных организаций.

Обвинитель: Организация, которой вы руководите, помогает жертвам наводнений. Как принимают эту помощь?

Янина Охойская: С огромной благодарностью. Разумеется, всегда найдутся такие, кто считает, что их несправедливо обошли. С этим мы встречаемся не только в Польше, но и за границей. Но это отдельные случаи.

Обвинитель: Действительно ли поляки не завистливы? Не случается ли так, что вся деревня перессорилась, потому что в рамках помощи выстроили дом кому-то, кого в деревне не любят?

Янина Охойская: Это случается по причинам, достойным сожаления. Если в местности, разрушенной наводнением, живет десять семей, которым нужно построить дома, и они получили от государства по каким-нибудь шесть тысяч злотых, а дом выстроен только одной семье, то понятно, что остальные будут на это смотреть косо. Это только служит доказательством того, как бедны наши люди и как мала помощь от государства. Неправительственные организации, хотя и действуют на пользу государства, тоже не встречаются с его доброжелательностью. По сей день мы не дождалась закона, который бы дал правовые рамки деятельности НПО, а множество предписаний прямо затрудняет нашу работу. Если бы неправительственные организации могли рассчитывать на большую доброжелательность властей, они бы действовали успешней и в более крупных масштабах.

Обвинитель: Доброжелательность властей или рядового поляка?

Янина Охойская: Властей.

Обвинитель: Спасибо.

Защитник: Я бы хотел задать свидетелю еще один вопрос. Сталкивались ли вы со случаями, когда щедрость поляков зависела от расы, вероисповедания или страны, которой предназначалась помощь?

Янина Охойская: Статистика показывает, что поляки охотнее всего помогают польским больным детям. Существует две причины, по которым поляки не так охотно дают деньги на помощь другим народам. Религия или страна для них не имеют значения, хотя чем дальше от наших границ находятся нуждающиеся, тем меньше заинтересованности в оказании помощи. Ключевой момент — информация в СМИ. Только этим путем люди могут узнать, что мы проводим ту или иную благотворительную акцию. Но СМИ слабо информируют о сборе средств для других стран — Чечни, Афганистана, Косово. Второй фактор — низкий уровень культуры общества. У поляка нет еще доверия к неправительственным организациям. Но по своему опыту могу сказать, что и это изменяется, и поляки все более охотно помогают чужестранцам.

Защитник: Чувствуете ли вы симпатию поляков по отношению к себе и к организации, которой вы руководите, или скорее нет?

Янина Охойская: Скорее чувствую.

Защитник: Благодарю вас.

Председательствующий: Вызываю для дачи показаний свидетеля Януша Янковяка.

Защитник: Кто вы по профессии?

Януш Янковяк: Экономист. Я бы охотно помог обвинению, так как вижу, что оно не очень-то справляется.

Председательствующий: Свидетель, прошу вас не отклоняться от темы.

Защитник: Сколько вам лет?

Януш Янковяк: Вы задаете вопросы очень личного характера, господин адвокат. Мне 44 года.

Защитник: Когда вы закончили вуз?

Януш Янковяк: В 1981 году. Это был институт, в котором семинарские занятия вел ставший впоследствии заместителем премьер-министра и министром финансов Лешек Бальцеревич.

Защитник: Как бы вы охарактеризовали 1989 год с точки зрения истории экономики? Как изменился стиль хозяйствования на польском кусочке земли?

Януш Янковяк: Это был переход из нереального мира в реальный.

Защитник: Как справились с этим поляки?

Януш Янковяк: Думаю, хорошо. Из всех посткоммунистических стран наша экономика развивается самыми быстрыми темпами.

Защитник: Почему это происходит?

Януш Янковяк: Стечение обстоятельств, но также и довольно большая динамика, обширные знания, немного везения.

Защитник: Хотят ли богатые [страны] делать у нас капиталовложения?

Януш Янковяк: Разумеется. За 11 последних лет, точнее с 1989-го до середины прошлого года, в Польшу было сделано капиталовложений на сумму 56,2 млрд. долларов. Эта сумма больше, чем составлял т.н. герекровский долг, но разница между ними принципиальная: эти деньги пришли сюда сами, и их не нужно возвращать.

Защитник: Почему так происходит?

Януш Янковяк: Просто Польша — очень хорошее место для бизнеса, и те, кто делает у нас капиталовложения, прекрасно об этом знают. Это не альтруизм. Это бизнес.

Защитник: Сколько иностранцев работает в Польше?

Януш Янковяк: Очень много — в финансовом секторе, довольно много — менеджерами в тех отраслях, где появились заграничные инвесторы. Но в целом это не такая уж большая армия.

Защитник: Кто же всем этим управляет?

Януш Янковяк: Разумеется, поляки.

Защитник: Момент, когда Польша прорвалась к свободе и рыночной экономике, совпал с периодом технологической революции. Как мы с этим справляемся?

Януш Янковяк: Если говорить о пользовании новыми инструментами, то совсем неплохо. Зато если речь идет о применении их к модернизации нашей экономики, то пока что не лучшим образом. Но это дело времени и денег.

Защитник: Испытывают ли инвесторы доверие к Польше и полякам? Считают ли они наше поведение предсказуемым?

Януш Янковяк: Со всей уверенностью можно сказать, что мы не отличаемся от других стран в дурную сторону. Кроме того, в нашу пользу свидетельствует то, что в настоящее время на нас уже смотрят как на страну, входящую в Евросоюз.

Защитник: Благодарю вас, у меня нет вопросов.

Обвинитель: Известно ли свидетелю, сколько по статистике приходится инвестированных долларов на одного жителя Польши?

Януш Янковяк: Да, мне это, конечно, известно, но думаю, что интереснее здесь динамика.

Обвинитель: Но также и сравнения. Как мы выйдем на фоне Венгрии или Чехии?

Януш Янковяк: Разница между Польшей и Венгрией в пользу последней составляет ежегодно около 2000 долларов на человека.

Обвинитель: Это для меня очень важное сообщение. Вы только что нарисовали нам весьма оптимистическую картину польской экономики. Откуда в таком случае взялась пресловутая дыра в бюджете?

Януш Янковяк: Это очень коварный вопрос. Она взялась из плохого управления экономикой.

Обвинитель: А плохо управляли экономикой поляки или какие-то тайные силы?

Януш Янковяк: Никакие тайные силы не оказывают влияния на нашу экономику.

Обвинитель: То есть ответственность за это несут поляки. Можно ли в нескольких словах показать, в чем заключалась ошибка?

Януш Янковяк: В течение нескольких лет, в частности в результате деятельности парламентских политиков, наши расходы росли значительно быстрее, чем возможность создания доходов.

Обвинитель: Согласны ли вы с утверждением, что то, что характеризует государство в целом, характеризует и каждого поляка, который тратил больше, чем зарабатывал?

Януш Янковяк: Не могу согласиться с так далеко идущим обобщением.

Обвинитель: Тогда, может быть, это утверждение справедливо хотя бы в отношении части поляков, например тех, кто забастовками выбивал себе особые социальные привилегии, за что расплачивались

другие социальные группы. На наших глазах наступил полный крах идеи солидарности. Каждый хочет вырвать как можно больше для себя.

Януш Янковяк: Я бы хотел выполнить свое обещание и помочь обвинению, но, может быть, я подойду к этому с несколько иной стороны. Мне кажется, тот факт, что один процент налогоплательщиков вносит в бюджет 30% налогов, — слабоватое проявление солидарности.

Обвинитель: То есть пресловутая солидарность — это только героические воспоминания, а не современное состояние общества. Можем ли мы, несмотря ни на что, утверждать, что поляки хозяйственны, экономны, что они заботятся не только о собственном, но и об общем благе? Или все-таки преобладает тип поляка-ловкача, который старается всех провести?

Януш Янковяк: Трудно говорить о человеке, что он расточителен, если у него всего 800-1000 злотых месячного дохода. Но те, кто ищет легкого заработка, появляются всегда, особенно при экономической нестабильности. В этом нет ничего необычного.

Обвинитель: Таким образом, по вашему мнению, эта черта характеризует не только поляков?

Януш Янковяк: Думаю, это характерно для любой экономики в период преобразований.

Обвинитель: Одним словом, мы вынуждены согласиться с тезисом, что первый миллион поляк должен украсть?

Януш Янковяк: Я бы не заходил так далеко.

Обвинитель: Во всяком случае, если говорить о поляке. Благодарю вас, у меня больше нет вопросов.

Защитник: Представляет ли собой бюджетный дефицит явление, характерное только для польской экономики, или он случается также в других, в том числе и высокоразвитых, странах?

Януш Янковяк: Конечно, это случается везде.

Защитник: Растет ли или падает в Польше год от года производительность труда?

Януш Янковяк: В настоящий момент она одна из самых высоких в мире.

(...)

Председательствующий: Суд назначает экспертом профессора Ежи Едлицкого. Господин профессор, пожалуйста, изложите свое мнение о личности обвиняемого.

Ежи Едлицкий: Глубокоуважаемый суд, господа присяжные заседатели! Обвиняемого в течение долгого времени наблюдали писатели и историки. Результаты наблюдения содержатся в сотнях книг, но я должен говорить кратко, а кроме того, мнения авторов этих книг не обязательно друг с другом согласуются. В нескольких пунктах, однако, они совпадают. Они единодушны в том, что обвиняемый рос в очень тяжелых условиях — без ощущения безопасности, под постоянным контролем и, как правило, не имея влияния на свою судьбу. Жизнь учила его двуличию и лицемерию. Он был обязан притворяться энтузиастом и поклонником того, чему не поклонялся, и зачастую отрезаться от тех, кого любил, и того, что любил.

Такое воспитание, а может быть, и некоторые черты, унаследованные от предыдущих поколений, стали причиной эмоциональной неустойчивости, определенных нарушений в его восприятии окружающего мира и определении шкалы ценностей, а также противоречий в его поведении. Приведу всего лишь несколько примеров такой неустойчивости. Современный поляк, которого вы судите, любит свою родину и в тяжелую годину отдаст за нее жизнь. Но одновременно он пытается обмануть ее при уплате налогов. Он считает свой народ прекрасным и безукоризненным, но своих соотечественников по отдельности — ворами и дурачком. Он находчив и разумен в трудных, да, собственно говоря, и в любых обстоятельствах, но очень любит сетовать, что дела его идут все хуже, потому что все на нем ездят и притесняют его — все кому не лень, во главе с министром финансов. Он завидует богатствам и удобствам Запада, но считает, что он богаче духом и опытом, — и временами бывает прав. Он очень чувствителен к чужому мнению о себе. Его радует любая похвала, он обижается на критику. Он горд тем, что дал миру великого астронома, великого композитора, великого Папу и великого лыжника — прыгуна с трамплина, но, к сожалению, не может не сфальшивить, когда поет свой государственный гимн. В нем сильно развиты чувство юмора и чувство чести, и эти два чувства тесно связаны, поэтому он очень не любит, когда кто-то над ним подшучивает.

Глубокоуважаемый суд, нет никаких оснований утверждать, что подсудимый неспособен отдавать себе отчет в своих действиях. Представленные здесь черты характера складываются в образ личности несколько незрелой и неуверенной в себе, сверхчувствительной и легко поддающейся внушению, но, тем не менее, способной к великим духовным порывам, когда того требуют обстоятельства. Спасибо.

Председательствующий: Есть ли у обвинителей вопросы к эксперту?

Обвинитель: Подает ли поляк какие-либо надежды?

Ежи Едлицкий: Да, несомненно, он подает надежды.

Обвинитель: Исправится ли он, если у него будут хорошие воспитатели?

Ежи Едлицкий: Ему нужны хорошие воспитатели, время и благоприятные условия для перевоспитания.

Обвинитель: Большое спасибо.

Защитник: У меня нет вопросов к эксперту.

Председательствующий: Мы закончили судебное следствие. Прошу обвинение сделать заключительные выводы.

Обвинитель: Глубокоуважаемый суд, господа присяжные заседатели! Перед нами предстал освященный с разных сторон современный поляк. Поляк, которому мы должны вынести приговор. Тем самым — полагаю, что суд и присяжные заседатели со мной согласятся, — мы признаём его человеком свободным и вменяемым. Ибо только такому человеку можно предъявить обвинения и только такому человеку можно сказать в глаза очень горькие истины. Тем более что поляк живет в настоящее время не в каком-то иллюзорном социальном и политическом пространстве. В ближайшее время ему предстоит референдум по вопросу о принятии Польши в Евросоюз. В этом случае он не сможет прикрыться ни историей, ни несчастьями, которые с ним случились. Такое решение может принять человек зрелый, способный трезво подойти к своим недостаткам.

В задачу обвинения не входит травмировать или обидеть поляка. Обвинение считает очень важным мнение эксперта, которое мы только что выслушали. Оно дает надежду на то, что все провинности и дурные черты могут быть излечены, если обвиняемый окажется в соответствующих условиях воспитания, если ему укажут путь, которым можно избавиться от дурных черт.

Глубокоуважаемый суд, на совести обвиняемого, человека свободного и вменяемого, много проступков и пороков, от которых ему следует помочь излечиться. Предлагаю признать его виновным.

Председательствующий: Большое спасибо. Господин адвокат, ваше слово.

Защитник: Господин председательствующий, господа судьи! Вначале я хотел бы, чтобы вы присоединили к делу следующие доказательства: конституцию Польской Республики — новую конституцию свободных поляков, живущих в независимом государстве, — и вникли в ее содержание и смысл.

Председательствующий: Это доказательство суду известно.

Защитник: Поэтому я только напомнил, что оно существует, и прошу вас держать в памяти его содержание. Я бы хотел, чтобы суд принял также в качестве доказательства Северо-Атлантический договор, документ, который меняет наше геополитическое положение. Впервые за всю свою драматическую историю поляки позаботились о своей безопасности. Предлагаю также присоединить к делу в качестве доказательства конкордат — великий документ, с боями завоеванный в польском парламенте. Этот документ позволяет, наконец, в цивилизованной, современной и точной форме определить отношения между Церковью и государством.

Прошу принять все эти документы, благодаря которым в Польше свободно и бесконфликтно действуют двадцать четыре профессиональных объединения. Я просил бы суд принять их в записи на диске CD-ROM, потому что такие диски уже выходят в Польше, господин обвинитель, и поляки прекрасно умеют ими пользоваться.

И, наконец, последнее доказательство, которое, полагаю, окончательно перевесит чашу весов на сторону обвиняемого: три тома «Бесед к концу века» и первый том «Бесед в новом веке» — книги, представляющие собой запись передачи по государственному телевидению, о котором столько говорилось в ходе процесса.

Председательствующий: Благодарю обвинителей и защитников. Суд удаляется на совещание.

Председательствующий: Прошу профессора Барбару Скаргу зачитать приговор присяжных заседателей.

Председатель присяжных заседателей Барбара Скарга: Присяжные заседатели постановили дело условно прекратить.

Председательствующий: Учитывая решение присяжных заседателей, суд выносит постановление: назначить обвиняемому испытательный срок до проведения референдума по вопросу о вступлении Польши в Европейский союз и обязать его интенсивно работать над своим образованием и преодолеть склонность к эгоизму и пассивности!

Закрываю судебный процесс.

В №12 «Новой Польши» в сноске к статье Войцеха Скальмовского «Частный круг чтения Ежи Гедройца» романтический поэт Зигмунт Красинский был ошибочно назван Игнацием. За допущенную опечатку приносим извинения автору и читателям.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Л.Шаруга: О творчестве Густава Херлинга-Грудзинского

Я.Янковяк: Если так плохо, то почему так хорошо?

К.Бурнетко: Газетный киоск

М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге

Р.Пшибыльский: Об И.Бродском, А.Ахматовой, О.Мандельштаме

Я.Шимак-Райфер: О Рышарде Пшибыльском

К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к концу столетия

Наши за границей: А.Северин, Ю.Хурвиц, П.Слонимский, В.Пшоняк,
З.Рыбчинский, Я.Котт, А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Шимборской, Бялошевского и др.

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского, Горбаневской,
Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша» распространяется бесплатно

Допущен к распространению на территории Российской Федерации решением
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и
средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации
ПИ № 77-1063 от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ

РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии .

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Новый ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

DWUTYGODNIK ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике . Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.